

НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС БЕСТСЕЛЛЕР

РУССКОЕ

— РОМАН —

ЭДВАРД РЕЗЕРФОРД

От автора
романов-бестселлеров

«ПАРИЖ» и «ЛОНДОН»

АЗБУКА

The Big Book

Эдвард Резерфорд
Русское

«Азбука-Аттикус»

1991

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Резерфорд Э.

Русское / Э. Резерфорд — «Азбука-Аттикус», 1991 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-19706-0

Эдвард Резерфорд – английский писатель, автор мировых бестселлеров «Лондон», «Дублин», «Ирландия», «Нью-Йорк», «Париж» и др. На страницах романа «Русское», романа о России, разворачивается история длиной без малого в две тысячи лет, где переплетаются и взаимодействуют реально существовавшие исторические деятели и вымышленные автором персонажи. Изучив огромное количество литературы, он широкими мазками намечает значимые вехи, выхватывая самые драматические события истории и место в них человека. Русская литература служит Резерфорду проводником сквозь века, дает модель для образов персонажей и их взаимоотношений. Взгляд Резерфорда – это, конечно же, взгляд иностранца, очередного «путешественника на Русь», разглядывающего, изучающего, желающего установить причины и следствия, искренне пытающегося понять. Этот роман, задуманный и осуществленный в переломный период русской истории и запечатлевший страну, какой писатель увидел ее в конце 1980-х гг., в наши дни тоже стал частью истории. В нем звучит важная для автора тема: сколько бы тяжелых испытаний ни выпало на долю страны и ее жителей, она, словно феникс, возрождается снова.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19706-0

© Резерфорд Э., 1991
© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

Предисловие	9
Благодарности	11
Глава первая. Лес и степь	12
Глава вторая. Река	41
Глава третья. Татарин	111
Глава четвертая. Икона	172
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Эдвард Резерфорд Русское

Edward Rutherford
Russka

© 1991 by Edward Rutherford

© С. Ардынская, перевод, 2021

© А. В. Щеникова, перевод, 2021

© Т. А. Шушлебина, перевод, 2021

© И. Ю. Куберский, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

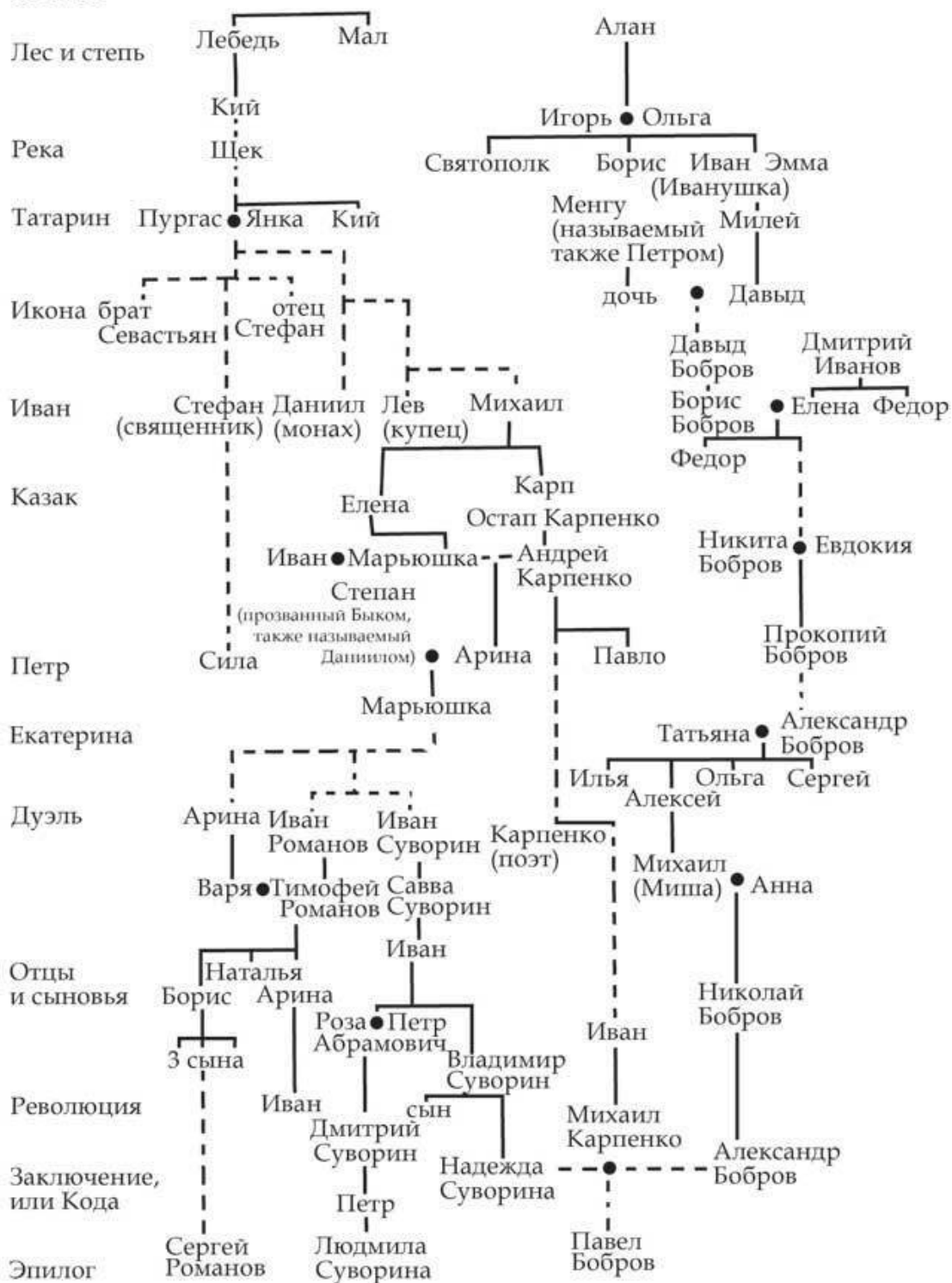
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Эту книгу автор с глубоким почтением посвящает тем, кто
сейчас восстанавливает монастырь в Оптиной пустыни*

Генеалогическое древо

ГЛАВЫ

Предисловие

Село, затем город Русское

Два поселения, носящие в этом повествовании название Русское (первое на юге, а второе, основанное позже, – на севере), – целиком вымышлены, впрочем, само это название действительно можно найти на карте. Каждое из этих вымышленных местечек представляет собой сплав черт, присущих, соответственно, русскому Югу и русскому Северу. В северном Русском, где происходят основные события романа, старый город и монастырь отчасти отдаленно напоминают древний город Суздаль, в котором и были написаны несколько глав этой книги. Чудотворные ключи я увидел под стенами древней Изборской крепости, на северо-западе России. Усадьба Бобровых весьма походит на имение, принадлежавшее семье Пушкина.

Роман «Русское»

«Русское» – исторический роман. Семейства Бобровых, Сувориных, Романовых, Ивановых, Карпенко, Поповых и персонаж по фамилии Пинегин вымышлены. Однако, проследивая их судьбы на протяжении столетий, я помещал их в историческое окружение, среди лиц, которые существовали или, по крайней мере, могли существовать, и событий, которые происходили или, по крайней мере, могли происходить на самом деле.

Я, насколько возможно, старался показать читателю исторический фон тех или иных событий; сведения, которые я привожу для его удобства в романе, надеюсь, окажутся достаточно информативными, но в то же время не будут раздражать его излишними подробностями. Время от времени я позволял себе чуть-чуть «сжать», сократить изображаемые события, чтобы упростить ход повествования, но, полагая, нигде не исказил исторической правды.

Пытаясь хоть сколько-то передать ощущение удивительного богатства и своеобразия русской культуры, я счел себя вправе обильно заимствовать из неисчерпаемых источников – русского фольклора и литературы. За результат, каким бы он ни вышел, разумеется, всецело несу ответственность я один; впрочем, надеюсь, что у читателей, знакомых с предметом, возможно, возникнет чувство, что они встретили на этих страницах своих старых друзей.

В тех случаях, когда топонимы менялись, я опять-таки опирался на собственное суждение, иногда используя исторические формы, иногда, для ясности, современные.

Краткие итоги

Изначально эта книга писалась в 1987–1991 годах: за это время я несколько раз ездил в Россию и в общей сложности провел там много месяцев. Путешествуя как частное лицо, я смог не только побывать в Москве и в Ленинграде, но и увидеть северо-западные области страны, вплоть до Кижей и Балтийского моря, средневековые города Золотого кольца вокруг Москвы, Киев, Чернигов и Украину. Мои странствия по югу России привели меня в Одессу, в Крым, на берега Дона, где традиционно селились казаки, на Кавказ и в среднеазиатские города Хиву и Самарканд, расположенные в пустыне. Благодаря друзьям мне удалось посетить город Гусь-Хрустальный, находящийся примерно рядом с вымышленным северным Русским. Союз писателей также любезно свозил меня в старинную Рязань и показал место, где располагалась первая, еще более древняя Рязань, сожженная татаро-монголами, – оно произвело на меня пронзительное и скорбное впечатление.

Однако наиболее важным показался мне тот проведенный в России день, когда, опять-таки благодаря Союзу писателей, я смог побывать в только что возрожденной монашеской обители – Оптиной пустыни. Мы прибыли туда тотчас же после знаменательного события: накануне монахи обрели мощи знаменитого старца Амвросия Оптинского, жившего в XIX веке, и в то самое утро, когда мы приехали в монастырь, служили по сему случаю торжественный благодарственный молебен. Мне, иностранцу, ставшему свидетелем этой трогательной в самой своей простоте сцены, было дано на мгновение узреть истинную Россию, и я раз и навсегда уверился в том, что, если мы хотим понять хоть что-то в настоящем и вероятном будущем этой удивительной страны, необычайно важно как можно глубже погрузиться в ее прошлое.

Благодарности

Я хотел бы выразить глубокую признательность профессору Института славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета доктору Линдси Хьюз и аспирантке Йельского и Висконсинского университетов мисс Кэти Поттер, которые, разделив, прочитали всю рукопись этой книги и исправили ошибки. Если в романе остались какие-то неточности, погрешности и несообразности, то все они – исключительно на моей совести.

Мне хотелось бы также поблагодарить профессора Йельского университета Пола Башковича, предложившего мне написать роман о России.

Мне хотелось бы также высказать глубокую признательность Эдварду Казинцу и сотрудникам славянского отделения Нью-Йоркской публичной библиотеки, сотрудникам библиотеки Батлера Колумбийского университета и сотрудникам Лондонской библиотеки за их неутомимую помощь, неизменную поддержку и дружеское расположение. Мне хотелось бы особо поблагодарить членов нью-йоркского Синода Русской православной церкви за рубежом и преподавателей Крествудской Свято-Владимирской духовной семинарии, которые помогли мне получить многие книги, необходимые для моей работы.

Я хотел бы также выразить признательность мистеру Джону Робертсу, любезно порекомендовавшему меня многим из тех, кто впоследствии оказал мне помощь и поддержку, а также члену Союза писателей Москвы господину Владимиру Стабникову, которому я в значительной мере обязан тем, что мои путешествия по России состоялись, и который дал мне множество полезных советов и всячески ободрял и поддерживал меня в моем начинании. Я также благодарен сотрудникам Государственного Эрмитажа, любезно организовавшим для меня индивидуальные экскурсии.

Я бы хотел упомянуть также о множестве людей и на Западе, и в СССР, которых не могу перечислить здесь поименно и которые частным образом оказали мне большую помощь и гостеприимство; я никогда не устану благодарить их.

Мне бесконечно посчастливилось иметь такого литературного агента, как Джилл Колридж, и двух редакторов – Бетти А. Прешкер, сотрудницу издательства «Краун Пабlishers», и Розы Чизем, сотрудницу издательства «Сенчери»: их терпение, поддержка и неизменная, неутомимая помощь сделали возможной появление этой книги.

Я глубоко признателен своей жене Сьюзан за доброту и терпение, проявленные ко мне в то время, пока я вынашивал, обдумывал и лелеял этот творческий замысел.

Пользуясь случаем, еще раз приношу особую благодарность Элисон Борзуик за профессиональное составление карты.

И наконец, я хотел бы высказать признательность архимандриту и монахам Оптиной пустыни, открывшим моему взору незабываемые образы России.

Глава первая. Лес и степь

180 год н. э.

В степи этой ночью было тихо. Тихо было и в лесу.

Ветер пролетал над землей, едва касаясь.

В избе, одной из шести сбившихся в стайку в маленькой деревушке у реки, спала, обняв ребенка, мать.

Она не ощущала приближения опасности.

Высоко в озаренном звездами летнем небе время от времени медленной, ленивой чередой проплывали бледные облака, отражающие мягкий свет месяца, виднеющегося на юге.

Пышные, белесоватые, низко нависающие, появлялись они, подобно всадникам с востока, из неизвестно каких бесконечных степей; величественно, неспешно скользили над крохотной деревней на речном берегу и, оставив позади эти избы, продолжали свое странствие над темным лесом, тоже, возможно, тянувшимся бесконечно.

Деревушка располагалась на юго-восточном берегу широкой полноводной реки. Дубовые и липовые, сосновые и березовые леса постепенно сменялись здесь полянами и широко раскинувшимися лугами, окраинами огромной, могучей степи. А за маленькой речкой на северо-западном берегу простирался лес, густой, темный и непроходимый.

Три семьи, обитатели этой деревеньки, пришли сюда пять лет тому назад и, обнаружив здесь древнее, давным-давно заброшенное укрепленное поселение, сплошь заросшее мелким кустарником, расчистили его, установили частокол на защищающем его низком земляном валу, а внутри построили пяток изб. Поблизости распахали два больших поля, неровными полотнищами вторгшихся в границы леса. За ними вскоре одна за другой запестрели лоскутным одеялом рощисты поменьше.

В нескольких сотнях сажен земля по обоим берегам реки заболачивалась, и болотца эти тянулись на много верст.

Ветер пролетал над землей, едва касаясь. Он словно ласкал верхушки деревьев, и древесные кроны, озаренные снизу, бледно мерцали в звездном свете. В лесах поблескивали воды извилистой реки и болота.

Кроме тихого шелеста листвы, ничто не нарушало безмолвия. Лишь порой заводится небольшой зверек или олень прощестует сквозь густую траву. В какое-то мгновение возле болота за кваканьем лягушек внимательное ухо могло уловить хруст веток: это по лесной опушке пробирался медведь. Однако в деревне слышался лишь шелест деревьев да время от времени шорох колосьев, стоило ветерку провести невидимой рукой поверх длинного полотна ячменного поля, тотчас на миг покрывавшегося рябью, будто все его охватывала дрожь.

Иногда поле замирало, а иногда колосья наклонялись в другую сторону, словно ветер с востока лениво затихал, чтобы спустя мгновение снова заколыхать спелый ячмень.

Это происходило в 180 году – а как будто и не в 180-м, ведь, хотя в будущем тот год пометят именно таким номером, христианский календарь еще не использовался. Далеко на юге, в римской провинции Иудея, где жил Иисус Назаретянин, ученые раввины подсчитали, что сей год – 3940 от Сотворения мира. Кроме того, то был сто десятый год со дня разрушения Иерусалима. В остальной Римской империи шел двадцатый и последний год правления Марка Аврелия и первый год единоличного правления Коммода. В Персии считали 491 год эры Селевкидов.

А какой год протекал у жителей крошечной деревеньки на опушке леса? Насколько известно истории – никакой. О присвоении годам длинных номеров, как это принято в цивилизованном мире и фиксируется в письменных текстах, здесь и слыхом не слыхивали.

Это была земля, которая однажды станет известна под названием Россия.

Ветер пролетал над землей, едва касаясь.

Она спала, прижав к себе маленького сына. Тревожные мысли, которые беспокоили ее накануне, покинули ее во сне легко и бесследно, точно бледные облака, растворяющиеся вдали над лесом, за рекой. Она спала безмятежно.

В избе расположились на ночь двенадцать человек. Пятеро из них, в том числе Лебедь и ее сын, лежали на широких полатах, закрепленных поперек над большой печью. В эту теплую летнюю ночь печь не топили. Воздух был напоен сладковатым, земляным, довольно приятным запахом, исходившим от людей, которые весь день проработали в страду в поле. К нему примешивался свежий аромат трав, приносимый ветром сквозь квадратный открытый оконный проем.

Она лежала на самом краю полатей, в соответствии со своим низким статусом, ведь она была младшей из жен своего мужа. Она была уже немолода, ей исполнилось двадцать семь. Лицо у нее было широкое, в бедрах она уже раздалась, округлилась. Густая светлая коса ее свешивалась с края деревянного настила.

Рядом с ней, положив голову на материнскую пухлую руку, спал ее пятилетний сын. До него были у нее и другие дети, но все они умерли, он остался у нее один-единственный.

Замуж она вышла пятнадцати лет и всегда знала, что муж взял ее в жены только потому, что она была сильной: ей полагалось работать. Но жаловаться ей было особо не на что. Муж оказался человеком незлым. Высокий, все еще пригожий в свои сорок лет, с обветренным лицом, выражавшим кротость и даже какую-то задумчивость, обычно, едва завидев ее, он оживлялся, в его светло-голубых глазах появлялась веселая, озорная искорка, и он кликал ее: «А вот и моя мордовка!»

У него это словцо было почти ласковым. Но в чужих устах оно звучало совсем по-другому.

Ведь Лебедь не считалась полноправным членом племени. В глазах мужчины клана она была полукровкой из-за происхождения ее матери. Кем была та? Одной из лесного народа? Мордовкой?

С незапамятных времен по лесам и болотам, простиравшимся на сотни верст к северу, были рассеяны финно-угорские народы, к числу которых принадлежало и племя ее матери. Широколицые, со смугловатой кожей представители монголоидной расы, они охотились и ловили рыбу в этих бескрайних пустынных землях и жили в крохотных хижинах и землянках жизнью почти первобытной. Во дни солнцестояния они водили хороводы и высокими, резкими, несколько гнусавыми голосами монотонно распевали во славу неяркого солнца, которое чем дальше на север, тем реже показывалось зимой, а летом лишало землю ночного покоя, погружая мир в долгие, белые сумерки, и размывало линию горизонта вспышками бледных зарниц.

С недавних пор народ ее мужа – светловолосые люди, говорящие на славянском языке, – стал основывать в этом лесу, к востоку и к северу от своих исконных земель, небольшие колонии. В некоторых из этих поселений возделывали поля и разводили скот, как это делал клан ее мужа. Славяне и первобытные финно-угорские народы, коли случалось им сталкиваться, враждовали редко. Земли и охотничьих угодий здесь хватило бы и народу, числом превосходящему их в десять тысяч раз. Вступали они и в смешанные браки вроде того, что некогда заключила ее мать. Но жители деревушки все равно с презрением смотрели на лесных людей.

Ее муж шутил, величая ее по названию большого мордовского народа, чьи земли располагались далеко на севере, а не того маленького племени, к которому принадлежала ее мать. Но имя это – «мордовка» – обращало ее уж совсем в чужеземку, хоть и была она наполовину славянкой. А еще это слово, печально размышляла она, не давало забыть всему остальному клану, что надобно относиться к ней с пренебрежением.

И особенно ее свекрови. Вот уже почти тринадцать лет, дородная и грозная, была она для Лебеди словно туча, что вот-вот прольется ливнем и градом. Иногда по многу дней ее лицо, с тяжелыми, отвисшими щеками и крупными звериными чертами, сохраняло безмятежное, даже дружелюбное, выражение. Но затем лишь малая провинность с ее стороны – уронила веретено, разлила сметану, – и свекровь впадала в безудержный гнев. Остальные женщины в доме в таких случаях смиренно молчали, либо опустив глаза в пол, либо украдкой наблюдая за расправой. Но она знала: втайне те радуются, что сами избежали кары, что ярость свекрови обрушилась на чужеземку. Излив гнев, свекровь обычно без всякого перехода приказывала ей вернуться к работе, а потом, пожав плечами, обращалась к остальным: «Чего и ждать-то от бедной мордовки?»

Вытерпеть это было не так уж трудно, кабы не ее собственная семья. И отец ее, и мать умерли годом раньше, и у нее оставался теперь только младший брат. Именно из-за него она вчера и плакала.

Он никому не делал зла, но вечно попадал в немилость к деревенскому старейшине. На его широком, глуповатом лице вечно сияла улыбка, даже когда он напивался допьяна: и ничего он не хотел от жизни, только охотиться да баловать своего маленького племянника.

«Забудь о Кие, – говорила она ему, – да и обо мне тоже, если не будешь слушаться старейшины». Но все было без толку. Он терпеть не мог работу в полях, разрешения отлучиться не спрашивал и пропадал в лесу целыми днями, покуда сельчане раздраженно о нем судачили, а потом она замечала: вот он, пожалуйста, приземистый и сильный, вышагивает как ни в чем не бывало, на поясе висит несколько шкур, на лице сияет обычная его глуповатая улыбка. Старейшина принимался его бранить, а свекровь поглядывала на нее с удвоенным отвращением, словно это ее вина.

А теперь, надо же, накануне он – дурак дураком! – пообещал мальчику: мол, в следующий раз, как пойдет на охоту, добудет Кийчику медвежонка. Станет племянник держать его на привязи возле избы.

– Но, Мал, – напомнила она брату, – старейшина же сказал, что выгонит тебя из деревни, если ты опять ослушаешься.

В наказание за отлучки старейшина и так запретил ему охотиться на весь остаток года.

Но брат только кивнул своей большой, светловолосой головой, по-прежнему глупо улыбаясь, и не сказал ни слова.

– И что бы тебе не жениться и не оставить дурачества? – в отчаянии крикнула она.

– Как прикажешь, сестрица Лебедь.

Он с усмешкой склонил голову.

Нарочно сказал так, чтобы вывести ее из себя, ведь почти никого в деревне не называли полным именем. Малыша Кия все кликали детским, малым именем – звали Кийчиком. И ее редко звали Лебедью, с детства величали ласкательным прозвищем: Лебедушка. Прозвище было и у Мала: сельчане честили его Лентяем, когда на него злились.

– Лентяй! – не осталась она в долгу, охваченная гневом. – Остепенись да возмись за работу!

Но Мал и не думал остепеняться. Он предпочитал жить в крохотной избе вместе с двумя стариками, сейчас уже ни на что не годными, вот разве охотившимися изредка на мелкую дичь. Втроем они пили мед, били зверя да рыбачили, а женщины посмеивались над ними, но терпели.

Вчера она еще дважды приходила к нему в поле, и во второй раз даже расплакалась, пытаясь уговорить его не ходить за медвежонком. Хотя брат и был для нее сущим наказанием, она все равно его любила тосковала бы по непутевому, если бы того изгнали.

И каждый раз, хотя и видел слезы на глазах у сестры, Мал только усмехался, и по его крупному, широкому лицу стекали капли пота, когда он стаскивал копны сена в стог.

Вот потому-то на исходе этого долгого дня она не сразу заснула и долго ворочалась; а когда наконец погрузилась в забытие, бессознательно ощущала предвестие беды.

Но сейчас ночь исцелила ее от всех страхов, и она забылась сном без сновидений. Под простой, грубой рубахой грудь ее равномерно вздымалась и опадала. Долежавший из окна ветерок шевелил светлые вихры ее ребенка.

Никто не проснулся, когда пес, который дремал на пороге, привскочил и выжидательно уставился на две тени, проскользнувшие мимо. Никто, кроме маленького мальчика, на миг приоткрывшего глаза. Он сонно улыбнулся, и если бы его мать проснулась, то почуяла бы, как Кийчик весь дрожит от волнения. Он снова закрыл глаза, по-прежнему улыбаясь.

«Скоро!»

Ветер пролетал над землей, едва касаясь.

Но где же находилась эта девушка, эта река, этот лес?

Здесь надо в нескольких словах пояснить, почему это волшебное место так важно.

По традиции географическая наука издавна делит гигантский материк Евразию на две части: Европу – на западе, и Азию – на востоке. Но традиция эта обманчива. На самом деле существует и более естественное разделение материка на север и юг.

Ибо через весь этот огромный массив суши, от Северной Европы, через всю Россию, через ледяные пустыни Сибири, вплоть до возвышенностей на границе с Китаем, простирающихся на север почти до самой Аляски, протянулась величайшая равнина мира.

Протяженность великой Северо-Евразийской равнины с запада на восток составляет одиннадцати с лишним тысяч километров. Она проходит от Атлантического до Тихого океана, образуя ряд огромных, соединенных между собою тектонических плит, которые покрывают шестую часть всей суши на нашей планете и по размерам могут сравниться с территорией США и Канады вместе взятых. На севере большая часть этой равнины ограничена холодным Северным Ледовитым океаном. От его берегов она, кое-где достигая в ширину более трех тысяч километров, простирается на юг – через гигантские зоны тундры, леса, степи и пустыни до своей южной границы. Можно считать, что именно эта граница и делит Евразию пополам.

Ведь если Северная Евразия представляет собой огромную равнину, то Южная Евразия, простирающаяся с запада на восток, включает в себя Среднюю Азию, древнюю Персию, Афганистан, Индию, Монголию и Китай. А север словно стеной отделяют от юга протянувшиеся полумесяцем могучие горные гряды, среди которых можно насчитать несколько высочайших вершин мира – от западноевропейских Альп до величественных азиатских Гималаев и прочих восточных горных хребтов.

Поэтому трудно понять, отчего географы когда-то решили поделить Евразию на запад и восток.

Если продвинуться вглубь на треть великой равнины, остановившись примерно к северу от современного Афганистана, то можно оказаться перед простирающейся с севера на юг, от тундры до краев пустыни, длинной чередой низких древних гор. Это Урал. В них принято видеть границу между Европой и Азией.

Однако, по правде говоря, за исключением нескольких весьма скромных вершин, эти пологие горы часто поднимаются в высоту всего на десятки метров. Никакие усилия воображения не помогут воспринимать их как «водораздел» между континентами: они едва ли обра-

зуют даже рябь на этой океанской глади суши. Границы между Европой и Азией не существует – равнина представляет собой единое целое.

Там, где она охватывает Северную Европу, равнина очень узка, всего-то каких-нибудь шестьсот пятьдесят километров в ширину. Затем, переходя на территорию Восточной Европы, она начинает расширяться, точно клин. Северную ее границу теперь образует большой холодный Финский залив, часть Балтийского моря, притаившегося под изогнутым выступом Скандинавии. Южную, горную границу ее формируют величественные Балканы и Карпаты, охраняющие Север Греции. А потом она, широко раскинувшись, и вовсе забывает о границах и пределах.

Россия: место, где равнина бесконечна.

Россия: место, где встречаются Восток и Запад.

Россия: пограничная земля.

Здесь, где начинается Россия, северная граница необозримой равнины постепенно вздымается кверху, по направлению к Северному Ледовитому океану. В этих северных краях берет начало величайший лес всего мира – холодное, темное царство хвойных деревьев, именуемое тайгой, которое простирается на тысячи километров до берегов Тихого океана. Середину равнины занимает гигантский смешанный лес. А на юге начинается бесконечная, поросшая травой степь, и в этом месте она не обрывается на юге пустыней или горным кряжем, а выходит на приветное, солнечное побережье, подобное средиземноморскому.

Ибо южную границу центральной части России образует теплое Черное море.

Черное море, расположенное, так сказать, над восточной оконечностью Средиземного, напоминает закрытый сосуд. Мощная гряда южных гор охватывает его, подобно огромной плотине: на юго-западе его обнимают Балканы, на юге – горы современной Турции, на юго-востоке – устремляющийся ввышину Кавказ. Между Балканами и турецкими горами пролегает узкий пролив, соединяющий Черное море с его более могучим и полноводным соседом. В своей черноморской части этот пролив называется Босфором, а в южной – Дарданеллами.

Море это имеет внушительные размеры и простирается примерно на девятьсот семьдесят километров с запада на восток и шестьсот пятьдесят километров – с севера на юг. В него впадают бесчисленные реки, среди них, на западе, к северу от Греции, – величественный Дунай. В водах этого моря содержатся следы серы, и потому, быть может, оно когда-то и было наречено Черным.

Посреди северного, русского берега далеко в теплые воды моря вдается напоминающий своими очертаниями плоского ската или камбалу широкий полуостров. Это Крым. По обеим его сторонам, разделенные почти шестьюстами пятьюдесятью километрами, из далеких лесов по степи вливаются в Черное море две гигантские реки. На западном берегу – это широкая река Днепр, на восточном – могучий Дон.

Таким образом, между двумя этими речными системами, Днепром и Доном, начиная от Причерноморской степи и до северных лесов, раскинулась гигантская, древняя, исконная Русь.

Россия: пограничная земля.

Ибо великая равнина не кончается, а простирается и простирается все дальше и дальше, уходя даже на восток. На ее южной границе, к востоку от Черного моря, гигантская гряда Кавказских гор протянулась еще на девятьсот семьдесят километров. Знаменитый своими винами и своими воинами – грузинами, армянами и многими другими – Кавказ с его сияющими пиками на сотни метров возвышается над любыми вершинами Альп и Скалистых гор.

Естественной границей Кавказа служит любопытный природный феномен: второе из двух морей, окруженных полумесяцем горной гряды с юга. Оно имеет гигантские размеры, простирается с севера на юг, своей формой примерно напоминает полуостров Флорида, но по длине превосходит его в два раза – и горный кряж огромным полумесяцем отвесно спускается книзу, охватывая его своими уступами, точно петлей. Это Каспийское море.

С научной точки зрения – это самое большое в мире озеро, ведь стока из него нет. Его окружают степь, горы и пустыня, его вода убывает, испаряясь в воздухе пустыни. А на северном берегу его питает самая известная река России.

Волга-матушка.

Свое великое странствие начинает она далеко-далеко, в заповедных лесах, в самом сердце России. Там русло ее описывает гигантский изгиб, прорезая уединенные северные леса, а потом поворачивает к югу; так, объев и напивав собой исконные русские северные земли, река делает поворот и несет свои воды по Евразийской равнине на восток, а потом и на юг, и наконец медленно течет дальше, из леса, по волнуемой ветром степи к далеким пустынным берегам Каспийского моря.

Но и за пределами волжской дельты великая равнина все тянется и тянется, постепенно делаясь все более и более негостеприимной. На юге простерлись ужасные пустыни. На севере властвуют темная тайга и вечная мерзлота, в конце концов подчиняя себе всю равнину. До сего дня эти огромные земли остаются почти необитаемыми. За Волгу, через Урал, по ледяным пустыням Сибири, к далекому Тихому океану – равнина тянется более чем на четыре с половиной тысячи километров.

А где же находилась деревня с ее речкой и лесом?

Нетрудно сказать. Она располагалась на окраине южнорусской степи, в нескольких десятках верст к востоку от великой реки Днепр и примерно в пятистах верстах от устья этого великого потока в северо-западной части теплого Черного моря.

Однако, сколь ни странным это может показаться, если бы какой-нибудь чужеземец в то время спросил, как добраться до данного места, едва ли нашелся бы хоть кто-нибудь, кто сумел бы ему это объяснить.

Ибо Государство Российское в ту пору еще не существовало. Древние цивилизации Востока: Китай, Индия, Персия, – находились далеко-далеко, к югу от мощной горной гряды, образующей южную границу равнины. В глазах китайцев, индийцев и персиян пустынная равнина была бесплодной землей.

На западе могущественная Римская империя распространила свое влияние на средиземноморское побережье и даже далеко на север, вплоть до Британии. Однако римляне остановились на опушке тех лесов на востоке, что росли на великой Евразийской равнине.

Ибо что знали римляне о лесе? Лишь то, что к востоку от Рейна обитают воинственные германские племена, а к северу от Балтийского моря – балты, летты, эсты, литва, о которых доходили до римлян только смутные слухи. Этим все и исчерпывалось. О славянских землях, раскинувшихся за владениями германцев, они знали мало, а о финно-угорских народах, обитавших в обширных лесах за Волгой, – совсем ничего. О тюркских и монгольских племенах, которые жили в сердце неизмеримой, необъятной Сибири, за лесом, и слухом не слыхивали, ни одна весть о них, даже переданная едва слышным шепотом, не проникала из бесконечной степи.

А что знал о степи Рим? Нельзя отрицать, что в Восточном Средиземноморье Рим вторгся даже в пределы Армении, в отроги Кавказских гор; много лет были знакомы Риму маленькие порты на северном побережье Черного моря, куда его корабли приходили за мехами или рабами из внутренних районов этих земель или затем, чтобы встретить караваны, побывавшие на таинственном Востоке и пересекшие ради того пустыню. Но гигантская равнина, лежавшая позади этих небольших гаваней или армянских земель, оставалась для римлян *terra incognita* – неизвестными краями, населенными варварами, полной опасностей степью, непроходимыми реками. Составленные Геродотом, Птолемеем, Плинием карты классической древности с их детально показанными городами, дорогами и границами начинали полагаться на слухи или обрывались, не успев даже приблизиться к маленькой деревушке.

Да и сами ее жители не могли бы объяснить, где их дом.

Даже сегодня, повергая в замешательство иностранцев, россияне с трудом могут указать нужное направление. Спросите, проходит ли дорога на восток или на запад, на север или на юг и на сколько километров – и русский не сумеет дать ответ. Да и зачем ему это на бескрайней равнине, где один бесконечный горизонт сменяет другой, столь же бесконечный?

Однако он может сказать вам, как текут реки.

Потому-то и жители крохотной деревушки знали, что их маленькая речка впадает в другую маленькую речку, а та спустя непродолжительное время впадает в могучий Днепр. Они знали, что где-то далеко, за южной степью, Днепр впадает в море.

Но только это они и знали. Лишь пятеро из них видели Днепр.

Не желая погрешить против истины и стремясь верно передать тогдашнее положение вещей, мы не можем говорить о России, еще не существовавшей в ту пору; не в силах мы и указать ориентиры, по которым можно было бы определить таковое положение. Мы можем сказать лишь, что деревушка эта находилась на землях к северу от Черного моря, где-то к востоку от реки Днепр и к западу от реки Дон; немного восточнее леса и немного западнее степи; на одной из тысяч рек, не нанесенных ни на какую карту. Едва ли кто-то смог бы сообщить более точные сведения, да и кому было здесь до них дело?

Ветер пролетал над землей, едва касаясь, и летняя ночь опустилась над бескрайним пространством. На западной окраине великой равнины сгущались сумерки. Здесь, в южной деревушке, сияла звездами полночь, хотя дальше, к северу, ближе к полярным широтам, все еще не рассеялся бледный сумрак. На востоке, возле Уральских гор, час был самый ранний, стояла глубокая ночь. В Центральной Сибири занимался рассвет; на берегах Тихого океана утро вступило в свои права, а еще дальше, на северо-восточной оконечности огромного массива суши напротив Аляски, уже настал полдень. Ночью над бескрайней равниной могли бушевать грозы, проливаться дожди, неистовствовать ураганы, и никто их не замечал. В паре тысяч верст к северу от деревушки над лесом разразилась гроза с громом и молнией, но здесь царила тишина. И неужели хоть кто-то знал, какие грозовые облака проносились над лесными чащобами, какие шатры разбивали в степи, какие огни горели на бескрайней равнине в бесчисленных чертогах ночи?

Маленький мальчик проснулся с улыбкой.

Ветер задувал в избу, солнечный свет, проникнув сквозь квадратный оконный проем, большим бледным четырехугольником лежал на земляном полу.

– Уже проснулся, ягодка моя?

Она подошла к полатам, где спал ребенок, приблизив к нему широкое лицо. Позади нее в горнице сустились люди. В одном углу висела на длинном деревянном крюке, прикрепленном к стропилам, колыбель с младенцем.

Горница была просторная. Стены ее, глиняные, на деревянном каркасе, были грязно-серого цвета. Такой оттенок они, как и во всех остальных избах этой деревушки, приобрели из-за того, что в домике с длинной дерновой крышей не было дымохода: дым из большой печи невозбранно заполнял горницу, и только потом его выпускали, подняв ставень над маленьким отверстием в потолке. Таким образом, помещение быстро нагревалось, а его обитателям закопченные стены представлялись чем-то давно знакомым и желанным. Однако сегодня огонь в печи не разожгли. Воздух в горнице был чист и прозрачен, царила приятная прохлада.

В избе были еще два помещения: за печью – сени, через которые попадали в горницу, а с противоположной от сеней стороны – еще одна каморка, служившая одновременно мастерской и клетью. Здесь стоял ткацкий станок, всевозможные бочонки, лежали мотыги, серпы, а на стене, на почетном месте, висел топор, принадлежащий хозяину дома. Вся изба, выстроенная

на дубовых сваях, вершков на десять была вкопана в землю, и потому, чтобы выйти наружу, приходилось выбираться, как из неглубокой ямы.

Мать умыла мальчика водой из бурого глиняного кувшина. Он не отрываясь смотрел мимо нее на полосу сияющего солнечного света, простершуюся на полу.

Но думал он при этом о чем-то другом.

Она улыбнулась, заметив, как заворожено глядит он на залитый солнцем пол.

– Как мы говорим про солнечный свет? – тихо спросила она.

– Придет в дом – не выгонишь колом. Пора придет – сам уйдет, – послушно произнес нараспев он.

Он посмотрел в окно. Ветер шевелил его светлые волосы.

– А как говорим о ветре?

– Без рук, без ног, а дверь отворяет.

Он уже выучил наизусть с десяток таких речений. Женщина знала сотни простеньких, неприятных загадок, присказок, присловий, поговорок, пословиц – вроде тех, где солнечный свет сравнивался с непрошеным гостем, а ветер – с невидимым пришельцем. Во всех этих бесчисленных изречениях народ с восторгом предавался словесной игре, творя и обогащая свой язык.

Через мгновение она его отпустит. Он просто изнывал, так ему хотелось выбежать за дверь и посмотреть, вдруг медвежонок уже здесь?

Она быстро заглянула ему в рот. У него недавно выпали два молочных зуба, но на их месте выросли новые. Еще один шатался, но пока ни один больше не выпал.

– Полон хлевец белых овец, – блаженно пробормотала она.

А потом отпустила его.

Он бросился к двери, пробежал через сени и выскочил наружу.

Напротив избы был разбит крохотный огород, где накануне он помогал матери вытаскивать большую репу. Справа крестьянин укладывал сельскохозяйственные орудия на старую деревянную телегу с мощными колесами, выточенными из одного куска дерева. Слева, немного подальше, у реки виднелась маленькая баня. Она была построена всего три года тому назад и предназначалась не нынешним обитателям деревни, у которых была своя баня, побольше, а предкам. В конце концов, маленький Кий знал, что мертвые любят попариться не меньше живых, даже если увидеть их невозможно. Всю его коротенькую жизнь ему только и твердили, что предки гnevаются, если не получают положенного почета и внимания.

– Ты же не хочешь, чтобы о тебе забыли, когда ты уйдешь, ведь правда? – спросила его одна из жен его отца, и он подумал, что конечно же не хочет, чтобы о нем забыли и чтобы самый образ его изгладился из памяти его односельчан и канул в небытие.

Он знал, что мертвые рядом, что они следят за ним, и точно так же знал, что под углом амбара, стоящего перед домом старейшины, жил крохотный, сморщенный деревенский домовый, дедушка его собственного отца, и что домовый, дух его прадеда, принимал самое деятельное участие во всем, что происходило в деревне.

Он вышел из избы. Ничего. Он посмотрел налево, посмотрел направо. Бани и хижины, все как всегда, ни следа медвежонка. Лицо у него тотчас же вытянулось от досады, он и поверить не мог, что его так обманут, разве не видел он ночью, как Мал со стариком, крадучись, выходят из деревни?

Крестьянин, грузивший вещи на телегу, брат одной из его мачех, обернулся и посмотрел на него:

– Тебе чего, мальчик?

– Ничего, дядюшка.

Он знал, что тайну никому выдавать нельзя.

Желудок у него словно налился холодной свинцовой тяжестью, безмятежное голубое утреннее небо помрачнело. Он хотел было расплакаться, чувствуя, что плач принесет облегчение, но, помня, что Мал взял с него клятву молчать, не дал воли слезам, а, закусив губу, повернулся и с грустью ушел назад в избу.

Там его бабушка бранила за что-то женщин, но он уже привык к таким сценам. Его взгляд упал на бубен его матери, висящий в углу; бубен был покрашен красной краской. Он любил красное; красный цвет представлялся ему теплым и дружелюбным, ведь в славянском языке «красный» и «красивый» – однокоренные слова. Кий не отрываясь глядел на грубое лицо своей бабушки: какие у нее большие щеки, ни дать ни взять два куска сала. Она заметила, что внук на нее смотрит, и в свою очередь злобно уставилась на него, а потом велела матери вывести его из избы прочь, мол, нечего тут путаться под ногами.

– Иди поиграй, Кийчик, – ласково сказала мать.

Он снова вышел из избы и тут увидел Мала.

Для Мала ночь выдалась неудачной. Вместе с одним охотником постарше он поставил в лесу ловушку на медвежонка, и им почти посчастливилось. Он поймал бы медвежонка, если бы в последнюю минуту не потерял голову: сделал неловкое движение – и разгневанная медведица-мать бросилась за ним и прогнала. Стоило Малу вспомнить про свой позор – и он невольно багровел от стыда.

Сегодня он собрался помочь мужчинам убрать сено, то есть заслужить одобрение старейшины тяжелым трудом и избежать неприятных разговоров с Кием.

Мальчик и в мыслях не держал, что его дядя спешит мимо избы, лишь бы не вести никаких лишних бесед. Он подскочил к Малу и выжидательно воззрился на него снизу вверх, закинув голову.

Мал с виноватым видом посмотрел налево, потом направо. К счастью, его односельчанин, нагружавший телегу, куда-то отлучился, и они остались одни.

– Ты привел его? Где он? – воскликнул Кий.

Стоило ему завидеть дядю, как надежда снова ожила.

Мал помедлил и ответил уклончиво:

– Он в лесу.

– А когда ты приведешь его сюда? Сегодня? – Глаза у мальчика засияли от восторга.

– Скоро. Как зима наступит.

Мальчик помрачнел от недоумения и разочарования. Зимой? До зимы еще жить да жить...

– Почему зимой?

Мал минуту подумал.

– Я его поймал, накинул ему на шею веревку и так вел, Кийчик; но тут налетел ветер и унес его. Я ничего и поделать не мог.

– Ветер?

Лицо у малыша словно осунулось. Он знал, что ветер – древнейшее из всех божеств. Его дядя частенько говаривал ему: «Бог солнца велик, Кий, но ветер – древнее и могущественнее». Ветер дул днем и ночью, когда солнце уходило на покой. Ветер дул над бескрайней равниной, когда ему заблагорассудится.

– А где он сейчас?

– Далеко-далеко, в лесу.

Ребенок слушал его со скорбным видом.

– Но снегурки приведут его назад, – продолжал дядя, – вот увидишь.

Ну почему он лгал? Он смотрел сверху вниз на своего доверчивого племянника и отлично понимал почему. По той же причине, по какой поселился с двумя стариками и ослушался деревенского старейшину. А все оттого, что все его презирали, и, еще хуже, оттого, что ему

было стыдно. Вот и не смог сказать он правду мальчишке, который так ждал обещанного медвежонка. «Я глуп и ни на что не годен», – подумал Мал. Да еще и лентяй к тому же. Собирался же весь день до седьмого пота работать в поле, но сейчас больше всего ему хотелось убежать назад в лес, лишь бы не признаваться себе, что он обманщик и бездельник. Прежняя решимость покидала его.

Однако, возможно, еще оставалась надежда.

– Но я знаю, где ветер его прячет, – добавил он.

– Правда? Правда знаешь? – Лицо Кия озарилось радостью. – Расскажи мне!

– Глубоко-глубоко в чаще лесной, в тридевятином царстве.

– А можно туда попасть?

– Только если знать дорогу.

– А ты знаешь? – Само собой, опытный охотник вроде дяди знает дорогу даже в волшебные края. – Как туда добраться?

– Идти на восток, – усмехнулся Мал. – Далеко-далеко на восток. Но я туда и за день доберусь, – похвастался он и на мгновение сам в это поверил.

– Тогда ты его приведешь? – взмолился мальчик.

– Может быть. Когда-нибудь, – посерьезнел Мал. – Но это наша с тобой тайна. Никому ни слова.

Мальчик кивнул.

Мал двинулся дальше, радуясь, что покончено с этим тягостным разговором. Может быть, через несколько дней он придумает, как половчее поставить другую ловушку на медвежонка. Не хотелось огорчать мальчика, ведь тот ему доверял. Уж найдет, как помочь делу.

Мал приободрился. Сегодня будет славная работа в поле.

Кий, задумавшись, тоскливо смотрел ему вслед. Он слышал, как женщины смеются над его дядей Малом, как мужчины его бранят. Он знал, что в деревне Мала величают лентяем. Неужели дяде и вправду нельзя доверять? Кий поднял глаза к бескрайнему, пустому небу, не зная, что и поделать.

Женщины расположились на золотистом поле широким клином вроде того, что образует в летнем небе стайка диких утиц.

В «острие» клина, сопровождаемая с обеих сторон мерно выступающими женщинами, высокая и крупная, шла свекровь Лебеди. Жена деревенского старейшины умерла прошлой зимой, и потому она теперь считалась старшей женщиной селения.

День выдался жаркий. Они работали уже несколько часов, и время клонилось к полудню. В жатву женщины одевались в одни только простые платья, наподобие льняных рубаш, да лапти, плетенные из березового луба. Каждая несла серп.

Лебедь обливалась потом, но на душе у нее царил покой, вселяемый равномерным ритмом монотонной полевой работы под солнцем. Хоть иногда эти женщины обращались с нею пренебрежительно, все они в каком-то смысле приходились ей родней: другая жена мужа, сестра другой жены, сестры мужа и их дочери, тетки и двоюродные сестры этих дочерей. Каждую полагалось называть особым, неповторимым именем, выражавшим сложную степень этого родства и надлежащую меру почтения, да еще использовать это имя в уменьшительной форме, столь любимой всеми славянами, и потому эти имена превращались в ласкательные обозначения: «матушка», «сестрица», «золушка», – да и как еще обращаться друг к другу этим бедным, слабым существам, затерянными на огромной, бескрайней равнине?

Это были ее родичи. Пусть они и называли ее мордовкой, она была одной из них. Она была частью общины – *рода*, как говорили славяне юга, или *мира* – так называли общину славяне севера. Землей и деревней они владели сообща, лишь домашний скarb каждого общинника считался его собственностью, а голос старейшины был для них законом.

Теперь свекровь призывала к себе женщин, величая их ласковыми, нежными именами. «Идите ко мне, доченьки, идите, лебедушки, – призывала она, – давайте жать». Даже Лебедь она мягко окликнула: «Пойдем, невестушка».

По-своему Лебедь любила даже свою бранчивую свекровь. «Ешь, что дают, слушай, что говорят», – строго поучала ее старуха. Но если оставить в стороне ее вспышки ярости, иногда она бывала и добра к невестке.

Лебедь оглянулась. Позади нее муж вместе с другими мужчинами взваливал сено на телеги, стоящие посреди луга. Она заметила среди них и брата. На краю поля тихо отдыхали три самые древние деревенские старухи. Она поискала взглядом Кия. Только что он сидел рядом со старухами, но, может быть, пошел посмотреть, что делают мужчины.

Высоко стоит солнце светлое,
Не спалит оно землю-матушку.

Женщины запели и взмахнули серпами, еще раз склонившись, словно творя молитву величайшей богине, что даровала всем им хлеб, – матери сырой земле.

Великая славянская богиня явилась здесь в своем прекраснейшем облике, ведь деревушка лежала на окраине местности с лучшей почвой, какую только можно было найти на великой равнине, – черноземом.

Подобной земли не сыскать было на всей Евразийской равнине.

На севере, южнее тундры, залегал торфяной глей, малопригодный для земледелия; дальше, южнее лесов, почва представляла собой песчаный подзол, серый там, где произрастали северные лиственные леса, и бурый южнее, где шелестели широкой листвой высокие деревья. На таких почвах урожаи тоже собирали довольно скудные. Однако ближе к степному поясу появлялась совсем другая почва. Это был чернозем, жирный, плодородный и мягкий как пух. И тянулся этот черноземный пояс на сотни и сотни верст – от восточного побережья Черного моря, на восток по равнине, за великую реку Волгу, и уходил далеко в земли Сибири. Славянам, жившим на опушке леса, достаточно было расчистить землю под поле, а потом постоянно ее засеивать: на этой плодородной черной земле они могли растить хлеб много лет, пока не истощится почва, и тогда они оставляли поле, которое постепенно зарастало травой, и расчищали другое. Такой способ земледелия был примитивным и утомительным, но на черноземе деревня могла существовать много-много лет, людям не приходилось переезжать на свежие пахотные земли. А потом, к чему волноваться – разве и лес, и равнины не бесконечны?

Как раз когда женщины замолчали, допев одну песню и еще не затянув другую, она увидела, что к ним идет Мал. Красное лицо его поблескивало от пота.

– Что, лентяй, еще работку ищешь? – насмешливо крикнула одна из ее товарок. Даже свекровь рассмеялась, и сама Лебедь невольно улыбнулась. По немного виноватому выражению его лица было понятно, что он под каким-то предлогом потихоньку отлучился отдохнуть. Ее только удивило, что маленький Кий не пришел вместе с ним.

– А где Кийчик? – спросила она.

– Не знаю. Утром я его и не видал ни разу.

Она нахмурилась. Куда же запропастился мальчишка? Она обернулась и крикнула свекрови:

– Можно мне уйти поискать Кия? Он куда-то пропал.

Дородная старуха, почти не прерывая жатвы, бесстрастно взглянула на Лебедь и ее ни на что не годного братца. Потом покачала головой, мол, работа не ждет.

– Сходи спроси у старух, не видели ли они его, – тихо пробормотала она Малу.

– Хорошо.

И он послушно зашагал – размеренно, не торопясь – к краю поля.

Мал всегда забавлялся, сравнивая житье-бытье сельчан. Век мужчине выдавался, может быть, и насыщеннее, но короче. Рос парень и набирался сил – при этом либо худел, либо полнел. А когда силы покидали мужчину, тот попросту умирал. Но женщинам была уготована другая доля. Сначала, белокожие и стройные, грациозные как лани, они расцветали, а потом, все без исключения, толстели: сперва раздавались в бедрах, как его сестра, затем в поясе, выпуклым становился живот. И так неизменно все тучнели и округлялись, загорелые от солнца, напоминавшие формами кто грушу, кто яблоко, год за годом, пока те из них, что повыше ростом, не обретали величественности и дородности – как вот свекровь Лебеди. Но постепенно, не утрачивая своей уютной округлости, начинали жены умалаться, все уменьшаясь и уменьшаясь в размерах, и вот в старости окончательно усыхали, словно маленькое коричневое ядрышко в ореховой скорлупке. И вот сухонькая бабка, с морщинистым загорелым лицом и сияющими голубыми глазами, будет влачить старушечье свое существование еще много лет, пока так же просто, как упавший с ветки орех, не канет в сырую землю. Такова судьба всех женщин. Настигнет она, в конце концов и его сестрицу Лебедь. Глядя на старух, Мал всегда ощущал нежность и сочувствие.

На краю поля сидели рядом три бабушки. С доброй улыбкой он по очереди обратился к каждой из них.

Лебедь смотрела издали, как он говорит с ними, и удивлялась, почему так долго. Наконец он вернулся, ухмыляясь.

– Старые они, – пояснил он, – разум у них немного помутился. Одна говорит, вроде видела, как он возвращался в деревню вместе с другими ребятами, другая думала, он на реку пошел, а третья – что в лес убежал.

Лебедь вздохнула. Она и представить себе не могла, что бы это Кию делать в лесу, и сомневалась, что он мог уйти на реку. Остальные дети вернулись в избу под надзор одной из девиц. Может быть, и он с ними.

– Сходи посмотри, не убежал ли он в деревню, – попросила она.

А поскольку это означало отложить работу, Мал с радостью зашагал прочь.

За жатвой женщины продолжали петь. Лебедь любила эту песню: пусть даже медлительная и скорбная, она была так прекрасна, что, напевая ее, женщина забывала о своих тревогах:

А кто землю пашет,
Тот в нее и ляжет,
Смерть придет-нагрянет,
Лиха неминуча.

Ни огонь, ни вода,
Ни залетные ветра,
Только мать сыра земля
Приберет свое дитя.

Женщины медленно продвигались вперед длинной чередой, нагибаясь, чтобы срезать тяжелые ячменные колосья. Когда их серпы рассекали буреющие стебли, над полем слышался тихий свист, шуршание и шелест. Тонкая пыль от упавшего ячменя стояла над землей легким, благоуханным облачком. И Лебедь, как это часто бывало, охватило чувство умиротворения и одновременно печали, словно какая-то часть ее души погибла навеки, не в силах вырваться из плена этой медлительной, тяжелой жизни, из великого безмолвия бескрайней равнины: печаль она ощущала оттого, что из монотонного, однообразного этого бытия не было исхода, а умиротворение – оттого, что пребывала среди своих родичей и жила так, как всем от века назначено.

Мал вернулся не скоро. Он улыбался обычной своей глуповатой улыбкой, но ей показалось, что она заметила в глазах его тревогу.

– Он там?

– Нет. В деревне его и не видели.

Как странно! Она-то решила, что Кий ушел с остальными, и тут забеспокоилась. Она снова обратилась к свекрови:

– Кийчик куда-то запропастился. Позволь мне пойти его поискать.

Но старуха только взглянула на нее не без презрения:

– Дети вечно куда-то пропадают. Придет, никуда не денется.

А потом добавила, уже более злобно:

– Пусть твой братец его поищет, что ж ему без дела-то маяться.

Лебедь с грустью наклонила голову.

– Сходи на реку, вдруг он туда убежал, – попросила она.

На сей раз она заметила, что брат зашагал быстрее.

Работа двигалась споро. Женщина знала, что вот-вот наступит время полуденного отдыха. И подозревала, что ее свекровь нарочно задерживает их и не пускает отдохнуть, чтобы никуда она, Лебедь, не ушла. Она оторвалась от работы, подняла голову и устремила взгляд на бесконечный горизонт. Теперь он словно издевался над нею – насмешливо, под стать ее свекрови: «Ничего ты не сделаешь; как боги распорядятся, так и будет». Она снова склонилась над полосой.

На сей раз Мал вернулся быстро. Вид у него был обеспокоенный.

– Нет его на реке.

– Ты уверен?

Он-де столкнулся со стариком, вместе с которым ходит на охоту, и тот все утро пробыл на берегу реки. Уж точно старик бы заметил Кия, если бы он там объявился.

Она почувствовала укол страха.

– Думаю, он ушел в лес, – предположил Мал.

В лес. Он никогда не забредал туда один, только с нею. Она в ужасе уставилась на брата:

– Что ему там делать?

– В толк не возьму.

Он явно лукавил, но было ясно: выпрашивать, почему он обманывает, не стоит.

– В какую сторону он мог пойти?

Мал задумался. Он вспомнил, как опрометчиво сказал мальчику этим утром: «Как туда добраться? Идти на восток. Далеко-далеко на восток. Но я туда и за день доберусь».

– Может быть, он на восток пошел, – покраснев, произнес Мал. – Куда – я и сам точно не знаю.

Она бросила на него презрительный взгляд:

– На, возьми. – Она сунула ему в руки серп. – Жни! – приказала она.

– Да это ведь бабья работа, – запротестовал он.

– Жни знай, дурак! – закричала она на него и зашагала к свекрови, а ее товарки, видевшие эту сцену, расхохотались. – Отпусти меня Кия искать! – снова взмолилась она. – Мой брат отправил его в лес!

Ее свекровь поначалу даже не удостоила ее взглядом, но посмотрела на дальний конец поля. Мужчины там прервали работу, и несколько из них, включая мужа Лебеди и деревенского старейшину, шли по направлению к ним.

– Пора роздыху! – объявила она женщинам, а потом бросила Лебеди: – Можешь идти!

Когда к ним подошли муж и старейшина, Лебедь кратко объяснила им, в чем дело. Старейшина, крупный, седобородый человек с маленькими глазками, в которых словно навеки

поселилось нетерпение, не выказал особого сочувствия. Но ее муж, более мягкий и участливый, озабоченно наморщил лоб. Он вопросительно взглянул на старейшину:

– А не пойти ли и мне тоже?

– Мальчишка объявится. Не мог он уйти далеко. Пусть она его ищет, – произнес старейшина скучающим тоном.

Она заметила, как на лице мужа на миг изобразилось облегчение. Она все понимала и не винила его, ведь ему надо было позаботиться о других женах и детях.

– Я пойду, – тихо сказала она.

– Если не вернешься после роздыха, я сам за тобой пойду, – с улыбкой пообещал муж.

Она кивнула и отправилась на поиски.

Как же приятно, как покойно было в лесах! В вышине, в сияющем голубом небе время от времени проплывали пышные белоснежные облака, поблескивая в лучах полуденного солнца. Они пришли с востока, из-за зеленого леса, из неизвестно каких бескрайних, исстрадавшихся без влаги степей. На опушке леса, по которой шагал мальчик, ветер нежно наклонял высокие травы, и они шелестели под его дуновением, словно перешептываясь. С полдюжины коров паслись в тени, то тут, то там перебиваемой солнцем.

Прошло уже немало времени с тех пор, как Кий ускользнул от старух. Сейчас он весело шагал по знакомой тропинке, которая вела в чащу. Опасности он не чувствовал.

Все утро он размышлял о медвежонке. Его дяде Малу было точно известно, где тот прячется – в сказочном царстве далеко-далеко на востоке. И разве он не сказал, что добраться туда может за день? Но Кий, как бы мал он ни был, отчего-то точно знал, что дядя его туда не пойдет. И чем дольше он об этом раздумывал, тем больше убеждался, что знает, как поступить.

По мере того как долгим утром становилось теплее, поле, на котором работали женщины, все сильнее мерцало от жары. Кий бродил без цели туда-сюда, вялый и ко всему равнодушный, пока наконец, как в тумане, словно следуя мановению чьей-то невидимой руки, не побрел прочь и не обнаружил, что шагает в сторону лесов.

Он знал дорогу. «На восток» означало двигаться от реки по тропинке, по которой мать и другие женщины ходили за грибами. А придет время, и снова все отправятся по этой тропинке – по ягоды. Именно с востока приплывали белые облака.

Он не знал, долго ли ему идти; но если его дядя мог добраться туда за день, то и ему это было под силу.

«Ну, может быть, за два дня», – храбро подумал он.

И вот, в белой рубаше, перехваченной полотняным поясом, в лаптях из березового луба, все еще сжимая в кулачке ячменный колос, сорванный на поле, маленький пухленький мальчик двинулся по тропинке в сосновый лес с детской мечтательной решимостью.

Примерно в двухстах саженях тянулись чередой маленькие полянки, куда женщины ходили за грибами, – в укромной тени росли грибки целыми россыпями, – и Кий довольно улыбнулся, дойдя до этого места. Дальше грибных полей он никогда не заходил, но теперь уверенно углубился в лес.

Узенькая тропинка вела вниз по склону, то по опавшей сосновой хвое, то по узловатым корням, а потом вновь шла в гору, сквозь подлесок. Он заметил, что среди дубов и буков сосны стали попадаться реже, зато начали встречаться ясени. Белки опасливо следили за ним с деревьев. Одна, у самой тропинки, хотела было скакнуть прочь, но передумала и вместо этого принялась внимательно разглядывать его, сидя на задних лапках и похрустывая какой-то беличьей снедью. Через некоторое время лес поредел. Все шорохи и шелесты словно бы затихли. Тропинка здесь заросла травой. Еще несколько саженей – и тропинка повернула направо, потом налево. Показалась еще одна небольшая сосновая рощица.

Маленький Кий блаженствовал. Его переполнял восторг: ведь он решился на подвиг и проник в неведомые земли.

Он прошел немногим более половины версты, когда тропинка сузилась, заведя его под густую лиственную завесу. Мальчик стал пробираться дальше, и деревья сомкнулись у него за спиной, потянуло сырой прелью.

И тут прямо перед ним внезапно блеснуло темное озеро.

Было оно невелико, примерно десяти аршинов в ширину и тридцати в длину, и все окружено деревьями. Ничто не тревожило поверхности водоема. Однако, пока мальчик разглядывал водную гладь, слабое дуновение ветра подняло на воде едва заметную рябь. Набежавшая волна устремилась к ребенку и с чуть слышным плеском лизнула берег, черную землю и заросли папоротника.

Кий знал, что это значит. Он осторожно оглядел заводь и ее окрестности.

Наверняка тут обитают русалки, и, если не остеречься, того и гляди выплывут из глубины и защекочат до смерти. «Берегись русалок, Кий, – шутливо предупреждала его мать, – ты такой смешливый, оглянуться не успеешь, как они тебя на дно уволокут!»

Не спуская глаз с поверхности воды, мальчик стал обходить опасный омут и очень обрадовался, когда тропинка повела его прочь от обиталища русалок. Вскоре густой лес сменился дубовой рощей. Тропинка вилась между деревьями, пока не вывела его на большую пустую поляну. Справа виднелась купа берез. Кий остановился.

Какая тишина вокруг! А над ним – высокое голубое небо, пустое и безмолвное. В какую же сторону ему идти?

Он подождал несколько мгновений, пока над поляной не проплыло облако. Кий внимательно проводил его взглядом, пытаясь понять, куда его уносит.

Путь на восток лежал прямо перед ним. Он снова зашагал.

И тут ему впервые захотелось, чтобы кто-то пошел вместе с ним. Несколько раз он окидывал взглядом поляну, надеясь, что мать его нагонит. Ему казалось совершенно естественным, что она должна внезапно появиться рядом с ним. Но она не показывалась.

Он снова углубился в лес. Тропинка исчезла; на короткой траве под буками, кажется, не протоптали дорожек ни люди, ни звери. Лес был пуст, и это было странным. Он замер в растерянности. Не повернуть ли ему назад? Знакомое поле и реку он словно бы оставил позади давным-давно. Неожиданно ему очень захотелось обратно, домой. Но тут же вспомнился тихий омут, мимо которого ему предстоит пройти, а там стерегут его русалки.

Деревья теперь росли тесно; пугающие и неприступные, они уходили ввысь и закрывали небо, так что в просветах между древесными кронами едва виднелись крохотные участки голубизны, словно гигантскую голубую чашу неба грубо разбили на тысячи осколков. Кий поднял глаза к этим голубым осколкам и снова помедлил. Но как же медвежонок? Нет, он не сдастся. Маленький мальчик закусил губу и двинулся вперед.

И тут ему почудилось, будто услышал он матушкин голос:

«Кий, мальчик мой, – казалось, позвала она его, и слова ее негромким эхом разнеслись по чаще. – Кий, ягодка моя!» Она умоляла его вернуться. Личико ребенка озарилось улыбкой: а вот она, матушка. Он обернулся.

Но ее за спиной не было. Он прислушался, уже сам позвал ее, еще раз прислушался.

Его окружало безмолвие. Слегка подул ветер, листья зашелестели, верхние ветви неуклюже закачались. А что, если это не она звала его, а всего-навсего стонал ветер? Или это дразнят его русалки, живущие в омуте?

Он печально побрел дальше.

По временам тоненький луч солнца, проникая сверху, поблескивал в светлых волосах ребенка, прокладываявшего себе путь по лесу, под высокими деревьями. Иногда ему мнилось,

будто за ним следят чужие глаза, а вдали, в глубокой тени, притаились и подстерегают его странные существа, безмолвные, бурые и серые; но как ни оглядывался он, как ни озибался, ничего не мог приметить.

Но в следующий миг он чуть было не бросился назад.

Ведь, когда он в очередной раз остановился, всматриваясь в полутьму и пытаясь понять, что же там мелькнуло, внезапно над головой его раздался громкий, хриплый, зловеющий крик, а когда он обернулся в ужасе, темная тень обрушилась сквозь листву в вышине у него над головой.

– Баба-яга! – вне себя от страха вскрикнул он.

Что ж, было чего пугаться. Все дети боялись ведьмы Бабы-яги. Того и гляди прилетит по небу в ступе с помелом, схватит длинными тощими руками, вцепится когтями, утащит всех без разбора, мальчиков и девочек, унесет к себе в избушку на курьих ножках и съест. Того и гляди... В ужасе, как замороженный, он глаз не мог отвести от страшного зрелища.

Но оказалось, что это всего-навсего птица. Шумно хлопая крыльями, камнем упала она сквозь листву, ломая ветви в вышине.

Но потрясение оказалось невыносимым. Мальчика охватила дрожь. Он расплакался, сел на землю и стал снова и снова громко звать мать. Однако мгновения тянулись, долгие и безмолвные, ничто не нарушало покоя лесной чащи, и он замолчал и постепенно успокоился.

Это была всего-навсего птица. Что часто повторял ему дядя? «Охотнику в лесу бояться нечего, Кий, если он осторожен. Только детям и женщинам в лесу бывает страшно». Он медленно встал и нерешительно побрел дальше, сквозь темный лес.

И только спустя некоторое время он заметил, что слева открывается вид на иную местность, где деревья росли не так густо, а свет легче пробивался сквозь древесные кроны. Вскоре Кию показалось, что этот новый лес озарился золотистым сиянием, и, привлеченный этим сказочным светом, он стал пробираться к нему через чащу.

Там было теплее. Верхушки деревьев уже не уходили в поднебесье. Ноги утопали в сочной высокой траве. Попадались кочки, поросшие мхом. Он ощутил прикосновение жаркого солнца к своему лицу, услышал жужжание мух и почувствовал, как его укусил крохотный комарик. На душе у него сделалось светлее. Из-под ног у него метнулась малюсенькая зеленая ящерка и исчезла в траве.

Он так обрадовался, попав в это приветное место, что сперва даже не замечал, в какую сторону идет.

На самом деле, сам того не ведая, Кий шел уже почти час, и время приближалось к полудню. Он по-прежнему не ощущал ни голода, ни жажды, а от радости, что выбрался из темного леса, позабыл об усталости. Оглядываясь, он теперь уже не различал темного леса; более того, когда он описал полный круг, залитое солнцем место показалось ему незнакомым и странным. Поблизости поблескивали под солнцем стволы берез. Маленькая птичка, сидя на ветке, пристально глядела на него, словно от жары не в силах была вспорхнуть и улететь; внезапно и он, утомленный палящим солнцем, почувствовал, будто попал в сказку. Впереди подлесок становился гуще, виднелись низкие заросли камышей.

И тут он увидел сияние.

Свет лился откуда-то из-под земли, из-под спутанных клубком древесных корней. Внезапная вспышка этого яркого света заставила его зажмуриться. Кий сделал шаг, чтобы рассмотреть его получше. Свет, льющийся из-под земли, не ослабевал. Мальчик подошел совсем близко, и тут его осенило.

«А вдруг, – подумал он, – так можно попасть на тот свет?»

Наверняка это возможно, недаром славянское слово, которым жители деревушки именовали потусторонний мир, звучало совершенно так же, как слово, обозначающее сияние, солнечные лучи, блики огня. А Кий знал, что домовый и другие предки обитают под землей. Вот и

здесь, в таинственном месте, сияние исходит откуда-то из-под земли. Что, если там и вправду лежит дорога на тот свет?

Подойдя поближе, он обнаружил, что источник света – это струйки крохотного, полу-скрытого от глаз ручья, там, где на них падают лучи полуденного солнца. Ручей вился по подлеску, то пропадая в какой-нибудь впадине, то вновь появляясь в высокой траве неподалеку от того места, где исчез. Однако этот свет, хоть и отражался от маленького ручейка, не делался менее волшебным в глазах мальчика. Более того, когда он разглядывал сияющую поверхность ручья, поблескивающие стволы берез, густую пышную траву, его посетила другая мысль, еще более волнующая. «Я дошел до тридевятого царства, – подумал он, – вот оно какое!» Он наверняка добрался до ворот в сказочное, потаенное тридевятое царство, ибо есть ли на свете место, более волшебное и прекрасное, чем это?

Дивясь своей удаче, пошел он дальше вдоль русла речушки-невелички: сначала пробирався по кустам, а затем увидел два низких валуна, в расщелине между которыми рос куст ореха-лещины. Там он остановился и дотронулся до камней: они были теплые, почти горячие. Внезапно ему захотелось пить, он мгновение помедлил, опасаясь воды из волшебного ручья, но потом, когда жажда сделалась невыносимой, стал на колени в траву и зачерпнул прозрачной воды в ладони. Какая же она была чистая и сладкая!

Затем, желая лучше осмотреть местность, он принялся карабкаться на один из валунов. Прямо над ним выдавался небольшой выступ. Он пошарил рукой, стремясь ухватиться за что-нибудь и удержаться на камне.

Пальцы его сомкнулись вокруг змеи.

Он и сам не мог бы объяснить, как через мгновение оказался в полутора саженьях от валуна, дрожа всем телом. Кий судорожно, конвульсивно подергивал головой, вертясь налево и направо, в страхе оглядывая деревья, ручей, валуны и пытаясь понять: вдруг и на них скрываются змеи и сейчас на него бросятся? Травинка коснулась его ноги, и он подскочил от ужаса.

Однако змея лежала на валуне неподвижно. Какое-то время он выжидал, его била дрожь. На земле ничто не шелохнулось, хотя высоко в небесах, не взмахивая крыльями, бесшумно парил канюк, высматривая добычу.

Когда любопытство пересилило ужас, мальчик снова принялся медленно взбираться на валун.

Змея была мертва. Она лежала на широком выступе, свернувшись кольцом. Голова у нее была разmozжена, череп пробит, – может быть, это орел проломил ей голову клювом? Он понял, что это гадюка, ведь в его родных краях водились несколько видов этих тварей, и, хотя она уже не могла причинить ему вред, он невольно содрогнулся, глядя на нее.

Но, все еще глядя на ядовитую гадину, он внезапно понял нечто важное и, хоть страх его до сих пор не улегся до конца, немного успокоился и даже улыбнулся. Да, он и вправду попал в сказочное царство. Змея лежала в тени куста, который рос в расщелине между двумя валунами. А куст был ореховый.

– Значит, я смогу найти своего медвежонка, – произнес он вслух.

Ведь мертвая змея могла открыть ему одну из величайших тайн – научить его волшебному языку.

Волшебный язык был безмолвным. На нем говорили все деревья, травы и цветы, и даже некоторые камни и реки; случалось, что говорили на нем и звери. А овладеть этим потаенным языком можно было разными способами – об этом сказала ему не кто-нибудь, а его бабушка, а уж ей ли не знать? «Научиться этому языку можно четырьмя способами, Кий, мальчик мой. Если спасешь змею из огня или рыбу из сетей, они могут открыть тебе эту тайну. Или если найдешь в лесу в полночь в день летнего солнцестояния цвет папоротника. Есть и третий спо-

соб: если пахнешь землю, найдешь лягушку и возьмешь ее в рот. А еще если найдешь мертвую змею под ореховым кустом, зажаришь ее и съешь ее сердце».

«Если я заговорю на языке деревьев и зверей, они скажут мне, где мой медвежонок», – подумал он. И, довольный, посмотрел на страшную змею. Незадача была только одна, как ее зажарить? Ведь огонь он развести не мог. «Может быть, – заключил он, – я смогу отнести ее в деревню».

Он не отводил глаз от змеи. Она лежала совсем рядом с ним и явно издохла совсем недавно. Если бы не разможенная голова, могло бы показаться, что она свернулась на камне, живая, и, чувствуя тепло нагретого солнцем камня сквозь подошвы лапотов, он подумал, невольно вздрогнув, что то же самое тепло ощущает и змея.

Нет, не дотащить ее до дома.

Но тут ему в голову пришла простая и утешительная мысль, перед его внутренним взором словно открылся широкий, свободный путь сквозь глухие леса. «Вернусь-ка я в деревню за дядей Малом. Он придет и поможет мне зажарить змею».

Вот так легко все устроивается. На миг ему показалось, что его странствия завершились и он уже благополучно вернулся домой. С облегчением Кий слез с валуна к ручейку, бегущему у его подножия, и повернул назад по своим же собственным следам вдоль русла этой маленькой речушки. Теперь, когда он возвращался из своего удачного похода, места, где приоткрылась для него дверь в тридевятое царство, представлялись ему уже не такими волшебными – скорее, знакомыми.

Прошло какое-то время, прежде чем он понял, что заблудился.

Повернув в лес у сияющей заводи, он шел, выбирая направление по проплывающим облакам. Так почему же тогда ему внезапно показалось, что это место он видит впервые? Деревья словно вытянулись и росли гуще, чем прежде. Впереди то там, то сям виднелись камни и кустарники, которых прежде он не встречал в лесу. Сейчас он обрадовался бы, даже если бы перед ним открылся вид на зловещую русалочью заводь. Он снова поднял голову, надеясь увидеть облака. Ему было невдомек, что с утра ветер постепенно менял направление.

И только тогда наконец маленький мальчик медленно поддался страху. Он все более и более ясно осознавал, что заблудился, и чем отчетливее это понимал, тем сильнее и сильнее охватывал его пронизывающий холод. Он остановился, посмотрел направо, посмотрел налево, увидел лишь бесконечные ряды высоких деревьев, уходящие во все стороны, и понял, что все безнадежно.

Ему не выбраться. Он позвал мать, четыре, пять раз прокричал ее имя. Но крики его затихли в лесу, замерли, никем не услышанные. Ему показалось, что сам этот день решил заманить его в ловушку, заточить в лесу под бескрайним голубым небом, а сейчас с насмешкой наблюдает за ним сверху. Может быть, он никогда не вернется домой. Заметив рядом поваленное дерево, мальчик сел рядом с ним. Прислонившись спиной к лежащему стволу, слишком расстроенный, чтобы двигаться дальше, он почувствовал, как на него нахлынула одна волна отчаяния, другая, и расплакался.

Он позвал на помощь еще дважды, но не получил ответа. Рядом с поваленным деревом рос большой гриб. Кий протянул руку и погладил его бархатистую шляпку, пытаясь хоть чем-то утешиться, а потом еще немного поплакал. Наконец его сморило от плача, голова отяжелела и опустилась на грудь.

Увидев своего медвежонка, он поначалу не мог понять, наяву это происходит или во сне.

Медвежонок явно отбилась от матери и бежал вприпрыжку, непомерно большие лапы его заплетались на бегу, так что он поминутно спотыкался, торопясь нагнать медведицу. Медвежонок прошел всего сажень в десяти от того места, где сидел полусонный Кий.

Протирая глаза, Кий с трудом встал на ноги, ушпинул себя, чтобы убедиться, что не спит, и проводил медвежонка взглядом. Неужели он и вправду в конце концов нашел своего медвежонка? Он сам не верил своей удаче. Медвежонок еще не скрылся из виду, он спешил за удаляющейся бурой тенью, наверняка за своей матушкой. Бурое пятно исчезло за деревом.

Забыв обо всем на свете, мальчик бросился за ними. Им владела одна-единственная мысль: проследить, куда они идут. Вне себя от волнения, сбиваясь с ног, он кинулся вслед медведям.

Он бежал за ними сначала через лес, потом по поляне, затем через другой лес. Он и думать забыл о том, насколько ушел от дома. Время от времени он различал их очертания и застывал в страхе, что они его заметят. Но по большей части он шел на тот шум, хруст и шорох, который производили звери, то большими прыжками, то короткими перебежками пробираясь сквозь подлесок. Он не знал ни далеко ли он ушел от дома, ни как найдет обратную дорогу. Он слишком приблизился к своей вожаемой цели, чтобы думать о чем-то еще. Он нетерпеливо продвигался вперед.

Несколько раз он чуть было не потерял их из виду. Посреди дубовой или буковой рощи, которая казалась ему бескрайней, его внезапно обступало безмолвие. Он вдруг осознал, что вокруг него со всех сторон теснятся деревья, неотличимые друг от друга. Тогда он остановился, перешел на медленный шаг и брел так какое-то время, затем замер и наконец различил смутный шелест, летающий откуда-то издалека.

Он не чувствовал опасности, ведь, увидев столько волшебных знамений: сокрытую заводь, свет в ручье, исходящий из потустороннего мира, змею под ореховым кустом, – он понимал, что день выдался волшебный и что духи леса ведут его к цели.

В очередной раз упустив медведей из виду и вслушиваясь в лесное молчание, он заметил справа, за завесой берез, яркое солнечное пятно и решил, что там скрывается поляна. Не побежал ли туда медвежонок? Кий двинулся в ту сторону.

И тут он заметил вспышку света среди деревьев впереди, не слишком высоко. Что-то поблескивало между нижними ветвями. Что именно – он не видел: частый березняк не давал разглядеть, но на этом блестящем предмете плясали солнечные лучи, перебегая то туда, то сюда и вспыхивая яркими цветами: красным, серебряным, золотым. Что же это может быть?

Внезапно, охваченный радостью, он понял, в чем дело. Кто же еще может обитать в лесах и так сверкать? Кто же еще может оберегать сокровища, которых так жаждут люди, и, само собой, в этот миг стережет его медвежонок? Кто же еще, как не редчайшее, прекраснейшее чудо из чудес лесных?

Только жар-птица.

Оперение у жар-птицы разноцветное. Оно сияет и переливается даже во тьме. У того, кто изловчится и вырвет из жар-птицыного хвоста длинное перо, исполнится любое желание. Жар-птица приносит тепло и счастье. Разумеется, медвежонок сейчас где-то рядом с ней и ждет Кия. Сияющий свет словно манил его, подзывал поближе.

Он двинулся вперед и остановился саженях в пяти. Разглядеть жар-птицу толком ему не удавалось, но она не улетала, а переливалась всеми цветами радуги, словно бы поджидала Кия. С негромким радостным криком мальчик кинулся на поляну.

Всадник, глядевший на него из-под стального шлема, был неподвижен. Обод шлема украшали несколько разноцветных драгоценных камней, они-то и сверкали на солнце, переливаясь, как жар-птица. Лицо у всадника было смуглое, с крупным орлиным носом. Волосы черной гривой ниспадали из-под шлема на плечи. А в черных, миндалевидных глазах застыл холод. За спиной у него висел длинный, изогнутый лук.

Маленький мальчик глядел на него, не отводя глаз. Этот воин, величественный и грозный, восседал верхом на вороном скакуне, кожаная сбруя коня была богато отделана. Конь его, пощипывавший траву в тени на опушке, лениво поднял голову и посмотрел на Кия.

Лицо всадника по-прежнему ничего не выражало.

И вдруг он камнем, точно хищная птица, бросился на ребенка.

Высоко-высоко в бескрайнем голубом небе тяжелое полуденное солнце беспощадно палило землю; впрочем, под слабым дуновением знойного ветра едва слышно перешептывались сухие, высокие, в пояс, ячменные колосья, которые раздвигала Лебедь, уходя с золотистого поля. Даже на лесной опушке пахло пыльным ячменем. Из-под ячменных колосьев выскользнула полевка и спряталась под древесным корнем.

Может быть, малыш просто забрел в тень под деревьями, на самой опушке? Лебедь шла и нежно звала-выкликала: «Кийчик, где ты, моя ягодка? Кийчик, где ты, голубчик?»

Пасущиеся коровы подняли головы, но даже не соизволили пошевелиться. Высоко в небе, над распростертым внизу полем, над лесной опушкой пролетел канюк, высматривая добычу. Кия не было.

Она пошла по тропке, ведущей на грибные поляны. В полуденном лесу царило то же безмолвие, что и в поле, а солнце пробивалось сквозь плотную древесную листву, врываясь в лесной полумрак резким, слепящим светом. Она снова позвала: «Кийчик, утенок мой! Ты где?»

На шее у нее висел на шнурке крохотный талисман, вырезанная из сосны фигурка уточки, давний материнский подарок. Она поцеловала амулет.

На полянах, где собирали грибы, Кия не было.

Дальше, к заводу. «А не упал ли Кийчик в омут? – подумала Лебедь. – Вдруг он там, под толщей неподвижной, темной воды?» Вгляделась в водную гладь, но маленького тельца под водой не увидела. «Да и с чего бы ему лезть в воду?» – успокаивала себя она.

Зов ее громким эхом разнесся по безмолвным лесам.

Тропинка привела ее на поляну. Еще и еще раз она звала его, надеясь, что сын откликнется. Не мог же маленький в самом деле уйти так далеко?

В дальнем конце поляны стеной стояли березы, и перед их белоснежными с черным стволами женщина замерла на миг, склонив голову. Береза – дерево священное, людям благоволит: попроси ее о помощи – не откажет. Теперь Лебедь точно знала, что идет на восток, и не догадывалась, что ее сын, не подозревая, что ветер переменился, побрел, следуя за облаками, в противоположную сторону, на запад. Пара волков, словно две бледно-серые тени, притаились возле дерева и пристально следили за ней. Сердце Лебеди застыло. Неужто Кий попался серому волку? Да нет, волк не нападет на человека теплым щедрым летом.

Она шла, в душе ее исподволь возникали смутные образы, неотвязные, неотступные, о них пели песни и говорили сказки – птицы радости и печали, вещие и опасные птицы. А то мнился ей огонь: дома, в печи, огонь греет да тешит; здесь, в лесу, огонь гонит да губит. Злой огонь и добрый слились в одно пламя – как его разделить?

И деревья то виделись ей добрыми стражами, что хранят, берегут дитяtko и в урочный час вернут, а миг – и вот они чужие, темные, грозные. В дубовой роще почудился ей жалобный голосок, доносящийся откуда-то слева; прислушалась, и окликнула его в ответ, и снова прислушалась, а потом двинулась дальше.

Как будет она жить без него? Вот и опустеет местечко на полотах подле печи. Чем же утешиться, чем избыть пустоту? Мужем ли ей утешаться, его добротой? Нет. Другое дитя зачать? Видела своих односельчанок, потерявших дитя. Плакали, убивались, а потом смирялись. Рожали других детей, а бывало, хоронили и тех, рожденных взамен. Что ж, жизнь *рода* никогда не прервется. Но что с того, что род будет жить вечно, что это за утешение для матери? Случалось Лебеди испытывать и горе, и тревогу, как и любой рожавшей жене, но такого дикого страха она доселе не знала. Ужас терзал ее, причинял нестерпимую боль.

Взлететь бы, как Бабе-яге, под самый купол небес, окинуть бы взглядом и лес, и степь, и все, что движется внизу! Лишь бы отыскать сыночка, лишь бы вытащить его своими чарами, лишь бы вернуть домой!

День перешагнул за полдень, а она брела дальше на восток, и в голове ее бились две мысли. Виданное ли дело, чтоб малое дитя забралось так далеко, а значит, коли все еще жив, то блуждает в лесу совсем поблизости... Эх, знать бы где...

Вторая мысль была неизмеримо страшнее.

К востоку лес обрывался, открывалась новая беда – степь.

Ох, выходит Кийчик из-под защиты деревьев и стоит на открытом месте, среди высоких трав. Как спастись ему от палящего солнца? Травы поглотят его, не разглядеть, никогда не выберется он из степи. А сколько злого зверя гуляет по степным просторам? В лесу летом ни волк, ни медведь не опасны, к человеку милостивы, а в степи гадюки, дикие псы, да мало ли какая напасть маленького поджидает!

Лебедь вышла из леса и пошла по краю – между лесом и степью, все кричала и звала, чтобы было ее слышно и в степи, и в лесу. Далеко забрело дитя; может, устало, спит сейчас в тенечке, под защитой деревьев?

Перед ней, насколько хватало взгляда, раскинулась огромная, ничем не ограниченная равнина – степь. Безмолвие летнего полдня простиралось до горизонта и исчезало за ним. Свет точно свинцовой тяжестью падал на землю, чуть мерцающую под его палящими потоками. Островки пожухлой, но кое-где еще сохранившей зеленую свежесть травы и осоки обещали: скоро степь вступит в свои права. Дальше стелился ковыль – высокая трава с длинными, развевающимися по ветру соцветиями-метелками, которыми он покрывался весной, – и владениям его конца-краю не было. Сейчас эти выбеленные солнцем метелки сливались воедино, как будто над желтой дымкой иссушенных жарой трав лежал слой белого пуха. Дальше равнина казалась коричневатой, а еще дальше блестела в лучах солнца под линией горизонта, отливала сиреневым. Каждому, кто выходил из лесу на эту раскаленную равнину, представлялось, что степь молчит, таится, падает в непробудный сон, спасаясь от невыносимого зноя.

Но нет. Где-то у ног Лебеди в траве стрекотал кузнечик. Взлетел и парил в воздухе лесной жаворонок, храбро распевая в горячем небе. На опушке леса росли гиацинты и ирисы, уже увядшие от летней жары, а среди желтой, пожухлой травы темнел лоскут зеленой и сочной: там обитала стайка сурков.

Несколько раз звала она Кия, но не услышала ответа и не увидела ни единого его следа. Она повернула налево и пошла на северо-восток вдоль опушки леса. Перед ней немного правее – возможно, на расстоянии трех верст – возвышался небольшой, но ясно различимый холм. Это был могильный курган, неведомо кем и когда насыпанный. Ее собственное племя курганов не насыпало.

Время шло, но, как ни странно, курган в мерцающей дымке зноя словно не приближался. Степь частенько обманывает путников, насылает на них морок при помощи обманчивого света, но сегодня все вокруг было особенно зловещим и угрожающим. Изящный журавль-красавка с иссиня-черной шеей и белой спиной спешил к себе в потаенное гнездо. Она порой заходила обратно в лес, кричала там и аукала, а после снова возвращалась в степное пекло.

Наконец курган все же приблизился, а в степные владения вошел тоненький мысок леса. По рощице этой она и побрела.

Стоянка кочевников открылась перед ней прямо за деревьями. В какой-нибудь сотне шагов Лебедь увидела разбитый лагерь.

И сын ее был у них в руках.

Пять кибиток, крытых корой, были расставлены кругом, от них на бескрайнюю, раскаленную, сияющую степь ложилась пыльная тень. Несколько кочевников спешили и отдыхали под кибитками.

Двое оставались верхом. Один из них был белокур, другой – темноволос. Черноволосый всадник сказал своему товарищу, предводителю маленького отряда:

– Брат мой, давай искать деревню.

Белокурый всадник смотрел на ребенка, которого его названный брат держал перед собой на холке своего могучего вороного скакуна. Мальчик, бледный от страха, беспомощно озираясь. Пригожий малыш.

Длинные иссиня-черные волосы его похитителя поблескивали на солнце, почти такие же гладкие, как бока его вороного коня.

Деревня наверняка находилась неподалеку от тех мест, где бродил ребенок. Отыскать ее, захватить молодых мужчин и мальчишек, и пусть деревенские беспомощно выкрикивают проклятия им вслед. Из угнанных в полон вырастят не рабов, а воинов и примут их в члены клана. Так и случилось в детстве с двоими из тех кочевников, что отдыхали под кибитками. «Станный народ, – подумал черноволосый, – бога войны не знают, но обучи их воевать – и окажутся они и смелы, и решительны». И мальчишка этот, возможно, когда-нибудь станет гордостью клана.

Однако в этот жаркий день ему не хотелось совершать набег на деревню.

– Я не для того пришел сюда, – тихо сказал он.

Темноволосый склонил голову.

– Твой дед не дожил до старости, – мрачно ответил он. – Не зря его прозвали Оленем.

В устах степных кочевников это была высшая похвала. Среди них старик считался существом, лишенным чести, – храбрецы погибали в битве, не успев состариться.

В тот же день, чуть раньше, когда солнце достигло зенита, белокурый воин, стоя на вершине возвышавшегося поблизости кургана, вонзил в землю свой длинный меч. Ибо это был могильный холм его деда, убитого в схватке в этом безлюдном месте и забытого всеми, кроме членов его семьи, которые раз в несколько лет возвращались в этот отдаленный уголок степи, чтобы воздать честь покойному. Меч и сейчас виднелся на холме, из кибиток можно было различить даже перекрестье его рукояти, и блеск железа напоминал о благородном клане воинов.

Кий не отрываясь смотрел на всадников. Таких людей он прежде никогда не видел, но кое-что о них слышал. Он догадался: всадник на вороном скакуне – скиф.

«Вот поймает тебя скиф, – сказал ему однажды отец, – живьем с тебя шкуру сдерет и на конскую сбрую пустит». Кий со страхом поглядывал на удила. Едва он взглянул в холодные глаза темноволосого воина, как тотчас же понял: жди беды – и явно эти двое решают, как бы половчее содрать с него кожу. Малыш дрожал всем телом. Однако при виде светловолосого всадника в душе его затеплилась надежда. Ему было очень страшно, а все же никогда еще не видал Кий человека прекраснее.

Побратим скифа, высокий белокурый кочевник, был коротко стрижен. Черты его лица были правильны, утонченны, почти изящны, выражение лица – открытое и привлекательное. Но когда его светло-голубые глаза сверкнули гневом, он сделался поистине ужасен, страшнее темноволосого, смуглого скифа рядом с ним. Мужики этого племени способны были вселять ужас, и многие писатели древности упоминали об этом.

То был алан, представитель величайшего из всех сарматских племен, а могущественный клан, к которому он принадлежал, слыл одним из самых гордых, и называли они себя «бледными» или «сияющими».

С незапамятных времен кочевники приходили с востока, из азиатских земель, расположенных за тем огромным полумесяцем горных кряжей, что образовывал южную границу великой Евразийской равнины. Верхом преодолели они горные перевалы, возвышавшиеся над Индией и Персией, проскакали по окутанным мерцающей дымкой предгорьям, словно изливавшимся водопадом на великую равнину. Появлялись они и из пустыни, окружавшей Каспийское море севернее Волги, а оттуда двигались в плодородную степь к северу от Черного

моря, в земли по берегам Днепра и Дона. Они вторгались в Восточное Средиземноморье и на Балканы, доходя едва ли не до Греции.

Первыми, в глубокой древности, с востока пришли киммерийцы, номады железного века. Затем, около 600 года до новой эры, появились скифы, индоевропейский народ с примесью монгольской крови, говоривший на языке иранского происхождения. Потом, примерно в 200 году до новой эры, земли эти приглянулись другому, еще более сильному и могущественному народу – сарматам; они ограничили владения скифов небольшой территорией и подчинили их себе.

Все эти кланы воинов являлись с востока. Иранским именем «Дон», означающим «вода», они нарекли реки Дон, Днепр и даже протекающий намного западнее Дунай. Воинственные кочевники – повелители степей.

От Черного моря до самого леса славяне боялись сияющих аланов, но и восхищались ими. Некоторые славянские племена пахали для них землю; были и такие, что платили им дань. И вправду, ни пределов, ни границ не ведали они в своих странствиях; и в сказаниях своих говорили они, что изъездили всю бескрайнюю степь – от земель, где встает теплое солнце, до земель закатных.

Алан посмотрел на небо. Полуденная жара еще не спала, но вскоре их спутники, отдышавшие под кибитками, проснутся, и они двинутся дальше.

– Мы вернемся сегодня, – тихо промолвил он. – Мальчишку повезешь ты.

Кий не сводил глаз с высокого воина. В отличие от своего побратима-скифа, алан пользовался стрелами. Он носил мягкие кожаные сапоги и широкие шелковые штаны. Сбоку к его седлу были приторочены длинный меч и аркан, любимое оружие его соплеменников, а к бедру был пристегнут кинжал с рукоятью, оканчивавшейся навершием в виде кольца. Кольчуга и остроконечный шлем были перехвачены ремнями поверх боевой выкладки, лежащей на земле возле кибиток, рядом с двумя длинными копьями, с ними аланы шли в смертоносные атаки. Его полотняный кафтан был расшит маленькими незамкнутыми золотыми треугольниками, а на шее у него красовалось ожерелье из крученых золотых нитей, которое оканчивалось двумя золотыми драконами. С плеч алана ниспадал длинный шерстяной плащ, заколотый огромной фибулой, богато отделанной восточными драгоценными камнями. Узоры были не клановые – а личные.

Скиф был одет совсем иначе. Спину Кия царапали золотые и серебряные нашивки на кожаной куртке всадника. Смуглую руку, удерживающую его на холке коня, украшал браслет с изображениями богов и фантастических животных, он сверкал так, что резал Кию глаза. Малыш разумеется не знал, что браслет был сработан удивительными греческими мастерами. На боку у скифа висел изогнутый меч с рукоятью также греческой работы.

Но особенно восхитили ребенка их кони. Иссиня-черного скакуна, на котором его везли, он, конечно, не мог разглядеть, но чуял его невиданную силу и мощь. А конь алана представлялся ему существом едва ли не божественным.

Он был серебристо-серый, с черной гривой, с черной полосой вдоль спины и с черным хвостом, этот конь. Эту благородную масть аланы именовали «инеем». Кию казалось, что конь едва ступает по земле, словно не удостаивает ее своим прикосновением. Словно не поскачет он сейчас, а полетит.

И воистину это было так, ибо во всем племени аланов не сыскалось бы более резвого скакуна. Хозяин звал его Траяном, по имени римского императора, молва о воинских подвигах которого разошлась по берегам Черного моря и которого даже расселившиеся на широко раскинувшихся, обширных землях сарматы стали почитать как малого бога. Трижды Траян, быстроногий, с уверенной поступью, спасал в бою жизнь алана. Однажды, когда тот был ранен, конь ускользнул от врагов и бросился его искать. Соплеменники хвалили алана и его скакуна: «Траян ему дороже жены».

Сейчас Траян стоял неподвижно, но от дуновения легкого ветерка, пролетающего над степью, маленькие золотые диски, висящие на его узде, закачались и тихонько зазвенели. На каждом диске была вырезана тамга – эмблема клана, к которому конь принадлежал – точно так же, как и его хозяин. Тамгой этого клана был трезубец, священный знак, висевший над очагом в родовой башне клана, в сотнях верст к востоку.

Скиф тоже смотрел на Траяна, с трудом подавив вздох. Его соплеменники погребли бы столь божественно прекрасного коня в могильном кургане вместе с его хозяином, когда тому придет час пасть в битве. Аланы же, хотя и слыли искусными наездниками, обычно довольствовались тем, что хоронили вместе с воином конские удила и сбрую.

Его отец сражался вместе с аланами в наемных войсках Рима, и потому они и побратались еще в детстве. Не бывало уз священнее, их нельзя было разорвать. Много лет странствовали они вместе и бились на поле брани бок о бок. Никогда, ни в чем скиф не предал алана. Он твердо знал, что, если потребуется, отдаст за друга жизнь.

Однако сейчас, когда он в тысячный раз разглядывал Траяна, в его суровых, безжалостных глазах появлялось странное, мечтательное выражение. «Если бы он не был моим братом, – подумал скиф, – я убил бы его, и даже сотню таких, как он, ради подобного коня». Скакун горделиво воззрился на него в ответ. Вслух скиф произнес:

– Брат мой, не дашь ли ты мне двоих из наших людей разграбить деревню? А потом я поскачу вслед за тобой и нагоню тебя завтра на закате.

Алан нежно погладил холку своего коня.

– Не проси у меня этого сейчас, брат, – отвечал он.

Скиф замолчал и задумался. Оба они знали, что алан не в силах был отказать названному брату ни в чем: он готов был преподнести скифу любой дар, сделать любое одолжение, пойти ради него на любую жертву. Таков был их обычай, так повелевала им честь. Если бы скиф по всем правилам попросил отдать ему коня, алан согласился бы пожертвовать Траяном. Но названный брат не мог злоупотреблять своим правом: ему надлежало знать, когда просить нельзя. И потому сейчас темноволосый, смуглый воин склонил голову и сделал вид, что и вовсе не упоминал о налете на деревню.

Маленький Кий присмотрелся и закричал.

Она шла к ним по лугу в лучах беспощадного, палящего полуденного солнца. Высокая, пожелтевшая, увядающая трава царапала ее голые ноги.

Лебедь не знала, пощадят они ее или убьют, но терять ей было нечего. Когда она подошла поближе, что-то подсказало ей, что старший в отряде – красавец-алан, но до конца она не была в этом уверена. Двое воинов бесстрастно глядели на нее. Даже кони их не шелохнулись.

Кий инстинктивно начал вырываться, но смуглая рука скифа, до сих пор державшая его словно бы небрежно, сжалась железными тисками. Но ребенок даже представить не мог, что теперь, когда мать нашла его, страшные всадники не подпустят его к ней.

– Кий, мальчик мой! – позвала она.

Он откликнулся. Но почему же эти всадники словно бы ее не замечают?

Лебедь заглянула им в глаза: темные – у одного, светло-голубые – у другого, и оба в равной мере жестоки и безжалостны. Скиф медленно потянулся за мечом, но рука на миг замерла перед самым лицом ребенка и легла на гриву коня.

Ее отделяло от них лишь десять шагов. Она видела, как личико Кия при виде нее озарилось радостью и надеждой и как он сморщился от досады и беспомощности, готовясь заплакать, не в силах до нее дотянуться. Несколько кочевников возле кибиток и их лошади с любопытством глядели на нее, но никто не шевельнулся. Тогда Лебедь остановилась, сложила руки на груди и так замерла, крепко стоя на земле и не сводя глаз с двоих всадников.

По высокому, сладко пахнущему ковылю пробежала рябь. Солнце нещадно пекло над головами, шлем скифа поблескивал в жарких лучах. Никто не произнес ни слова.

Алан знал немного по-славянски. Глядя на нее сверху вниз, со спины могучего Траяна, он промолвил наконец:

– Что тебе нужно?

Лебедь даже не взглянула на него. Она смотрела на своего сына, которого скиф держал на холке своего коня, и молчала.

– Возвращайся в деревню. Мальчик наш.

Она глядела не в глаза Кию, а на его круглые щечки. Она глядела на его маленькие пухленькие ручки, вцепившиеся в черную гриву могучего коня. Но по-прежнему не произносила ни слова.

Ибо молчание куда сильнее слов.

Алан смотрел на нее. «Что она может знать о той судьбе, – думал он, – что ожидает мальчика за горизонтом?» Что она может знать о шумных, многолюдных греческих и римских портах на Черном море, о высоких серых утесах, сияющих, словно расплавленная лава, над южным морем, о гладких, горбатых мысах, похожих на медведей, которые пришли испить морской воды? Что может знать жалкая славянка, живущая на опушке леса, о шумных торжищах Крыма, куда отовсюду свозили зерно на продажу, о караванах, идущих на восток, о заснеженных вершинах Кавказа, о кузницах на горных перевалах, где закалялись клинки, или о зеленых виноградниках на склонах гор? Она никогда не видела огромных табунов великолепных, божественных коней, пасущихся у подножия этих гор, или горделивых каменных башен, воздвигнутых его народом.

Вскоре, через несколько лет, этот мальчик станет воином и, может быть, оседлает коня, подобного Траяну. Он сделается одним из них, сияющих аланов, военную тактику которых – атаки и притворные отступления – заимствовали даже римляне. Сам император Марк Аврелий отказался недавно от попыток завоевать их. Разве римляне не приняли с радостью их помощь в борьбе с неукротимыми парфянами?

Что бы он только не увидел, чего бы только не узнал: мог бы побывать в киммерийских царствах или скифских поселениях в Крыму, мог бы беседовать с греками, римлянами, персами, иудейскими поселенцами в портах, мог бы познакомиться с представителями иранских и азиатских народов, пришедшими из далеких-далеких краев. Он, этот малыш, мог бы снискать славу, сражаясь с персами на востоке или с беспокойными готами, нападавшими с севера. И самое главное, он мог бы ощутить несказанную, ни с чем не сравнимую свободу, даруемую бескрайней степью: испытать восторг бешеной скачки, заключить нерушимый союз товарищества, связывающего названных братьев.

А какая жизнь ожидает его, останься он славянином? Прозябать в лесу да платить дань или перебраться на юг и пахать землю на хозяев – властителей степи. А сделавшись членом их клана, дитя может стать повелителем воинов.

Так размышляя, глядел он сверху вниз на женщину, которая желала вернуть свое дитя.

– Мальчик наш.

Маленький Кий услышал эти слова и взглянул сначала на алана, а потом на мать. Он пытался понять, хочет алан его убить или нет. Уж конечно, если б хотели, то уже давно бы прикончили. Но что теперь с ним будет? Он никогда больше ее не увидит? В мире словно не осталось ничего, кроме резкого запаха конского пота да горячих слез, внезапно хлынувших у него из глаз.

Кочевники, отдохавшие у кибиток, поднялись, засуетились и принялись запрягать лошадей. Алан отвернулся от Лебеди и окинул взглядом расстилавшуюся перед ним степь. Лебедь не двинулась с места.

Темноволосый скиф следил за ней бесстрастно, точно змей. Конь его затряс головой. «Наверное, деревня где-то неподалеку», – подумал скиф. Он страстно жаждал ее разграбить. Дважды он предлагал налет, но дважды получил отказ от побратима. Он плотнее обхватил рукой добычу. «Поедем, брат мой», – тихо промолвил он.

Алан помедлил. Не было причин медлить. Но оттого ли, что путь впереди лежал долгий, оттого ли, что юный пленник должен был проститься с прошлым и начать новую жизнь, оттого ли, что мать все смотрела и смотрела на свое дитя, не в силах отвести от него глаз, он подъехал поближе и, достав из-за пазухи маленький амулет, повесил его на шею мальчику. То была волшебная птица симург, глаза которой смотрели один – в прошлое, другой – в будущее. Теперь все было правильно, он кивнул скифу, и оба повернули коней прочь.

И тут лицо Кия исказилось. Он рванулся, пытаясь хоть глянуть на нее из-за руки скифа, намертво, неослабевающей хваткой прижимающего его к коню.

– Мама!

Она задрожала всем телом, иступленно желая броситься вслед за всадниками. Но ясно было: поддайся она своему порыву – и ляжет мертвой под мечом скифа. Лишь неподвижность и молчание были ей защитой.

– Мама! – еще отчаяннее крикнул мальчик.

Теперь их разделяли уже тридцать шагов.

Она не двигалась с места. Алан и скиф медленно повернули коней в густую высокую траву, на восток. Семьдесят шагов. Сто. Она глядела на его маленькое круглое личико с расширенными от ужаса глазами, на темного коня, что навсегда уносил от нее Кийчика.

– Мама!

Она неотрывно смотрела на него. Вот уже почти скрылась его фигурка в высоких зарослях ковыля.

Теперь за всадниками покатались кибитки, потянулись верховые кочевники. Они и взгляда не бросили на мать, стоящую неподвижно и смотрящую им вслед.

А та мысленно молилась – с того самого мгновения, как впервые увидела их; и хотя все молитвы ее оказались тщетны, она не прекращала молиться. Молилась богу ветра, дующего ей в лицо. Молилась богу грома и молнии, богу солнца, терзающего их обоих палящими лучами. Молилась матери сырой земле, повсюду, куда бы они ни пошли, лежащей у них под ногами. Всем богам молилась она, которых только знала. Но пустые голубые небеса взирали на нее сверху равнодушно, никакого дара ей не обещая. Небеса сияли тем же безжалостным, металлическим блеском, как глаза всадника.

Повозки исчезли в колышущихся травах. Пыль улеглась. Голубое небо медленно удалялось от нее. И тогда она, все еще не прекращая молитвы, безмолвно склонила голову, признавая волю судьбы и смиряясь с нею.

Въезжая на небольшой холмик и оглянувшись, алан увидел крохотную фигурку вдали, по-прежнему не сходящую с места и глядящую им вслед.

И тут он почувствовал к ней жалость, ведь не прошло и года, как и он лишился единственного сына.

Когда скиф услышал, о чем просит его побратим, глаза его сверкнули.

– Дважды сегодня, брат мой, – промолвил он, – ты сказал мне: «Не проси», когда я хотел напасть на деревню. Но чтобы ты уверился в моей любви к тебе, проси что хочешь, и я отдам тебе желаемое. Ведь разве мы вместе не опустили острия наших мечей в кубок, полный крови? Разве не поклялся я ветром и клинком, что разделю судьбу твою в жизни и в смерти? – Легким движением он, подняв мальчика с холки своего коня, передал его алану. – Он твой.

Потом он стал ждать.

Если бы это не нанесло ущерба его чести, алан, может быть, и вздохнул бы. Но вместо этого, едва заметно улыбнувшись, он произнес:

– Мой верный брат, ты совершил вместе со мной это дальнее странствие, дабы почтить память моего деда, и делал все, что я просил, не только сегодня, но и много, много раз. И ни разу ничего не просил взамен. А посему я молю тебя: попроси у меня любой дар, дабы я мог доказать тебе свою любовь.

Он знал, что обязан преподнести названому брату дар, и знал, какой дар тот назовет.

– Брат мой, – торжественно отвечал скиф, – я прошу у тебя Траяна.

– Тогда он твой.

Произнести эти слова было невыносимо трудно. Но, даже страдая, он испытывал прилив гордости, ибо отдать столь прекрасного коня было воистину деянием благородного человека.

– Последний раз проскачу на нем! – весело воскликнул алан.

Не ожидая ответа, алан повернул Траяна и, направляя одним легким прикосновением, пустил его вскачь по степи, без усилий удерживая перед собой ребенка.

Маленький Кий изумленно оглядывался, инстинктивно цепляясь за гриву великолепного коня, и тут алан сказал ему на славянском языке: «Ну вот, малыш, ты идешь к себе в деревню, но всю свою жизнь будешь помнить о том, как летел верхом на Траяне, благороднейшем из всех скакунов сияющих аланов».

Мальчик и не подозревал, что на глазах у алана выступили слезы. Он испытывал лишь радостное возбуждение и восторг, каких никогда не знал прежде.

Так и случилось, и Лебедь, в отчаянии глядящая в пустоту, внезапно увидела, как к ней, словно бог ветра, летит Траян, едва касаясь земли. Почти небрежно, не говоря ни слова, алан опустил ребенка к ее ногам и ускакал, растворившись в степной мерцающей дымке.

Не веря себе, она схватила мальчика, а тот прижался к ней.

Она почти не заметила, как спустя мгновение он резко дернулся у нее в объятиях и, указывая на удаляющегося всадника, крикнул: «Я хочу к нему!»

Прижав ребенка к груди, чтобы его не отняли у нее опять, она поспешила назад в лес.

Лебедь не сразу вернулась в деревню. Вместо этого она нашла тихое местечко у реки. Рядом рос священный дуб, которому она вознесла благодарственные молитвы, а потом, ей так хотелось побыть наедине со своим сыном, и она села в тени и смотрела, как он играет у воды, а затем, утомившись, уснула.

Из лесу они вышли только вечером. Большое ячменное поле было убрано. Как два маленьких облачка, медленно плывущих по бескрайнему простору неба, двинулись они по широкому безлюдному полю.

Урожай собрали. Лишь в одном углу поля, по обычаю, оставили ячменный сноп – в дар Велесу, богу скота и прибытка. В дальнем конце поля стайка маленьких девочек играла в ладушки, стоя кружком и смеясь, а когда они вошли в деревню, гуси, пасущиеся возле изб, приветствовали их своим обычным гогогом.

Первым, кто встретил Лебедь в деревне, был ее муж. Его лицо осветилось радостью, когда он поднял мальчика высоко над головой; ее свекровь тем временем вышла из избы и сухо ей кивнула.

– Я тебя искал, – произнес он. Без сомнения, так все и было. И вправду, человек он был добрый и потому вправду мог отправиться на поиски и искать их несколько дней: вот разве что забот у него невпроворот, от них не оторваться.

– Я его нашла, – просто сказала она.

Потом она рассказала ему про всадников, и они отправились к деревенскому старейшине, а тот заставил ее поведать историю еще раз.

– Если они снова явятся, – медленно проговорил он, – придется нам опять перебираться на север.

Маленькая община уже переселялась на север пять лет тому назад, чтобы не платить дань степным кочевникам.

Но в этот день делать уже было нечего, разве что праздновать сбор урожая.

Юноши и девушки уже вышли из деревни и принялись кататься и кувыряться на краю поля. Перед избой старейшины женщины уже заканчивали вязать из ячменных колосьев фигурку старика. У него была длинная, кудрявая борода, которую они как раз намазывали медом. Это был бог поля, и они намеревались отнести его туда, где поле смыкалось с лесной опушкой, на границу двух миров.

И только теперь, когда стали собираться сельчане, в дверях своей избы показался Мал. Заметив Лебедь и ребенка, он смутился было, но Кий сам подбежал к нему.

– Я видел медвежонка, – закричал он, – я его видел!

Лебедь оттащила Кия, а Мал покраснел как рак.

Когда сельчане стали выходить на поле, Лебедь почувствовала, что муж ни на миг от нее не отходит. Она не заглядывала ему в лицо, как ему того хотелось (в этом она была совершенно уверена), но знала, что на лице его появилось особое, нежное выражение. Глаза у него горели нетерпением, как у юноши, – это она тоже знала наперед. Он так и норовил к ней прикоснуться, она не могла этого не заметить. Длинная мужняя рука обхватила ее предплечье и мягко сжала. Она поняла этот знак, да и давно ждала его.

Она шла и шла вперед. Другие женщины наверняка тоже заметили этот жест. Рука у мужа сильная, подумала Лебедь, хотя и костлявая. Идя вперед без остановки, лучше всего можно было скрыть свое нежелание разделить его страсть. Ну, придет он к ней сегодня ночью, вот и все. Она подтолкнула мальчика, чтобы тот не мешкал и был у них на глазах, и так, воссоединившись, ступили на поле.

Когда солнце стало медленно опускаться, освещая деревья, а по сжатому полю заструились длинные тени, начались песни и пляски. Под предводительством ее свекрови женщины закружились в хороводе и затянули жатвенную песню:

Ячень-батюшка,
Стерня-матушка,
Уж мы жали дочиста,
Наломались досыта,
Ай ты, матушка-стерня,
Верни силушку сполна.

Теплые лучи заходящего солнца заиграли на жидком меде, стекающем с ячменной бороды полевика, и она ярко засияла.

На краю поля за сельчанами безмятежно и блаженно наблюдали три бабушки, слишком старые, чтобы петь или плясать. Взглянув на них, Лебедь украдкой улыбнулась. Она знала: и ее эта доля не минует. Ей подумалось: ведь говорят, что бог-полевик, когда поле сожнут, усыхает, сморщивается, превращается в крохотного человечка. Смертные тоже усыхают, умяются и уходят жить под землю, как покровитель рода – домовый. Такова судьба. Природу нельзя подчинить; будь ты мужчина или женщина – прими свое время сева и время сбора урожая. А что там станет с ней, Лебедью, судьбу волнует мало. Потеряй она сегодня свое дитя – кому бы до того было дело, как бы горько ей ни было. Столько их умирает, детишек. Никто их и не считал. Но все ж кто-то да вырастет, выживет, и потому и деревня, и род все живут себе да живут в вечном, неизменном и жестоком своем коловращении, как времена года кружат себе и кружат по равнине без конца и края.

Допела со всеми песню – и вернулась к Кию. Сидя на земле, он теребил талисман, подаренный всадником; всем сердечком своим он был не с ней, а скакал по широко раскинувшейся степи. Едва и взглянул на нее, когда она подошла ближе.

А теперь прямо перед нею склонился над ребенком ее муж, улыбающийся, горящий нетерпением.

И ее порою влекло к нему; случалось, что весной и жизни без него не было. Однако, хотя он и вправе был ей приказать, хотя именно мужчинам принадлежала власть в деревне, она-то знала: главная сила – у жены, это жены терпели, побеждали и выживали. Это жены, как и сама мать сыра земля, сберегали семя в толще почвы и производили на свет плод для бога солнца и для мужчины с его плугом.

Он улыбнулся:

– Сегодня ночью я приду к тебе.

В сумерках, когда вместо свеч зажгли щепки смолистого дерева, в избе старейшины начался пир. Из рук в руки передавали чашу любви с черпаком, до краев полную веселым шипучим медом. От всякой снеди, будь то рыба, просяной хлеб или мясо, уделялась доля домовому, который в эту ночь выбирался из своего логова под амбаром, чтобы попировать с потомками.

Когда все было съедено, деревенские жители продолжали петь и плясать. Кий глядел, как его мать пляшет перед его отцом и бьет в свой красный бубен; смотрел – не мог насмотреться, пока от жары голова его не упала на грудь, и мальчик заснул.

Дважды муж прикасался к ней, шепча: «Пойдем». Дважды качала она головой и продолжала плясать. Она тоже пила, хотя меньше, чем остальные, и теперь по всему телу разливалось приятное тепло. Возбужденная пляской, она уже почувствовала желание, но по-прежнему плясала и пила, чая мига, когда вождение властно вспыхнет в ней.

Постепенно мужчины и женщины, с трудом держась на ногах, пошатываясь, побрели в ночь. Лебедь уже не спорила, когда муж обнял ее и повел вон из избы. Вокруг, под стенами изб, на краю поля, беспорядочно совокуплялись опьяненные медом сельчане, и не важно было, кто кому отдается, и не вспомнит никто, и вскоре забудут об этой ночи. Какая разница, чье дитя, если все тут из одного рода? Лишь бы род не угас!

Они спустились к реке мимо высоких трав, где во тьме сияли светлячки. Вместе глядели они на реку, поблескивающую в лунном свете. Эту маленькую речку сельчане наделили именем, что взяли у грозных степных всадников. Славяне знали, что могучие аланы на своем чуждальнем языке говорят о себе «русь», то есть «светлые», «сияющие». Приятно звучит это слово для славянского уха, женское это слово и другим женским словам сродни – таким, как река. Так и нарекли сельчане свою крохотную, мерцающую, поблескивающую речушку – Русью.

Это было доброе название. Несомненно, оно пришлось бы им еще более по вкусу, узнай в селе, что тем же иранским словом «Русь» или «Рось» в те далекие дни именовали еще одну реку, далеко на востоке, ту великую реку, что позднее нарекут Волгой.

Русью называли они реку, а деревушку у этой реки величали похоже: Русское.

Ночь выдалась тихая. Река сияла, несла свои воды, а притом как будто не несла, оставалась в своем течении. Они легли на траву. Высоко по усеянному звездами летнему небу время от времени проплывали бледные облака, подобно всадникам в неспешной процессии; они отсвечивали в неярком отраженном свете месяца, показавшегося на юге, – и кто знает, какой медведь или лиса, волк или жар-птица пробирались по темному, глухому лесу, какие всадники, какие кочевники сидели у походных костров в бескрайней степи?

Но единственным звуком, который слышала Лебедь, был шепот листьев, когда ветер пролетал над землей, едва касаясь.

Глава вторая. Река

В лето от Рождества Христова 1066-е, в месяце январе, в небе появилось ужасное знамение. Наблюдали его по всей Европе.

В хрониках англосаксонского королевства Англии, которому грозило вторжение Вильгельма Нормандского, сие знамение описывали как несомненное предвестие бедствий и катастроф. Видели его во Франции, в Германии и по всему побережью Средиземного моря. В Восточной Европе, в недавно основанных государствах Польше и Венгрии, ужасная звезда царила на ночном небосводе. А еще дальше, в той пограничной области, где лес смыкается со степью, а широкий Дон несет свои воды к теплому Черному морю, огромная красная комета каждую ночь озаряла белоснежные безмолвные снега, и люди гадали, какое же новое зло обрушится на мир.

А как изменился этот мир за прошедшие века! За девять столетий войн, политической борьбы и катаклизмов, что отделяли его от правления Марка Аврелия и Траяна, западная цивилизация из античной сделалась средневековой, и переходу этому сопутствовали значительные перемены. Рим принял христианство, но вскоре небывало широко раскинувшаяся империя, поделенная между западной столицей, Римом, и восточной, Константинополем, пала под напором многочисленных варварских племен.

Они пришли из монгольских земель к северу от Великой Китайской стены, волна за волной накатывались они с востока, пересекли южные горные цепи, имеющие облик огромного полумесяца, и помчались по пустыне и степи гигантской Евразийской равнины. Часть этих завоевателей принадлежала к белой расе, часть – к монголоидной, большинство из них были тюркоязычными; эти ужасные варвары сметали все на своем пути. Так, на Европу обрушился сначала Атила со своими гуннами, потом авары, затем тюрки. Однако Римскую империю погубили не их внезапные вторжения, не их гигантские, недолговечные степные царства, а неуправляемая цепная реакция, которую они запустили, вторгшись во владения племен Восточной Европы, и которая вызвала Великое переселение народов. Именно в ходе этих миграций во Франции появились франки, в Болгарии – потомки гуннов болгары, в Британии – саксы и англы, именно эти миграции дали названия таким областям, как Бургундия и Ломбардия.

Когда этот процесс завершился, старый мир лежал в руинах. Рим пал. Западная Европа, хотя варвары медленно переходили в христианство, оставалась пестрым лоскутным одеялом племенных и династических регионов. Лишь в Восточном Средиземноморье и на Черном море действительно сохранялось подобие старого порядка. Ибо там, чуть севернее Греции, возле узкого пролива, что связывает воды Черного и Средиземного морей, находился величественный город Константинополь, также известный как Византий. Не завоеванный врагами, сохраняющий традиции классической культуры и восточного христианства, по своему характеру скорее греческий, нежели латинский, Константинополь оставался непобедимым и неприступным: это был город, где на протяжении всего Средневековья будет править, хотя бы номинально, римский император-христианин.

Но этим беды Запада не исчерпывались, ведь в 622 году пророк Мухаммед впервые совершил хиджру, отправившись из Мекки в Медину, и исламская вера, могущественная и притягательная, начала стремительно распространяться по миру. Мусульманские полководцы бросались в атаку с боевым кличем: «В райские кущи, мусульмане, а не в огонь!» – ведь тот, кто пал в битве, несомненно, попадал в рай. Из Аравии мусульманские войска вторглись на Ближний Восток, оттуда двинулись дальше, в Персию и в Индию, а потом на запад, в Северную Африку и даже в Испанию. Другой марш-бросок довел их до ворот Константинополя.

На протяжении столетий христианская Европа будет трепетать при одном упоминании имени пророка.

И наконец, мир ожидало еще одно испытание – появились викинги.

Пираты, купцы, колонизаторы, авантюристы – эти скандинавские мореплаватели начиная примерно с 800 года врываются на историческую сцену. Они заняли большую часть Центральной Англии, основали колонии в Исландии и в Гренландии и даже достигли побережья Северной Америки. Они создали герцогство Нормандское и, предприняв дерзкую вылазку, дошли до Средиземноморья.

Группа шведских викингов, основав торговые колонии по берегам Балтийского моря, как раз и отправилась вниз по рекам внутренних восточных, удаленных от побережий районов, где жили славяне.

Иногда этих скандинавов именовали варягами. Они основали гигантскую, протянувшуюся с севера на юг сеть торговых поселений, стали покупать и обменивать товары в славянском Новгороде на севере и плавать на юг по Днепру, Дону и Волге. На побережье Черного моря возле устья Дона они учредили факторию под названием Тмутаракань. И вот, потому ли, что были они белокожие и светловолосые, потому ли, что в этих южных странах торговали и сражались бок о бок с белокурыми аланами, или по какой-то иной, неизвестной нам причине в южном мире, куда они столь дерзко ворвались, эти скандинавские пираты и купцы вскоре получили то же древнее иранское имя, что до сих пор носили некоторые аланы, имя, означющее «светлый» или «сияющий», – «русы».

И так родилось новое государство – Русь.

Из-за высокого частокола мальчик, снедаемый лихорадочным волнением, глядел на огромную красную звезду.

Далеко внизу во тьме лежала широкая река Днепр; лед, сковавший ее по краям, тускло отражал кроваво-красный свет звезды. За спиной у мальчика замер в молчании город Киев.

Прошло почти два века с тех пор, как этот древний славянский город на Днепре сделался столицей государства Русь. Расположенный на поросших лесом холмах в одном дне пути от окраин южной степи, он был сборным пунктом, откуда все товары, доставленные из северных земель, отправлялись дальше по реке – к далекому Черному морю и южнее.

«Что же звезда предвещает городу?» – гадал мальчик. Наверняка это знамение, ниспосланное Богом.

Русь уже приняла христианство. В благословенное лето Господне 988-е Владимир, князь Киевский, был крещен, а крестным отцом его согласился стать не кто иной, как сам римский император Константинополя. Разве уже за одно это крещение не нарекли бы Владимира Святым? И разве не говорили люди, что двое из его сыновей, молодые князья Борис и Глеб, также были причислены к лику святых?

История их гибели, за каких-нибудь полстолетия до описываемых событий, тотчас же сделалась народной легендой. В расцвете своей молодости оба князя встретили наемных убийц, подосланных их коварным старшим братом, со спокойствием и смирением, не преступили против братской любви и предали свои души Господу. Гибель их, горестная, но возвышенная, глубоко тронула славянские сердца, и князья Борис и Глеб стали святыми покровителями земли Русской. Их именовали страстотерпцами, и на могилах их творились чудеса исцеления.

За прошедшие века Киев украсился множеством церквей. Улицы его оглашали не только крики и шум, доносящиеся с торговых ладей на реке, но и монотонные песнопения монахов и священников в ста церквях, а приземистые, в византийском стиле купола самых величественных храмов горели пламенем в лучах солнца. «Когда-нибудь, – уверяла знать, – мы сравнимся с самим Царьградом». Так именовали в здешних землях столицу римского императора Константинополь. И даже если, как неохотно признавали летописцы, в сельской местности и оста-

валось немало смердов, приверженных язычеству, со временем и они присоединятся к великому братству христианских народов.

А что означала звезда для этого мальчика? Не грозила ли она ему какой бедою? Не ждут ли его тяжкие испытания?

Ведь грядущий год обещал сделаться самым важным в его жизни. Ему исполнилось двенадцать. Он знал, что отец подыскивает ему место в свите одного из князей; ходили слухи и о его предстоящей помолвке. А еще более взволновало его известие, что отец этим летом посылает караван на восток, по степным землям. Неделями он умолял отца разрешить ему отправиться вместе с отряженными туда людьми. «Я доскачу верхом до великой реки Дон», – мечтал мальчик. Его мать была против этого рискованного предприятия, но всего неделю тому назад отец обещал подумать, и с тех пор мальчик ни о чем ином и не помышлял. «А когда вернусь, то начну обучение ратному делу и стану воином, – решил он, – как батюшка».

Его так захватили мысли о предстоящем путешествии, что он не заметил, как к нему приблизились двое и стали рядом с ним.

– Проснись, Иванушка, деревцем станешь!

Звали его Иваном, но чаще кликали ласково – Иванушкой. Он едва заметно улыбнулся, но взгляда от звезды не отвел. Он знал, что братья пришли дразнить его. Младший из двоих, Борис, был светловолос и добродушен с виду, и в свои шестнадцать уже отпустил бородку. У старшего, Святополка, было удлиненное, серьезное лицо и темные волосы. Ему исполнилось восемнадцать, и он уже был женат. Борис с минуту улещивал брата, пытаясь заманить его назад в дом, но Святополку это надоело, и он пнул Иванушку:

– Нечего тут мерзнуть! Ты что, снегурочка?

Борис потопал валенками – ноги озябли. Святополк выругался. С тем они и ушли восвояси.

А красная звезда по-прежнему царил на небе. Четвертую ночь подряд созерцал ее Иванушка, стоя в полном одиночестве, не откликаясь ни на какие призывы вернуться домой. Он был мечтательным мальчиком. Частенько кто-нибудь из членов семьи заставал его на улице, устремившим взгляд в пустоту, уходил, а потом возвращался, а Иван все стоял как вкопанный – с полуулыбкой на широком лице, глаз не сводя с чего-то, ведомого ему одному. И никто не мог отвадить его от странного этого занятия, потому что такова была его созерцательная натура. Был он из тех людей, с кем мать-природа говорит своим тайным языком. И сейчас время текло себе – а он все стоял не шелохнувшись и глаз не сводил со звезды.

– Иванушка, – позвала его мать, – глупенький, у тебя же руки как лед.

Он почувствовал, как она набрасывает ему на плечи шубу. И хотя по-прежнему не мог оторваться от звезды, все же нежно пожал ей руку. А как прикоснулся к ней, обернулся и улыбнулся.

Их связывали особые узы. Как много часов провел он, сидя рядом с нею у огня в их большом деревянном тереме, и блаженно внимал, как она не то говорит, не то поет былины о героях-богатырях или рассказывает волшебные сказки о Бабе-яге или жар-птице, обитающей в глухом лесу.

Ольга была высокая и стройная, с широким лбом, но довольно мелкими, тонкими чертами и с темно-каштановыми волосами. Она была из северных славян, ее род насчитывал многих славных вождей. Когда она пела родовые сказания тихим, отрешенным голосом, Иванушка завороченно глядел на нее, не в силах отвести взор. Ее прекрасное, нежное лицо часто предстало ему в мыслях; ее образ, подобно иконе, сопровождал Иванушку неизменно, повсюду, всю жизнь.

Но его отцу она порой пела другие песни. Голос ее в таких случаях делался низким, резким контральто, а самая манера – насмешливой и презрительной. Догадывался ли он о том, что ее изящное, бледное тело таит в себе сокрытый огонь, что она способна дивно преобра-

зиться, сводя с ума, опьяняя страстью его отца? Возможно, как все на свете дети, он лишь подозревал, какие отношения существуют между взрослыми.

Иногда они увлеченно читали вместе священные книги, с трудом, но все же в конце концов торжественно разбирали слова Нового Завета и апокрифов, начертанные квадратным уставным письмом. Он изучал гомилии великих богословов Восточной церкви – Иоанна Златоуста и Василия Великого или, еще лучше, славянских проповедников вроде святителя Илариона. Он также выучил несколько поэтических сказаний великого певца Бояна, которого знал его собственный дед, и мог прочесть наизусть их без запинки, на радость отцу.

Но не только это особенно связывало Иванушку с матерью – он унаследовал от нее особый жест, когда она, разговаривая с кем-нибудь, медленно поднимала руку, словно подзывая собеседника и приглашая его пройти в дверь. Это изящное движение казалось почти печальным, но неизменно нежным и ласковым. Из троих братьев только Иванушка перенял у нее этот жест, но и сам не ведал: то ли бездумно подражал он матушке, то ли получил в дар по рождению. Зато он всегда помнил, что в отличие от своего мужа, Иванова отца, она была славянкой. «Значит, и я наполовину славянин», – думал он.

Но что означало быть славянином? Он знал, что славян на свете превеликое множество. На протяжении веков расселились они в бесчисленных землях. На западе живут поляки – они славяне, венгры и болгары – отчасти славяне; а двинешься дальше, на юг, так народы, поселившиеся в Греции, на Балканах, тоже славянской крови, и хотя их языки уже сильно отличались от того наречия, на котором говорили восточные славяне, жившие в земле под названием Русь, сходство по-прежнему было велико.

Была ли то единая раса? Трудно сказать. Даже на Руси существовало много племен. Те, что поселились на юге, давным-давно смешались со степными захватчиками; северные славяне заключали браки с балтами и литовцами, восточные постепенно породнились с финно-угорскими лесными жителями.

Однако, глядя на мать и сравнивая ее с отцом и с другими чужеземными приближенными правящей династии потомков скандинавских героев, Иванушка сразу мог сказать: она славянка. Отчего? Оттого ли, что она была музыкальна? Или, может, оттого, что она легко переходила от грусти к веселью? Нет, дело было в каком-то ином свойстве, особом, и для него самом славянском. «Оно присуще и крестьянам, – думал он, – ведь, даже когда они злятся и дерутся, они в мгновение ока успокаиваются и делаются покойными и смиренными. Значит, дело в том, что они добрые».

Его мать тем временем шла к дому. Иванушка еще раз посмотрел на звезду. Что она пыталась ему сказать? Некоторые священники уверяли, что звезда предвещает конец света. Разумеется, он знал, что грядет светопреставление, – но ведь не может же быть, чтобы оно наступило сейчас?

Он вспомнил проповедника, который всего-навсего месяц тому назад взволновал его до глубины души. «Воистину, дорогой мой брат во Христе, славяне поздно пришли работать на винограднике Божиим, – молвил священник, – но разве не говорит нам эта притча, что те, кто явились последними, будут вознаграждены не менее, чем те, кто опередил их? Господь уготовил великую судьбу народу своему, славянам, которые по праву превозносят имя Его».

Эти слова восхитили Иванушку. Судьба. Может быть, оттого, что он приближался к порогу отрочества, он много размышлял о судьбе. Судьба. Конечно, и он сыграет свою роль в судьбе славян. И уж конечно, молился Иванушка, чтобы Страшный суд не наступил прежде, чем он не совершит великие подвиги, – ибо для славы и подвигов и родился он на свет.

Он не подозревал, что его судьба решается в этот миг.

День выдался для Игоря неудачный. Помолвку Иванушки, как ему казалось, прочно скрепленную согласием сторон, нынче расторг отец невесты, и Игорь никак не мог взять в толк

почему. Знатное семейство, с которым он мечтал породниться, внезапно пошло на попятную. Происшествие это было весьма и весьма досадным, хотя в иное время он бы заставил себя о нем забыть.

А теперь еще и это. Молча глядел он на стоящего перед ним человека.

Игорь был высок ростом и внушителен. У него был длинный прямой нос, глубоко посаженные глаза и чувственный рот, волосы черны как вороново крыло, но остроконечная бородка уже поседела. На шее у него висел на цепочке маленький металлический диск с выгравированной древней тамгой его клана, трезубцем.

Происхождение многих киевских аристократов было трудно угадать. В самом деле, даже среди множества русских князей, предками которых были скандинавы, светловолосые и белокожие встречались не реже черноволосых и смуглых. Однако Игорь вел свою родословную от сияющих аланов.

Род его пришел с востока. Вместе с другими представителями аланских и черкесских кланов отец Игоря примкнул к великому воину, князю Руси, и стал вместе с ним участвовать в походах за реку Дон, а поскольку сражался он храбро (не было равного ему всадника), то был даже принят в княжескую дружину. Когда князь вернулся в свои земли, отец Игоря сопровождал его и так дошел до рек и лесов Руси. Там он женился на благородной варяжской девице, и теперь их сын, Игорь, в свою очередь служил в дружине князя киевского.

Однако, кроме воинского поприща, были у Игоря и деловые интересы. В городе Киеве можно было вести самую разнообразную торговлю. Из плодородных черноземных южных областей в города, расположенные в огромных северных лесах, можно было посылать зерно, а по реке в Константинополь перевозить меха и рабов. С запада, из Богемии, доставляли серебро, а из земель, находящихся еще дальше за нею, – франкские мечи. Из Польши и с западных окраин Руси привозили важнейшую приправу – соль. А с востока, из сказочных неведомых стран, либо речным путем, либо караванами, по степи, доставляли множество чудесных вещей: шелка, камку, драгоценности, пряности.

Торговые связи Руси и в самом деле были весьма обширны. На всем протяжении водных торговых путей, объединяющих север и юг, – от северных прибалтийских лесов до степей по берегам теплого Черного моря – располагались фактории и даже крупные города. На севере важную роль играл Новгород. На середине водных торговых путей, в верхнем течении Днепра, находился Смоленск, а к западу от него – Полоцк. К северу от Киева располагался Чернигов, а южнее, образуя форпост на границе со степью, – Переяславль. Каждый из этих городов, как, впрочем, и многие другие, мог похвастаться тысячным населением. Примерно тринадцать процентов жителей Руси были купцами или ремесленниками – куда больше, чем в феодальной Западной Европе. Таким образом, по гигантской территории, где население жило охотой (охотясь старинными, дедовскими методами) или примитивным земледелием, были разбросаны многочисленные оживленные центры торговли, экономических союзов и товарно-денежной экономики. А правили ими главы торговых династий.

Итак, будущий сват расторг помолвку Иванушки со своей дочерью. Игорь, усмирив в душе обиду, надеялся, что встреча с товарищем по торговым делам изгладит разочарование. Уже давно он намеревался снарядить караван на юго-восток, по степным землям. Там, за полноводным Доном, где Кавказские горы спускаются из поднебесья к Черному морю, располагалось на полуострове Тамань древнее русское поселение Тмутаракань. А напротив Тмутаракани, на широком полуострове Крым, что выдавался в море в центре северного берега, простирались гигантские солончаки. В последние годы эту торговлю с Тмутараканью ослабило могущественное степное кочевое племя половцев. Однако, как сказал Игорь, «если мы сможем привезти большой груз соли, то в накладе не останемся».

Все складывалось неплохо. В начале лета они собирались привести несколько ладей, груженных солью, в маленькую факторию и крепость Русское на окраине степи; там у его товарища был склад. Оттуда и отправится караван под охраной вооруженных конников. «Жаль только, я не смогу с вами пойти», – искренне заметил он.

А потом обратился к компаньону с просьбой, которая повергла того в смущение.

Человек, сидевший напротив него, был на несколько лет младше. Он был не так высок, как Игорь, но массивен – с тяжелым подбородком, крупным восточным носом, набрякшими веками и черными глазами. У него были густые черные волосы и черная борода, подстриженная широким клином, а на затылке, грозя вот-вот упасть, красовалась крохотная ермолка. Это был Жидовин Хазар.

Он принадлежал к странному племени. На протяжении нескольких столетий его предки, воинственный народ тюркского происхождения, царствовали на территории, что простиралась от пустыни на берегах Каспийского моря до самого Киева. Когда адепты ислама подчинили себе Ближний Восток и попытались перейти через Кавказские горы на великую Евразийскую равнину, именно могучие степные хазары вместе с грузинами, армянами и аланами смогли остановить их на горных перевалах. «Так что скажите нам спасибо за то, что Киев сейчас не исповедует ислам», – любил напоминать он своему другу Игорю.

Хазарское царство ушло в прошлое, но хазарские купцы и воины до сих пор курсировали по степи между Киевом и своими опорными пунктами в пустыне, а в Киеве существовала крупная хазарская торговая община, поселившаяся возле городских ворот, названных Жидовскими. Ни один из товарищей Игоря не мог бы снарядить караван и провести его по степи более умело, чем Хазар Жидовин, лишь ему, по мнению Игоря, это было под силу. В самом деле, Игорь полагал, что у его компаньона только один недостаток.

Хазар Жидовин исповедовал иудаизм.

Все хазары исповедовали иудаизм. Эту религию они приняли, когда, на вершине их могущества, правитель их решил, что примитивное язычество недостойно их нынешнего царского статуса. Поскольку халиф Багдадский исповедовал ислам, а император Константинопольский – христианство, то правитель степей, не желая предстать младшим, второстепенным союзником ни того ни другого, вполне разумно выбрал последнюю оставшуюся религию, предполагающую веру в единого Бога, и хазарские полководцы перешли в иудаизм. Вот потому-то Жидовин говорил и на славянском, и на тюркском языке и предпочитал писать на них, пользуясь древнееврейским алфавитом!

– Возьмешь с собой в поход моего младшего сына Иванушку?

Только об этом и просил его друг Игорь. Так почему же тогда хазар медлил с ответом? Ответ, впрочем, был совсем прост: брать Иванушку с собой Жидовин боялся. Слишком хорошо знал он мальчика.

«Ясное дело, – думал он. – Если на нас нападут половцы и он погибнет в схватке с ними – что ж, это понятно. Но я этого мальчика знаю как облупленного. Все будет по-другому. Он чего доброго в реку свалится да утонет или еще как-нибудь пропадет по глупости. А вина на мне». Но все ж ответил уклончиво:

– Иванушка еще молод. Не взять ли мне лучше его братьев?

Игорь прищурился:

– Ты мне отказываешь?

– Конечно нет, – смутился хазар. – Если ты уверен, что этого хочешь...

А теперь внезапно смутился Игорь. В иное время он просто приказал бы Жидовину взять Иванушку с собой, и тот подчинился бы. Но сегодня сердце его уже было уязвлено расторжением помолвки, и Игорь вдруг почувствовал, как его охватывает стыд. Хазар отлично разбирался в людях, стало быть, просто не хотел возиться с его сыном. На какое-то мгновение Игоря обуял гнев на Иванушку. Воин не любил неудачников.

– Не важно. – Он встал. – Ты прав. Он еще слишком молод.

На том размолвка была исчерпана.

Или почти исчерпана, ведь, уже уходя из дома хазара, он не удержался и спросил:

– Скажи мне, что ты думаешь об Иванушке? Каков он нравом?

Жидовин минуту подумал. Мальчик ему нравился, он немного походил на одного из его собственных сыновей.

– Он мечтатель, – любезно ответил хазар.

На обратном пути Игорь почти не поднимал глаз на красную звезду. Истому христианину не пристало сомневаться, что се – знамение Господне. А долг христианина – нести любые испытания, которые на него обрушатся. «Иванушка – мечтатель», – сказал Жидовин. Игорь знал, как прозвали мальчика собственные братья. «Святополк иначе как Иванушкой-дурачком его не величает», – с грустью подумал он.

А что с дурачком делать, ему было невдомек.

Спустя три дня красная комета исчезла с небосклона, и более никаких знамений в ту зиму на небе не появлялось.

Пришла весна. В начале каждого года в этих плодородных краях землю заливала вода, и вода эта была речная. Киев по праву считался городом на воде. Они вот-вот его увидят. Длинная ладья ровно шла по течению широкого, спокойного Днепра. Четверо гребцов в такт налегали на весла, ведя ладью по направлению к городу. Игорь стоял с сыном на корме, обнимая Иванушку за плечи.

Трехсаженная ладья была выдолблена из цельного древесного ствола. «Нет деревьев выше тех, – сказал Игорь сыну, – что растут на русской земле. Любой может взять топор и вырубить себе лодку из нашего могучего дуба». И теперь, стоя рядом с отцом, мальчик думал, что никогда еще не видел такого тихого, безмятежного утра.

Иванушка одет был в простую льняную рубаху и штаны, а поверх них накиннул бурый шерстяной кафтан, ведь утро было еще холодное. На ногах у него ладно сидели маленькие зеленые кожаные сапожки, которыми он очень гордился. Его светло-каштановые волосы были подстрижены коротко, «под горшок».

На рассвете они побывали выше по течению, на запрудах, где княжеские данники ловили рыбу, а сейчас, успев управиться за утро, возвращались в город, на раннюю трапезу. А после того... Иванушка ощущал дрожь нетерпения, отдававшуюся где-то в желудке, ибо настал решающий день.

Он поднял глаза на отца. Как часто он видел его на какой-нибудь караульной площадке на высоких деревянных стенах над рекой: орлиным оком взирает он на простирающуюся далеко внизу водную гладь. Теперь же, когда Игорь, высокий и худой, стоял на корме, закутавшись в длинный черный плащ, действительно могло показаться, что он вот-вот раскинет руки, как крылья, взвоет в небо и замрет над рекой и лесами, чтобы внезапно камнем ринуться сверху на ничего не подозревающую добычу.

Какой сильной была отцовская рука, приобнимающая сейчас его за шею! Впрочем, сила эта была не только мужской, земной, человеческой: подле Игоря Иванушка ощущал и иную силу, волной прибывающую из прошлого, – неуловимую, точно призрак, неотступную, словно воспоминание, но наполняющую все его существо живым, трепетным теплом. «В твоих жилах течет кровь могучих воинов, – часто повторял ему Игорь. – Они сражались как львы, мир не знал наездников, которые сравнились бы с твоим дедом и прадедом; еще до прихода хазар, когда еще и горы были юными, наши предки уже славились силой и могуществом». И сердце его начинало учащенно биться, стоило отцу добавить: «А когда-нибудь и ты тоже поведаешь об этом своим сыновьям и тем, кто придет после них». Вот что означало иметь отца и быть сыном.

А сегодня он наверняка начнет свое великое поприще, уподобившись отцу и старшим братьям, и сделается воином, богатырем.

Монах разрешит все сомнения.

Тихо скользила ладья по волнам. В утренней тишине великий поток, открываясь взору, нес свои воды на юг. Воздух был прохладен, но тих. Туман еще клубился над рекой, и ее мощное, неустанное течение едва ощущалось на поверхности. Перед Иваном расстилалась бесконечно ускользающая, но неизменная и неподвижная река. Если посмотреть на юг, серо-синие воды и бледно-голубые небеса, казалось, сливаются на горизонте, образуя нежную дымку и вдалеке делаясь неотличимыми друг от друга, тогда как на востоке золотистый солнечный свет рассеивался в тумане.

Теперь перед ними стали вырисовываться вдали очертания городских зданий, и Иванушка едва слышно вздохнул в восхищении. Как прекрасен был Киев!

На правом берегу Днепра, отвесно возвышающемся над водой больше чем на пятнадцать саженей и ошетилившемся высокими деревянными частоколами, город протянулся версты на три, сильный, могущественный и неприступный, взирая с высоты на тихие, безмятежные окрестности.

Город состоял из трех главных частей. В первую очередь это был северный участок, находящийся на невысоком холме: там стоял мощный старинный детинец с княжеским теремом и большой церковью, основанной за восемьдесят лет до описываемых событий самим Владимиром Святым и называемой Десятинной. На юго-западе, совсем рядом с ним, отделив лишь небольшим оврагом, возвели новый, куда более внушительный «город»; построили его по приказу великого сына Владимира Ярослава Мудрого, составителя «Русской правды», первого русского свода законов. С «городом Ярослава» граничил еще один участок, даже больше предыдущего; он сбегал к реке и тоже был защищен деревянными стенами. Это была окраина, так называемый Подол, где селились купцы победнее и ремесленники. А реку усеивали причалы, к которым приставали неуклюжие, массивные парусные ладьи.

Многие высокие здания в Киеве были сложены из кирпича. На Подоле почти все, исключая несколько церквей, было выстроено из дерева. Насколько хватит глаз, землю покрывали приветные лиственные леса, растущие даже на высоких, отвесных склонах, обрывавшихся над Днепром.

Повсюду в городе блестели в лучах утреннего солнца золоченые кресты с дополнительной косою перекладиной, символизирующей в восточном христианстве подножие, на которое опирались ступни Христа, и сияли золотом широкие купола церквей. Воистину, великий город сам походил на огромный, сверкающий корабль, скользящий по речным волнам.

Хотя правый берег был высок и усеян частоколами, левый был низок, и здесь, как и во многих иных местах по течению Днепра, река затопляла берега. Поблескивая на солнце, заливала она поля, принося с собой не только воду, но и плодородный ил. Каждую весну благодаря этому чудесному омовению земля возрождалась.

Когда город стал приближаться, Иван забеспокоился. Не так давно у него, слишком быстро растущего отрока, обнаружилась боль в коленях. Но самое главное – он не мог сдерживать волнение.

Ведь всего неделю тому назад Игорь объявил ему: «Пора нам решить, как поступить с тобой. Возьму-ка я тебя к отцу Луке».

Это была великая честь. Отец Лука был духовным наставником его отца, и тот никогда не принимал ни одного важного решения, предварительно не посоветовавшись с ним. Говоря о старом монахе, он всегда с почтением понижал голос, уверяя, что его духовник всеведущ. И всегда отправлялся к нему в одиночестве. Даже старших братьев Иванушки Игорь никогда не привозил к отцу Луке. Неудивительно, что, когда Игорь сообщил ему о готовящейся поездке, Иванушка сначала покраснел, а потом побледнел.

Он снова и снова воображал предстоящую встречу. Добрый старик, высокий, с пышной, ниспадающей на грудь белоснежной бородой, с ангельски умиротворенным ликом, с очами, сияющими подобно солнцу, возложит длани на голову его, благословляя, и объявит: «Воля Господа, Иван, в том, чтобы ты стал великим воином». Вот как должно быть. Он посмотрел сначала на отца, потом на крепостной вал с блаженной доверчивостью во взоре.

А Игорь поглядел на сына. Правильно ли он поступает? Ему казалось, что да, но он намеревался обмануть Иванушку.

Как красивы его родители, как красивы его братья! Его охватывал блаженный трепет, стоило ему только взглянуть на своих близких. Все они собрались в палате большого деревянного терема. Свет проникал сквозь окна, забранные не стеклом, а слюдой. Свет также отражался от желтых глиняных изразцов, которыми был выложен пол, и потому вся палата, казалось, была напоена сиянием.

Со стола еще не убрали остатки утренней трапезы. У стены возвышалась большая печь; в углу напротив висела маленькая иконка Николая Чудотворца, а перед нею, на трех серебряных цепочках, – крохотная глиняная лампадка. На сундуке справа стояли, тускло поблескивая, два больших медных подсвечника. Восковые свечи в них пока не зажгли. Посреди комнаты, в тяжелом резном дубовом кресле, навощенном и отполированном до такого блеска, словно оно было выточено из черного дерева, сидела его мать.

– Что ж, Иванушка, готов ли ты?

Он был готов и с радостью смотрел на нее.

Она была облачена в богатый парчовый сарафан. Пояс ее был расшит золотом. Широкие рукава нижней рубахи словно окутывали ее нежные запястья облаками белой ткани. На одной кисти она носила серебряный браслет, украшенный драгоценными камнями: зелеными азиатскими лапами и теплым янтарем с северного побережья Балтийского моря. В ушах у нее красовались серьги с жемчужными подвесками. На стройной шее висела на цепочке золотая лунница. Русские аристократки одевались вот так, подобно знатным гречанкам Константинополя, столицы Византии.

Сколь бледно было ее широкое чело, сколь изящно покоилась рука с обращенными долу, униженными золотыми кольцами перстами, на резном льве, украшающем подлокотник кресла. Сколь нежно ее лицо, сколь исполнено доброты. И все же стоило ей взглянуть на него, как по лицу ее пробегала тень грусти. Отчего же она печалилась?

Оба его брата также присутствовали на проводах. Оба они, Святополк, которого сопровождала его белоликая прелестная молодая жена-полька, и Борис, были одеты в кафтаны с богато расшитыми поясами и с собольими воротниками. Иванушка старался любить их в равной мере, но, хотя он и восхищался обоими, он невольно побаивался Святополка. Говорили, что Святополк как две капли воды похож на отца, но точно ли это было так? Ведь если во взгляде Игоря читалась отрешенность и сдержанность, то лицо Святополка часто искажалось гневом и горечью. Но почему же? И хотя оба брата, случалось, награждали его затрещинами, именно рука Святополка была тяжелее и немилостивее.

По приказу отца Иванушка оделся в простую льняную рубаху, перехватив ее поясом, и порты. Вопреки желанию матери, ему все же позволили поехать в его любимых зеленых сапожках. А руки и лицо ему как следует вымыли в большом медном чане, стоявшем на умывальнике.

Игорь тоже отправился в путь в простой одежде, и его рубаху отличала от крестьянской только изящная вышитая кайма. «Богатые украшения неуместны там, куда мы едем», – сурово повторял он. Глаза у Иванушки сияли. Он был так взволнован, что смог проглотить только кусочек хлеба да чуть-чуть овсяной каши. И вот, поцеловав мать и братьев, он выбежал во двор и спустя несколько мгновений верхом на своей маленькой лошадке, чувствуя, как холодит его щеки прохладный, влажный воздух, выехал на улицу.

Там было грязно. Дома знати чаще всего представляли собой большие одно- или двух-этажные деревянные терема с высокими деревянными шатровыми крышами и службами на заднем дворе. Дома эти возводились на небольших участках земли, огороженных частоколами, и эти дворики сейчас так промокли от растаявшего снега и весенних дождей, что от наружных ворот к стойлам пришлось проложить мостки. Кое-где на улице тоже положили доски, но там, где их не было, лошадиные копыта утопали в грязи.

Иванушка на своем сером коньке трусил за отцом на почтительном расстоянии. Как же был он статен и величав: простой черный плащ ниспадал с его плеч поверх белой рубахи, и Иванушка взирал на царственную его осанку с безграничным восхищением. Игорь ехал на своем лучшем вороном коне. Отцовского коня звали именем древнего императора, но за несколько веков имя это изменилось и теперь звучало округлей, плавней: Троян.

Простой люд, встречая отца и сына, прикладывал правую руку к сердцу и кланялся в пояс; даже священники в рясах с уважением склоняли перед ними головы. Игорь был не им, холопам да смердам, чета, – если б, боже упаси, кто-нибудь убил такого знатного мужа, то должен был бы платить сорок серебряных гривен виры, а жизнь простого крестьянина, «смерда», оценивалась всего в пять.

Даже имена представители правящего класса носили не такие, как простонародье. Князья и их избранные приближенные часто получали «царские» имена с корнем «слав» – «похвала» – или «мир», то есть «вселенная». Таковы были и великий князь Владимир, и его сын Ярослав. Любили в знатных семьях и скандинавские имена вроде Рюрика и Олега. Даже супруга Игоря, хотя и была славянкой, звалась Ольгой – русский вариант скандинавской Хельги. Среди простого люда все еще были в ходу славянские имена-прозвища – Щек или Мал. Но более всего отличала знать от простолюдинов манера, в которой полагалось к ним обращаться: если смерд мог быть просто Ильюшкой, то аристократ добавлял к своему имени имя отца – отчество. Так, юный Иванушка был Иваном, сыном Игоря, или Иваном Игоревичем. Да и всех троих братьев могли величать «сыновьями Игоря», Игоревичами, ведь все знали Игоря: был он не просто знатным мужем, но дружинником самого князя киевского. Много было князей в земле Русской. Каждый торговый город на великих водных путях был под защитой и управлением своего собственного князя, а все князья числились потомками славного варяга Олега, который отвоевал Киев у хазар двести лет тому назад. Во время описываемых событий наиболее крупные города этой огромной «империи», торговые пути которой пролегали по воде, находились в руках сыновей последнего князя киевского, могущественного Ярослава Мудрого. Сыновья Ярослава избрали форму престолонаследия по старшинству: старший брат получал главный город, Киев, а остальные разбирали города поменьше – в зависимости от возраста – и приносили клятву верности князю киевскому. Так и вышло, что повелитель Игоря был старшим, или великим, князем киевским; в городе Чернигове к северу от Киева княжил его брат Святослав; осторожный Всеволод, третий по старшинству, правил в Переяславле, городе поменьше, расположенном на юге. Если один из братьев умирал, ему наследовал не сын, а следующий за ним по старшинству брат, и потому младшие братья один за другим, в порядке старшинства, постепенно получали все более и более крупные города.

Игорь служил князю киевскому. Более того, он едва ли не считался членом княжеского совета. Братья Иванушки тоже уже вошли во внешний круг дружины, хотя Борис еще ходил в отроках – был младшим помощником, не то слугой, не то оруженосцем; Иванушка приходил в восторг при мысли, что и он когда-нибудь пойдет по их стопам.

«Спешиться!» – раздался строгий приказ отца, и Иванушка вздрогнул, очнувшись от своих мечтаний. Они проехали всего несколько сотен сажень, но Игорь уже соскочил с коня и шел пешком, и Иванушка, подняв глаза, понял почему. Они достигли собора. При виде собора ему сделалось страшно.

В обнесённом стенами городе Ярослава Мудрого было немало прекрасных зданий. Кроме красивых деревянных теремов знати, там возвели монастыри, церкви, школы и чудесные ворота, выстроенные из камня, именуемые Золотыми. Они были особенно хороши, так как их венчала возносящаяся под небеса маленькая надвратная церковь Благовещения с золотым куполом. Но нигде на землях русских не сыскать было собора более величественного, чем тот, что возвышался теперь перед ними, ведь подобно тому, как отец его, Владимир Святой, воздвиг свою великую Десятинную церковь в старом детинце, Ярослав начал строительство огромного собора в новом.

Ярослав освятил его в честь святой Софии; да и какое иное имя пристало ему, когда все знали, что величайшая церковь Византии, престол патриарха Константинопольского, – во имя святой Софии, Премудрости Божьей?

Этот новый северный народ гордо объявлял себя «русами», но веру, обычаи, самый уклад жизни он перенимал у греков. Духовенство высокого сана по большей части состояло из греков. Даже единственный славянин, красноречивый проповедник, возглавивший Русскую церковь десять лет тому назад, именовался по-гречески – Иларионом. При крещении славянским детям избиралось ещё одно, крестильное имя, в честь святого покровителя – из греческих святцев. Владимир Святой – во крещении стал Василием, а сыновья его Борис и Глеб поминались в церквях как Роман и Давид. Сколь велик был представший перед ними собор! Он был возведён из красного гранита, выложенного узкими длинными полосами и скрепленного почти такими же по длине и ширине слоями розового цементного раствора. Массивная, довольно приземистая красно-розовая твердыня, задуманная поразить всякого величием и могуществом недавно обретенного христианского Бога была видна издалека. В центре ее сиял большой золотой купол, сходный с тем, что венчал Константинопольский собор, а вокруг него теснились двенадцать куполов поменьше. «Они олицетворяют нашего Господа и двенадцать апостолов», – пояснил ему Игорь. Собор был почти достроен. Только небольшие подмости с одной стороны здания свидетельствовали о том, что работы ещё не окончены. С трепетом Иванушка перешагнул порог.

Если снаружи собор напоминал крепость, то внутри обширные сумеречные пространства казались целой вселенной. В стиле величественных византийских церквей с запада на восток он был поделен чередой пяти нефов; посередине проходил самый широкий, его обрамляли по обеим сторонам по два нефа поуже. На восточном фасаде располагались пять полуциркульных апсид, на западном, высоко над полом, – хоры, где собирались на молитву князь и их придворные и откуда они глядели сверху вниз на простой народ. А посреди церкви, под огромным куполом, помещалось обширное пространство, где священники в сияющих облачениях являлись прихожанам, а земля соприкасалась с небесами.

Но более всего во внутреннем убранстве этого огромного, полутемного, словно пещера, храма привлекали взор и поражали воображение не высокий купол, не пять нефов, не массивные колонны, а мозаики.

Увидев их, Иванушка затрепетал. Они покрывали все стены от самого пола, теряясь под куполом. Они изображали Богоматерь, возносящую руки в молитве, как принято показывать ее в восточной христианской традиции; Отцов Церкви; Благовещение; таинство причастия. Выполненные из кубиков синей и коричневой, красной и зеленой смальты, выделяющиеся на сияющем золотом фоне, все эти образы, величественные и внушающие благоговейный страх, взирали на бранный, исполненный тщеты мир внизу. Темноволосые, с бледными овальными лицами и черными очами, устремляли они со своих золотистых стен скорбные, но бесстрастные взоры на людскую суету где-то под ними. А в вышине царил Христос-Пантократор, Вседержитель, всеведущий, но непознаваемый, недоступный никаким земным мудрствованиям, взирал Он с главного купола, и Его большие греческие глаза прозревали все и словно не различали ничего.

В церкви земля встречалась с небом, в полутьме мерцали сотни свечей, а на стенах сияли золотые мозаики, озаряя своим великим и ужасающим светом мрак, владеющий миром.

Несколько священников нараспев читали молитву.

«Господи помилуй». Они пели на церковнославянском варианте обиходной речи, одновременно понятном и таинственным, священном.

Игорь зажег свечу и в безмолвной молитве стал у иконы рядом с одной из массивных колонн, а Иванушка тем временем оглядывался по сторонам.

Все знали историю обращения Владимира Святого: он направил послов в земли, где исповедовали три великие религии – ислам, иудаизм и христианство, – и его посланники, вернувшись из Константинополя, возвестили ему, что в греческой христианской церкви «они и сами не ведали, на земле они или на небесах».

Возводя соборы, подобные этому, императоры Константинополя – а теперь и князья Киева, которые стали им во всем подражать, – совлекали видимые, зримые небеса на землю и напоминали своим подданным, что именно они, правители, молящиеся на хорах вверху, – предстоятели вечного Господа, золотая вселенная которого, всемогущего и непознаваемого, незримо присутствует в земном мире.

Игорь, в жилах которого текла восточная кровь, обретал покой в размышлениях об этом абсолютном, непознаваемом, всевластном начале. Иванушка, наполовину славянин, инстинктивно чуждался такого Бога, тоскуя по более теплomu и благому божеству. Потому-то в этом прекрасном соборе он и дрожал, словно от холода.

Спустя несколько минут он с радостью вышел из храма и отправился к воротам, за которыми начиналась тропа, уводившая по лесу к монастырю, и решалась его судьба.

Наконец они достигли монастырских ворот.

Сперва они поскакали по такой чудесной дороге, что Иванушка преисполнился восторга. Проехав мимо изб черного народа, разбросанных то там, то сям под городскими стенами, они повернули по тропе на юг, к мысу Берестово, который теперь стал предместьем Киева и на котором располагался загородный дворец самого Владимира Святого. Слева, за верхушками деревьев, можно было рассмотреть поблескивающую внизу реку, а дальше, за широким разливом половодья, по равнине простиралась леса, уходящие за горизонт. Дубы и буки, уже покрывающиеся новой листвой, словно окутали всю открывающуюся взору местность мягкой светло-зеленой дымкой под омытым дождями голубым небом. Ничто не нарушало сладостного пения птиц в тишине весеннего утра, и Иванушка, блаженствуя, ехал вслед за отцом на юго-запад, по направлению к широкому мысу, где примерно в трех верстах от города находилась монастырская обитель.

И все же Иванушка по-прежнему не догадывался, зачем отец взял его с собой.

Игорь безмолвствовал, погруженный в свои размышления. Правильно ли он поступает? Даже для столь благочестивого и сурового боярина, как он, сегодняшняя поездка была необычайным шагом, ведь Игорь задумал отдать Иванушку в монастырь.

Он долго терзался, прежде чем принять это решение. Обыкновенно бояре не хотели видеть своих сыновей даже священниками, а тем более монахами. Жизнь в бедности и смирении представлялась им позорной, а те аристократы, что выбирали духовное поприще, почти всегда делали это против воли своей семьи. Бесспорно, боярин вроде Игоря мог проводить по несколько часов в день в молитве, князь на смертном одре мог постричься в монахи, но для молодого человека похоронить себя в монастыре, приняв обет бедности, было неслыханно.

И только когда на небе взошла красная звезда, замысел его обрел отчетливые очертания. «Я не хочу сказать, что Иванушка – дурачок, – говорил он жене, – но он мечтатель. Сегодня ночью я застал его глядящим на звезду, и если бы не увел его в дом, то он бы замерз до смерти. Быть ему монахом». Игорь приложил немало усилий, чтобы стать воином, членом княжеской

дружины и деловым человеком; ему ли не знать, что для этого требуется. «Не думаю, что по силам Иванушке моя стезя».

«Ты к нему излишне строг», – возразила Ольга.

Действительно ли он был чрезмерно строг к сыну? Но какой же отец стерпит – хотя в этом Игорь никогда не признался бы вслух, – что любимый сын его слаб и никчем? И разве в душе его не звучал чуть слышно неведомый голос, повторяющий: «Мальчик похож на тебя, ты мог стать таким, как он».

И вот неделя проходила за неделей, никаких возможностей для мальчика не представлялось, и все чаще Игорь размышлял: «Может быть, хотя мне это и не по нраву, Господь избрал этого моего сына для себя». А постепенно Игорь уже начал строить планы, как сладить дела, если Иванушка и вправду примет постриг, хотя все же и печалили его эти думы.

В планы эти входили долгие беседы с отцом Лукой, которому он открывал все свои помышления. Впрочем, может, и лукавил иногда Игорь, расписывая, как влечет мальчишку духовная стезя. Он умолял старого монаха посмотреть на мечтательного мальчика и ободрить и воодушевить его, если и вправду заметит тот в отроке склонность к подобному призванию. Ведь если отец Лука сам пригласит Иванушку стать одним из братьев монастыря, как же сможет мальчишка отказаться от такой чести?

Жене он сообщил о своем выборе всего лишь за день до отъезда в Киев, и Ольга, услышав, что он задумал, побелела.

– Нет! Только не это, не прогоняй его! – взмолилась она.

– Конечно нет, – ответил он. – Он примет постриг, только если сам того захочет.

– Но ты намерен его поощрять.

– Я только покажу ему монастырь, не более.

С лица Ольги не сходило выражение скорби и отчаяния. Она тоже хорошо знала своего младшего сына. Что угодно могло завладеть его воображением.

– Он запросто может вбить себе в голову, что хочет постричься в монахи, – сказала она. – И тогда я навеки его потеряю.

– Он может остаться в Киеве, – возразил Игорь. Будучи честолюбив, он втайне надеялся, что мальчик какое-то время прослужит в одном из великих греческих монастырей на далекой горе Афон, ибо так получали высокий духовный сан. Мальчик может даже сделаться вторым Иларионом! Но жене Игорь об этом не сказал.

– Я никогда его больше не увижу.

– Все сыновья покидают матерей, – продолжал он. – А потом, если будет на то воля Божия, нам останется только смириться. И кто знает, а вдруг это и есть его дорога? Может быть, даже станет счастливее меня. – И хотя нехорошо было говорить так собственной супруге, но была в этих нечаянных Игоревых словах и своя правда. – Я только покажу ему собор и монастырь, – пообещал он ей. – Отец Лука побеседует с ним. Вот и все.

А что же сам мальчик?

«Ну, может, и вправду – увидит он монастырь, да и прикипит к нему сердцем», – подумал Игорь. Тогда и придется ему сказать Иванушке правду и открыть, что никогда мечтателю не стать боярином. А такая правда нелегка. Но к тому времени найдется и другой выход. «И тогда поглядим», – заключил он.

Так и случилось, что этим утром Иванушка приехал в монастырь.

Никогда прежде он здесь не бывал.

Они добрались до северной оконечности мыса и двигались дальше, пока не доехали до открывшейся среди леса поляны и не увидели поблизости прочных деревянных ворот. Монах в черной рясе поклонился им, когда они проезжали во двор, а Иванушка, бледный от волнения, принялся оглядываться по сторонам.

Монастырь оказался довольно невзрачным. Небольшая деревянная часовенка да несколько сбившихся в стайку домишек, где жили насельники монастыря, а рядом с ними – два низких, похожих на сараи строения: трапезная и лечебница для больных. Ничего похожего на великолепный собор, подумал Иванушка разочарованно и решил, что есть во всем облике монашеской обители что-то печальное.

Хотя солнце уже давно взошло, на темных стенах изб еще виднелись капли росы, словно деревянные срубы пропитались холодной влагой сырой земли. Между деревьями виднелись крупные валуны. Там и сям на расчищенном под двор участке попадались пятна светло-бурой грязи. Надо же, весна-красна, а паломников не покидало чувство, будто сейчас осень, пора листопада.

Не прошло и двадцати лет с тех пор, как Антоний Печерский, придя из далекой Греции, с Афона, нашел это уединенное место с его пещерами. Вскоре к святому присоединились другие жаждущие духовного подвига, и эта маленькая община, состоявшая из примерно десяти отшельников, вырыла глубоко в земле настоящие соты из крошечных келий и подземных переходов. Кельи эти теперь находились у паломников под ногами, и Иванушку охватило странное чувство при мысли, что там, внизу, под землей, молятся Богу люди святой жизни и слышат каждый его шаг наверху. Он знал, что сам Антоний жил отдельно от монашеской общины в собственной пещере, откуда являлся только по особым случаям, например, для того, чтобы потребовать у князя киевского этот холм в полное владение и затем исчезнуть снова. Однако, как гласила молва, святой дух его парит над обителью, подобно туманной дымке, стелющейся над землей. Тем временем твердые в вере монахи, возглавляемые добрым Феодосием, выстроили не только подземный, но и надземный монастырь. А одним из этих праведников стал отец Лука.

Иванушка и его отец спешили. Один монах увел их коней в стойло; другой, пошептавшись с боярином, исчез за дверью маленькой избы.

– Оттуда ведет путь в пещеры, – пояснил Иванушке отец.

Они подождали. Двое пожилых насельников монастыря в сопровождении третьего, человека лет двадцати с небольшим, медленно прошли мимо них в деревянную часовню. Иванушка заметил, что один из монахов носил на шее большую тяжелую цепь и, казалось, двигался с трудом.

– Зачем он надел на себя цепь? – прошептал он. Отец посмотрел на него так, словно он ляпнул какую-то глупость.

– Для умерщвления плоти, – сухо ответил он и благоговейно добавил: – Это богоугодное деяние.

Иванушка не сказал ни слова. Щекой он ощутил слабое дуновение холодного ветра.

Тут дверь избы напротив медленно отворилась, и давешний монах вышел, придерживая дверь для кого-то, идущего следом. Иванушка услышал, как отец его прошептал: «Вот он». Он затаил дыхание, увидев над порогом полу рясы. Настал долгожданный миг, наконец появится благочестивый провидец и предречет ему славную судьбу.

И тут из избы вышел маленький, щупленький человечек.

Волосы у него были седые и, хотя и причесанные, не очень чистые; да и черная ряса его, перехваченная полуистлевшим кожаным ремнем, явно нуждалась в стирке. Борода у него была всклокоченная и неопрятная. Он зашаркал к ним, а монах не отставал от него ни на шаг, словно для того, чтобы подхватить его, если тот оступится.

Лицо у отца Луки было морщинистое, мертвенно-бледное, с густыми, нависшими бровями, которые казались еще более насупленными оттого, что он так сильно сгорбился. Медленно приближаясь к паломникам, он приоткрыл рот, словно готовясь встретить высоких гостей приветливой улыбкой. Иванушка заметил, что зубы у него желтые, стариковские и многих не хватает. Очи его не сияли, подобно солнцу, как воображал прежде мальчик, отнюдь нет.

Глаза у старца слезились и, кажется, слегка косили. Старец был занят тем, что, почти не поднимая глаз, глядел на свои ноги в кожаных, весьма рваных башмаках, сквозь дыры в которых виднелись его грязные ступни. Но то, как выглядел муж святой жизни, было еще полбеды.

Запах.

Те, кто долго живут в подземных кельях, не только бледнеют, уподобляясь трупам, но и пропитываются ужасным смрадом; именно волна этого смрада, окутывающего отца Луку, и оттолкнула мальчика окончательно. Запах был невыносим, и Иванушке невольно пришли на ум сырость, тлен, мертвая плоть и гниющая опавшая листва. Монах остановился рядом с ним.

Он услышал, как отец промолвил:

– Это Иванушка, – и склонил голову.

Вот, значит, каков отец Лука. Иванушка не мог в это поверить. Ему хотелось убежать. Как отец мог обмануть его столь жестоко? «Только бы, – взмолился он, – монах до меня не дотронулся».

Когда он наконец заставил себя поднять глаза, то увидел, что его отец и старый монах о чем-то тихо беседуют. Старец время от времени взглядывал на Иванушку, и глаза его оказались голубыми, взор их – куда более пронизательным и пытливым, чем мальчику представилось поначалу. Отец Лука иногда устремлял взгляд на Иванушку, а потом снова опускал глаза долгу.

Взрослые будничным тоном обсуждали дела самые обыкновенные, житейские: торговлю и политику Тмутаракани, цену на соль, строительство нового монастыря Святого Дмитрия в городе. Все это представлялось Иванушке странным и довольно скучным. Поэтому старец застиг его врасплох, внезапно кивнув в его сторону головой и промолвив:

– Значит, ты мне про этого молодца говорил.

– Про него самого.

– Иван, – продолжал отец Лука, словно бы ни к кому не обращаясь, но с легкой улыбкой поглядывая на мальчика. – Вот такое имя и пристало христианину.

Действительно, в те времена лишь немногие русские носили это имя, славянскую форму древнееврейского Иоанн. Однако, дав двоим старшим сыновьям в качестве домашних обычные славянские имена, а христианские имена оставив для них лишь как крестильные, Игорь по какой-то причине нарек третьего сына всего одним, христианским именем.

Иванушка заметил, что отец ободряюще улыбается ему, пытаясь вселить в него уверенность, но истолковал эту улыбку как напоминание, что ему-де надобно произвести достойное впечатление, и, как всегда в таких случаях, тотчас же словно сжался в комочек, смутился, смешался и от страха забыл обо всем на свете. Следующий вопрос старца лишь усугубил его смятение и ужас:

– По нраву ли тебе здесь?

Что он мог ответить? Он был так опечален, что, услышав прямой вопрос, не в силах был более сдерживать свои чувства и скрывать боль разочарования. Из глаз у него хлынули слезы; в ярости на отца, в безудержном отчаянии, он не в силах был поднять взгляд, и тут у него вырвалось:

– Нет!

Он почувствовал, как его отец окаменел от гнева:

– Иван!

Он оторвал взгляд от земли и встретился глазами с разъяренным отцом. Монаха же его ответ, по-видимому, нисколько не смутил.

– Что ты здесь видишь?

Вопрос снова застал его врасплох. Он казался таким простым, что, слишком взволнованный, чтобы его обдумать, Иванушка тотчас же выпалил:

– Гниющие листья.

Он услышал, как его отец ахнул от негодования, а потом, к своему удивлению, увидел, как монах протягивает бледную, костлявую руку и ласково берет Игоря за плечо.

– Не сердись, – мягко упрекнул он боярина. – Мальчик всего-навсего сказал правду.

Он вздохнул:

– Но молод он еще тут жить.

– Здесь и молодые селились, – резко возразил ему отец.

Монах кивнул, но явно без большого воодушевления.

– Случалось, – согласился он и повернулся к Иванушке.

Что будет дальше, Иванушка не мог и вообразить. Уж никак не то, что сделал старец, а он спросил:

– Что ж, Иван, хочешь ли стать священником?

Священником? Да о чем этот старик только думает! Иванушка намеревался стать героем, боярином. С открытым ртом, в ужасе уставился он на монаха.

Суховато улыбаясь, обернулся отец Лука к Игорю:

– Ты уверен, что не ошибся, друг мой?

– Я думал, так будет лучше, – отвечал Игорь, сдвинув брови от гнева и смущения.

Иванушка поднял глаза на отца. Поначалу ему трудно было понять даже, что именно они обсуждают, но постепенно, преодолевая свое внутреннее смятение, он стал осознавать: если его отец полагал, что ему надобно сделаться священником, значит его считали недостойным боярского звания. И вот к едва пережитому разочарованию оттого, что внушающий благоговейный трепет отец Лука оказался маленьким неопрятным старичком, добавилась двойная боль – оттого, что отец обманул его и отверг, даже не сообщив о своих намерениях.

Тут отец Лука достал книгу и открыл ее.

– Это литургия святого Иоанна Златоуста, – сказал он. – Можешь прочитать?

И показал Иванушке молитву.

Мальчик, запинаясь, прочел, и отец Лука тихо кивнул. Потом он достал другую книгу и показал ее Иванушке, но письмо в ней было иное, чем то, к которому привык мальчик, и он покачал головой.

– Это старинный алфавит, придуманный для славян блаженным святым Кириллом, – объяснил старец. – На самом деле есть еще монахи, которые до сих пор предпочитают старинное письмо. Но сегодня мы пользуемся алфавитом, изобретенным последователями Кирилла: большинство букв в нем греческие, а называют его кириллицей. Если хочешь стать священником, не мешало бы тебе все это знать.

Иванушка повесил голову и промолчал.

– Мы в нашем монастыре, – тихо продолжал старец, – живем согласно уставу, введенному нашим игуменом Феодосием. Сей устав мудр. Наши монахи много времени проводят за пением и молитвой в часовне, но и благотворят – например, ходят за больными. Есть и те, кто и вправду выбирает себе более суровое послушание и отшельничество в кельях или в пещерах, где подолгу остаются одни. Но таков их выбор.

– Это выбор угодника Божьего, – почтительно вставил Игорь.

На отца Луку это не произвело особого впечатления.

– Жизнь такая под силу не всем.

Он вздохнул, и вздох его напомнил Иванушке шипенье. Ему казалось, что монах дышит реже и не так глубоко, как обычные люди.

– Жизнь иноческая есть постоянное стремление приблизиться к Господу, – тихо продолжал он. Трудно было сказать, обращается он к Игорю или к его сыну. – Тот, кто неустанно взыскует единения с Господом, умалется плотью, но прирастает духом – такова щедрость Господа нашего.

В ушах Иванушки тихий голос монаха звучал словно шелест опадающих листьев.

Тут отец Лука зашелся сухим, хриплым кашлем. И Иванушка подумал: «Он точно полова, в землю зарытая».

– И потому тело умирает, чтобы душа жила вечно.

Иванушка знал, что некоторые монахи у себя в кельях спят в гробах, дабы приуготовиться к смерти.

Он почувствовал, что отец Лука бесстрастно смотрит на него, наблюдая, как принял мальчик его слова, – но все равно не смог скрыть отвращения и желания позабыть о смерти.

– Однако это не смерть, – продолжал отец Лука, словно угадав его мысли, – ибо Христос победил смерть. Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно. Вот потому-то, хотя плоть наша подвластна смерти, наши души живут в Духе Господнем, умаляясь пред Ним.

Но если старец произнес эту фразу с намерением утешить и успокоить мальчика, то не преуспел.

Аскетический идеал умерщвления плоти был известен издавна. Много веков ему следовали одержимые религиозным рвением отшельники христианской Сирии. Выбирая его, монахи не причиняли себе неумеренной дикой боли, в отличие от флагеллантов на Западе, но медленно, постепенно лишали себя жизненных сил, чтобы плоть, укрощенная и смиренная, не препятствовала жизни духа и служению Господу.

По-прежнему внимательно глядя на Иванушку, монах продолжал:

– Но такие крайности под силу лишь немногим. Большинство здешних иноков ведут жизнь простую и мирную, посвященную служению Господу и своим единоверцам. Воистину, именно такой устав одобрял игумен Феодосий.

Однако Иванушка слишком уж упал духом и потому не находил утешения ни в чем.

– Ты хочешь служить Господу? – внезапно спросил старец.

– Да, конечно.

Он готов был расплакаться. О, как страстно он мечтал служить Господу! Как часто в мыслях он видел себя верхом на коне, скачущим по колышущемуся степному ковылю во имя Господа навстречу язычникам кочевых племен – без тени сомнений и колебаний.

Старец хмыкнул:

– Сын твой еще слишком мал. Он еще слишком привязан к собственному телу.

Отец Лука произнес эти слова тихо, без гнева, но явно изрекая окончательный приговор. Он отвернулся от Иванушки.

– Думаешь, монаха из него не выйдет? – с тревогой спросил Игорь.

– Господь касается всякого в положенное время. Мы и сами не ведаем, что с нами станет.

– Значит, вы не станете обучать его и готовить к священническому сану? – попробовал было Игорь получить разъяснение.

Но, не отвечая, отец Лука обернулся к Иванушке и возложил длань ему на голову, то ли благословляя мальчика, то ли нет, – кто знает.

– Вижу, ты отправишься в странствие, – промолвил он, – из которого вернешься.

С этими словами он снова отвернулся.

«В странствие?» – лихорадочно соображал Иванушка. Неужели он говорил о путешествии на Дон? Наверняка все так и есть. И не сказал ни слова о том, что Иванушке надлежит сделаться священником. По крайней мере, остается надежда.

Тем временем старый иннок довольно сурово воззрился на Игоря.

– Ты слишком много постишься, – резко сказал он.

– Но разве поститься запрещено? – изумленно переспросил Игорь.

– Пост есть десятина, которую мы платим Господу, всего десятая часть, и не более. Будь умереннее в соблюдении постов. Ты слишком строг к самому себе.

– А молитвы?

Иванушка знал, что его отец подолгу молится на рассвете, а потом три или четыре раза в течение всего дня.

– Молись сколько хочешь, коль скоро не забываешь о делах, – жестко ответил монах. Он помолчал, а затем продолжил: – Эти посты пришли в нашу Церковь с латинского Запада, через Моравию. Я не из тех, кто вечно бранит Запад, но слишком усердно поститься мирянину глупо. Если хочешь упорствовать в неумеренных постах, перейди в Римскую церковь и прими ее обряд, – добавил он с легкой улыбкой.

Более десяти лет тому назад между Восточной и Западной христианскими церквями, то есть между Константинополем и Римом, произошел раскол. Несогласия касались главным образом понимания Божественного начала и Святой Троицы в христианской вере, хотя определенную роль в этой схизме сыграли также особенности богослужения и теологические тонкости. Папа притязал на высшую власть в мире, а Восточная церковь воспротивилась этому. Однако разрыв между церквями в ту пору был еще не столь глубок.

Незлая насмешка монаха лишь напомнила: Игорь – его духовное чадо и потому обязан его слушаться.

– Я сделаю, как ты велишь, – ответствовал боярин. – А что же сын мой: если не быть ему священником, то кем тогда?

Отец Лука даже не взглянул в сторону Иванушки.

– Один Господь ведает, – ответил он.

1067

Киев златоглавый был прекрасен. Впрочем, одно препятствовало процветанию земли Русской: правители ее придумали политическую систему, которая не давала ей развиваться. Причиной тому стала особая форма престолонаследия – лестничное право.

Ведь когда княжеский род принял решение, что города будут передаваться не от отца к сыну, а от брата к брату, никто не мог предвидеть катастрофических последствий такого выбора.

Поначалу, когда городом правил тот или иной князь, он мог сажать на княжение своих сыновей в городах поменьше, давать им уделы, расположенные на подвластных ему землях. Но когда он умирал, им приходилось отказываться от своих владений в пользу следующего по старшинству князя, зачастую даже не получая ничего взамен. Хуже того: если один из братьев князя умирал до того, как ему даровали удел, то его детей совершенно исключали из длинной череды тех, кто мог рассчитывать на наследство. Существовало немало таких безземельных князей, которым судьба не сулила ничего хорошего, и название для них было то же, что и для других обездоленных и не имеющих собственных доходов, – изгои.

И даже если лестница, которая предусматривала передачу земель от старшего брата к младшему, и не порождала изгоев, из-за нее все равно возникали нелепицы, тягости и беды.

Русские князья жили на свете долго, и сыновей у них было много. Бывало, что старший сын производил на свет собственных сыновей и те успевали стать взрослыми воинами и государственными мужами до того, как вырастал младший отпрыск старого князя, их дядя. И всем им приходилось отказываться от власти в пользу этого дяди – сущего юнца. Что удивительного в том, что племянники роптали?

Поколения менялись – и становилось все труднее установить, кто и на что имеет законное право, и уж тем более – прийти к согласию по поводу наследуемых уделов. Устанавливались договоры о любви и мире, заключались союзы – но все было тщетно: сама система наследования по природе своей была нежизнеспособна. Князья киевские так и не нашли достойного решения.

Киев златоглавый был прекрасен, однако с недавних пор Иванушке казалось, что этому златоглавому городу угрожает резкий, яростный свет. В воздухе чувствовалась измена. И теперь, спустя год после того, как зловещая звезда появилась на небе глухой зимой, смысл этой мрачной вестницы судьбы, озарившей небосвод, становился понятен всем жителям земли Русской.

Поначалу Иванушка даже опасался за жизнь своего отца.

Среди князей, правивших в земле Русской, не было никого, страннее князя полоцкого. Ходили слухи, что он оборотень. Внушал страх одним своим видом.

– Он родился в рубашке и один глаз у него диким мясом заплыл, – сказала Иванушке мать, – да так по сей день и носит язвено свое.

– А он что, и вправду злодей? – спросил Иванушка.

– Хуже Бабы-яги, – ответила она.

Мятеж, поднятый князем полоцким, был обыкновенным династическим спором. Хоть и не был изгоем обездоленным внук Владимира Святого, однако из числа основных наследников его исключили, и потому, хотя он и княжил в городе Полоцке, но ни Киева, ни Новгорода, ни Чернигова, ни какого иного города и покрупней, и побогаче было ему не видать.

Пока другие, не столь влиятельные князья-изгои затевали междоусобицы на окраинах, князь полоцкий не нарушал мира. Но внезапно в середине зимы он напал на Новгород, и в пору, когда еще не стаяли глубокие снега, Игорь и двое его старших сыновей поскакали на север вместе с князем киевским и его братьями.

Если бы только мог Иван отправиться в поход с ними... Со времени посещения инок прошел год, и год этот принес Иванушке одни несчастья. Из-за половецких набегов на степные владения русов караван, который Игорь намеревался снарядить вместе с Хазаром Жидовином, отложили. Игорь несколько раз пытался определить сына в свиту того или иного князя, но все тщетно. Неоднократно отец спрашивал его, не хочет ли тот снова побывать в монастыре, но каждый раз отрок только опускал голову, и Игорь пожимал плечами и отворачивался. А теперь отец и братья охотятся на оборотня.

– Отец убьет его, – повторял Иванушка, провожая близких, но в душе был не столь уверен в благоприятном исходе. Прошло три недели. Пришли вести: мятежный Минск пал и войска двинулись дальше на север. После этого настала тишина.

И вот в начале марта, когда еще не сошел снег, под вечер Иванушка слышал конский топот и позвякивание сбруи, донесшиеся со двора; он выбежал из терема и увидел, как спешивается высокий, суровый всадник.

Это был его брат Святополк. Как красив и храбр он был, как похож на отца! Он взглянул на Иванушку.

– Мы победили, – сухо объявил он. – Отец возвращается вместе с Борисом. Он послал меня вперед передать эту весть матери.

– А оборотень?

– Проиграл битву и бежал. С ним покончено.

– Что случилось в Минске?

Святополк улыбнулся. Почему рот его, когда он улыбается, растягивается в злобной ухмылке и почему он улыбается, только говоря о том, как кого-то убивают, терзают и мучают?

– Мы вырезали всех мужчин, а женщин и детей продали в рабство. – Он усмехнулся коротким сухим смешком. – Рабов захватили столько, что цена на них упала до полг гривны за голову.

Иванушка прошел следом за ним в дом.

– Кстати, есть и для тебя добрые вести, – небрежно бросил Святополк.

– Для меня? – переспросил Иванушка и стал лихорадочно соображать, что же это может быть.

– Одному Богу ведомо почему, – заметил Святополк. – Ты этого ничем не заслужил. Святополк произнес эти слова весело, но Иванушка знал, что брат не шутит.

– И что ж это за вести? Скажи мне какие!

– Тебе скажет отец.

По-видимому, Святополка не очень-то радовали эти хорошие вести, какими бы они ни были. Он сухо улыбнулся, а затем отвернулся от младшего брата.

– А вот теперь помучайся до приезда отца, погадай, поломай голову! – промолвил он, входя в дом.

Иванушка услышал, как мать плачет от счастья. Он знал, что она любит Святополка, ведь тот был вылитый отец.

Вести, которые на следующий день принес отец, были столь удивительны, что Иван не мог в них поверить.

Младший брат князя киевского Всеволод сидел на столе в прекрасном южном приграничном городе Переяславле, расположенном примерно в ста верстах по течению Днепра от столицы. Всеволод заключил брак, который произвел немалое впечатление на русскую знать, ведь он взял в жены византийскую царевну из рода самих Мономахов. А их сын Владимир был всего на год старше Иванушки.

– Нам еще надобно устроить встречу мальчиков, – с гордостью пояснил Игорь жене, – но мы с Всеволодом подружились во время похода, и в целом он согласился... согласился, – подчеркнул Игорь, сурово воззрившись на Иванушку, – чтобы Иван стал отроком-гридем при молодом Владимире.

– На сей раз судьба тебе благоволит, – сказала Иванушке мать. – Говорят, Владимир – юноша даровитый и впереди у него большое будущее. Поступить к нему на службу, когда вы оба еще так юны... – Она развела руками, словно хотела сказать, что Иванушке достанутся сокровищница киевская и византийская столица Константинополь, вместе взятые.

Иванушка был вне себя от волнения.

– Когда? Когда? – только и смог вымолвить он.

– Я отвезу тебя в Переяславль на Рождество, – пообещал Игорь, – так что к этому времени лучше подготовься.

И с этими словами жестом велел сыну уйти.

– А все-таки жаль мне расставаться с Иванушкой, – призналась Ольга мужу, когда они остались вдвоем. – Я буду скучать по нему.

– Таков жребий женщины, – холодно заметил Игорь, не желая сознаваться в том, что и его печалит предстоящая разлука с сыном.

Вскоре после этого в конюшне произошел случай, который потряс бы Игоря и его супругу, если бы они о нем узнали.

Сначала братья пришли туда втроем. Борис, широко улыбаясь, дружески хлопнул младшего брата по плечу, так что тот растянулся во весь рост на соломе; потом он дал Иванушке целую серебряную гривну на счастье и ускакал на Подол. Иванушка и Святополк остались вдвоем.

– Что ж, братец, разве я не говорил тебе, что тебя ждут хорошие вести? – тихо заметил Святополк, восхищенным взглядом окидывая своего коня.

– Да.

Иванушку охватило дурное предчувствие, что сейчас он услышит от брата какую-то гадость.

– Я бы даже сказал, что ты добился большего, чем мы с Борисом, – задумчиво добавил Святополк.

– Ты и правда так думаешь?

Иванушка понимал, что перед ним открывается блестящая будущность, но не задумывался о практической стороне дела.

– «Ты и правда так думаешь»? – не оборачиваясь, передразнил его Святополк.

Иванушка непонимающе уставился на него, гадая, что последует за его выпадом. Внезапно Святополк обернулся к нему. Его темные глаза были полны ненависти и презрения.

– Ты ничем не заслужил такой чести. Тебе было назначено церковное поприще.

– Но так решил отец...

– Да, так решил отец. Но не думай, что можешь меня обмануть, я вижу тебя насквозь, ты от меня ничего не скроешь. Ты честолобец. Ты хочешь добиться большего, чем мы. Прикидываешься этаким простачком, а на самом-то деле ты думаешь только о себе.

Иванушка был столь поражен этой неожиданной вспышкой, что просто потерял дар речи. Неужели он и вправду честолобец? Он в замешательстве воззрился на Святополка.

– Что, – язвительно продолжал его брат, – правда глаза колет? Почему бы тебе не признать, что ты хуже нас? Мы-то это давно знаем. Ты – каверзник и лукавец, только и знаешь – строить ковы, одно слово – змей.

Последнее обвинение он прошипел, и Иванушка ощутил его физически, словно обрушившийся удар. Святополк тем временем совсем разошелся.

– Ты наверняка и отцовской смерти дожидаясь? – добавил он.

Иванушка и понятия не имел, что он хотел этим сказать.

– Как ты думаешь, во сколько обошлось бы отцу твое монашество? – и дальше просвещал его Святополк. – Он сделал бы несколько пожертвований, только и всего. А если ты теперь станешь отроком-гридем при княжеском сыне, значит он выделит тебе такое же наследство, как и нам. Значит, ты отбираешь мою законную долю и у меня.

Иванушка мучительно покраснел. К глазам его подступили слезы.

– Я не хочу, чтобы отец умер. Можешь взять себе мою долю. Все взять.

– Вот радость-то, – глумливо усмехнулся брат, – легко сказать. Само собой, теперь, когда монастырь тебе не грозит, ты и будешь так петь. Но еще поглядим.

Иванушка расплакался. Святополк не сводил с него глаз.

И это стало только началом Иванушкиных бед.

1068

Иванушка нарушал волю отца.

Но что поделать, если в этот день в городе происходили столь удивительные вещи.

Мальчику казалось, что вот уже два года не ослабевает зловещее влияние красной звезды. Но даже если помнить об этом, вокруг творилось многое, что и постичь было трудно.

Его так и не представили молодому князю Владимиру – поскольку скончалась византийская царевна, мать князя. «Владимир вместе с отцом оплакивает ее, – пояснил Игорь, – сейчас не время. Ну, подождем год – все устроится». Но и года не прошло, как отец Владимира женился во второй раз, на половецкой княжне.

«Это политика, – втолковывал ему Игорь. – Ее отец – могущественный половецкий хан, и князь хочет защитить Переяславль от нападений степных кочевников». Но не прошло и месяца, как на Русь вновь напали половцы и теперь грабили и жгли еще пуще прежнего.

Киевский князь так и не приглашал его к себе. Похоже, он забыл о своем обещании, и Иванушка слонялся без дела по Киеву.

Может быть, его брат Святополк и в самом деле говорил правду, когда одним холодным весенним утром прошипел ему на ухо: «Не быть тебе Владимировым гридем, сам знаешь. Не зовут они тебя, потому что прослышали, какая ты ни на что не годная бездарь». А когда он стал спрашивать, откуда они могли это узнать, Святополк ухмыльнулся и прошептал: «Может быть, я им поведал».

А кроме того, не утихала смута вокруг князя полоцкого. Разбив его в бою, князь киевский и его брат обещали допустить оборотня на переговоры, не чиня ему никаких препятствий. А затем вероломно заманили в ловушку и бросили в темницу в Киеве, где он до сих пор и томился. Однако, когда Иванушка спросил у отца, не грех ли совершать предательство, тот только мрачно ответил, что лгать иногда приходится. Иванушка не мог взять в толк, как это возможно.

И в довершение бед, грозя уничтожить всех и вся, обрушились половцы. Не прошло и недели, как русы выступили в поход, желая нанести степным налетчикам решающий удар... И потерпели поражение. К своему стыду, его отец и князя бежали обратно в Киев и укрылись за каменными стенами княжьего двора. Хуже того – дружина отнюдь не спешила поквитаться за позорное свое бегство. День за днем напрасно ждал Иванушка, что его отец и бояре снова пойдут на половцев. Но возможно ли, чтобы они боялись врагов? Возможно ли, чтобы они бросили свой народ на милость завоевателей, спрятавшись за высокими стенами? Не иначе как их опутали злые чары красной звезды, думал мальчик.

И вдруг ясным сентябрьским утром всколыхнулся весь город. Вне себя от ужаса прискакали во весь опор к княжескому терему вестники, возгласив, что на Киев надвигается половецкое войско. На Подоле, за стенами кремля, спешно созывали городское собрание, знаменитое вече. Все жители города устремились туда.

Пошли толки о мятеже.

Вот почему этим утром, вместо того чтобы вместе со своей семьей укрыться в высоком чертоге княжеского терема, он выскользнул оттуда, перешел по мосту овраг, отделявший старый город от нового, и направился мимо собора Святой Софии к воротам, за которыми открывалась дорога на Подол.

В новом городе царила зловещая тишина. Знать бросила свои терема: на подворье его отца не видно было ни лошадей, ни конюхов. Кое-где на улицах ему попадались навстречу женщины и дети да иногда священник, однако все мужское население города, казалось, ушло на вече на Подол.

Иванушка хорошо знал, что такое вече. Даже сам князь киевский боялся его. Конечно, обыкновенно горожане вели себя на вече смирно, а все решения принимали там богатейшие купцы. Однако в беспокойные, переломные времена каждый свободный горожанин имел право прийти на вече и выразить свое мнение.

– А если вече взбунтуется, – объяснял ему Игорь, – настанет истинный ужас. Даже княжеская дружина не в силах будет сдержать их.

– А сейчас люди разозлились? – спросил он.

– Они вне себя. Сиди здесь, никуда не выходи.

Пробираясь по городу Ярослава, Иванушка так разволновался, что почти и забыл о приказании отца никуда не выходить. Он поспешил через ворота на рыночную площадь.

На торжище яблоку негде было упасть. Никогда в жизни не видел он столько людей. Даже из близлежащих городков и селений пришли они сюда – купцы и ремесленники, свободные торговцы и работники русских городов-государств, – и собралось их несколько тысяч. На каждой стороне площади стояло по церкви: одна – приземистая, кирпичная, в византийском стиле, с плоским центральным куполом, другая – поменьше, деревянная, с высокой двускатной крышей и маленькой восьмиугольной башенкой посередине. Они словно надзирали за происходящим, освящая собрание своим присутствием. Посреди торжища установили деревян-

ный помост, к которому были прикованы все взоры. Огромного роста темнорослый купец в красном кафтане влез на него. Он потрясал посохом и, подобно внушающему благоговейный ужас ветхозаветному пророку, обличал власти.

– Почему этот князь сидит здесь, в Киеве? – громогласно вопрошал он. – Почему его семья княжит в других городах? – Он остановился, дожидаясь, пока толпа не замолчит, желая услышать его ответ. – Они сидят здесь на столе, потому что мы пригласили их предков прийти сюда и править нами. – Он ударил посохом. – Варяги пришли с севера, потому что мы, славяне, сами их сюда призвали!

Переписывание истории, которое длилось уже много поколений, устраивало обе стороны: скандинавов – потому что узаконивало их правление, поначалу захватническое и разбойничье, а славян – потому что тешило их гордость.

– Зачем мы привели их на Русь? – обвел купец горящим взглядом площадь, словно бросая вызов самим церквям: пусть, мол, попробуют опровергнуть его слова. – Сражаться за нас. Защищать наши города. Вот зачем они здесь!

В этом была доля истины. Даже сейчас природа отношений между князьями и городами, которыми они правили, была неясной: князь защищал город, но не владел им и тем более не мог распоряжаться землей, которая до сих пор принадлежала свободным крестьянам или общинам. Всем было известно, что в Новгороде народное вече отвергало князей и никогда не позволяло своему избранному защитнику и его дружине владеть землей в городских пределах. Поэтому слова купца не показались Иванушке странными. Более того, он покраснел от гордости, услышав, что его отца и подобных его отцу людей именуют защитниками земли Русской.

– Но они не защитили! – оглушительно взревел купец. – Не того мы от них ждали! Половцы грабят наши села и деревни, а князь и его воеводы сидят себе и горя не знают!

– Так что же нам делать? – закричали несколько голосов.

– Выбрать нового воеводу! – предложил один.

– Выбрать нового князя! – завопил другой.

Иванушка ахнул. Они же говорят о князе киевском! Однако эта мысль, казалось, пришла толпе по вкусу.

– Так кого же избрать? – хором спросило вече.

А сейчас великан-купец на своем помосте вновь пристукнул посохом.

– Все наши беды из-за предательства, – завопил он, – когда Ярославичи нарушили клятву и бросили в темницу князя полоцкого! – Он указал в сторону княжьего двора. – Там заточен невинный князь полоцкий!

Ему не пришлось продолжать. Даже Иванушке было понятно, что многих в толпе тщательно подготовили к этому мгновению.

– Князь полоцкий! – взревела толпа. – Хотим князя полоцкого!

Потом Иванушка не мог вспомнить, что именно последовало за этими призывами. Он только увидел, как спустя минуту толпа, словно управляемая единой железной волей, хлынула наверх, подхватив его с собой. У собора Святой Софии людская река разделилась на два рукава. Одна половина повернула налево, к приземистому кирпичному зданию возле собора, где томился странный князь с полужареным глазом. Остальные бросились по узкому мосту к терему князя.

Пора было возвращаться к родным. Он должен был предупредить их об опасности. Он попытался опередить толпу, кинувшуюся по мосту в детинец, но понял, что уже не успеет.

Впрочем, сначала он не догадывался, что не сможет вновь попасть в княжеский чертог. Но несколько минут спустя, когда толпа его вынесла на площадь перед высоким, защищенным прочными стенами зданием княжеского жилища, он осознал, что ему грозит. Слева возвышалась стена; справа широкие каменные ступени вели к большой дубовой двери, накрепко запертой. Окна располагались здесь на высоте примерно трех саженей над землей и были недо-

сягаемы. Кирпичный терем прямо перед ним представлял собой несколько башен с бойницами, расположенными на разной высоте над головами толпы. Две двери внизу были заперты и закрыты на засов. Даже если ему удалось бы пробиться сквозь толпу, он не смог бы попасть внутрь.

Толпа осыпала князя и его приближенных проклятиями:

– Предатели! Труссы! Чтоб вас половцы поели!

Однако высокая красная стена дворца, казалось, взирала на мятежников с полнейшим безразличием.

Прошло несколько минут. Где-то поблизости загудел колокол, созывая монахов на молитву. Иванушка взглянул налево, где на краю площади поблескивали золотые купола старинной Десятинной церкви. Однако толпа умолкла лишь на миг, а потом снова принялась кричать.

Иванушка заметил, как высоко-высоко, в маленьком окошечке, появилось большое раскрасневшееся лицо, и узнал в человеке, уставившемся на беснующуюся внизу толпу, самого Изяслава, князя киевского. Толпа тоже увидела его. Она яростно взревела и бросилась к стенам дворца. Лицо исчезло.

Только сейчас Иванушку осенило, что если бунтовщики догадаются, что он сын одного из Изяславовых бояр, то ему несдобровать. «Я должен пробраться внутрь», – подумал он. Попасть в княжий терем можно было только еще одним путем: по двору, располагавшемуся позади здания. Это означало, что придется обойти несколько строений по боковой улице, а оттуда добираться до ворот. Он повернулся и стал протискиваться сквозь толпу назад, но это оказалось нелегко. Густая толпа, казалось, колыхалась из стороны в сторону, почти сбивая его с ног всякий раз, когда он пытался протиснуться сквозь нее, и за несколько минут он продвинулся всего на десяток шагов.

Он не успел еще достаточно приблизиться к выходу с площади, как по толпе прокатился ропот, постепенно переросший в многоголосый шум, а затем и в неистовый рев: «Сбежали! Их там нет!»

С изумлением смотрел он, как человек, которому удалось по спинам товарищей вскарабкаться в одно из окон, исчез из глаз. Спустя три минуты одна из дверей распахнулась – и толпа, не встречая сопротивления, хлынула внутрь.

Князь и его дружина ушли из города. Вероятно, они спаслись бегством по тому самому двору, откуда он надеялся попасть в здание. Иван молча стоял и смотрел, на миг словно лишившись чувств и окаменев. Выходит, что его семья тоже бежала. А его бросила на произвол судьбы!

Теперь толпа пробивалась вперед, стремясь ворваться в пустое здание. В окнах, высоко над площадью, стали появляться люди. Внезапно он различил блеск золота. Кто-то бросил драгоценный кубок вниз другу в толпе, а вот за кубком последовала соболья шуба, и он с ужасом осознал, что мятежники грабят княжеский терем!

Иванушка повернул назад. Он не знал, что делать, но понимал: нужно как можно скорее убираться с площади. Может быть, он каким-то чудом сумеет разыскать своих родных в лесах к югу от города. Когда толпа устремилась вперед, в терем, он с трудом добрался до какой-то маленькой боковой калитки и нырнул в нее. И тотчас же оказался на полупустой улице.

– Иван! Иван Игоревич! – позвал кто-то. Он обернулся. К нему бежал один из слуг его отца. – Отец твой послал тебя искать. Пойдем!

Никогда в жизни не был Иванушка так рад кого-то видеть.

– Мы можем поехать к нему? – с надеждой спросил Иванушка.

– Об этом и думать нечего. Они все бежали, все. А дороги перекрыты.

И тут, словно в подтверждение его слов, на улицу выбежали несколько человек. «Князь полоцкий освобожден! – кричал они. – Вот он едет!» И действительно, в конце улицы Ива-

нушка увидел с десятков всадников, легким галопом скачущих по направлению к ним, а среди верховых безошибочно различил самого ужасного оборотня.

Он был выше среднего роста и ехал верхом на вороном скакуне. Трудно было сказать, во что именно он одет, так как фигуру его скрывал широкий бурый, довольно грязный плащ. Лицо у него было крупное, с весьма широкими скулами, а вся его осанка свидетельствовала о сдержанной силе, заключенной в его теле. Однако Иванушка не мог отвести взгляд от его взгляда.

Один глаз его действительно был прикрыт складкой кожи, но это не уродовало его так, как ожидал Иванушка. Он не был отталкивающе страшен – как бывают страшны изуродованные огнем или раз навсегда скованные уродливой судорогой, – напротив, одна половина его лица казалась странно неподвижной, на ней застыло отрешенное выражение, какое иногда бывает свойственно слепым. Но зато другая половина была исполнена жизни, ума, свидетельствовала о честолюбивых устремлениях, а от взора его пронзительно-голубого глаза, чудилось, ничто не в силах укрыться.

Это было лицо одновременно прекрасное и трагическое. А взгляд здорового глаза, внезапно понял Иванушка, был прикован не к кому-нибудь, а к нему.

– Сюда, быстрее! – настойчиво тянул его отцовский слуга в какой-то боковой проход. – Нельзя, чтобы они тебя узнали.

Иванушка не стал сопротивляться, и слуга утащил его с улицы. Прогрохотали копыта, полуслепой князь и его свита проскакали мимо. А когда оборотень уже удалился, Иванушку охватило странное чувство, будто князь, подобно какому-то сказочному существу, наделенному волшебной силой, заметил и узнал его.

– Куда мы идем? – спросил он.

– Увидишь.

С этими словами слуга торопливо повел его на Подол.

Дом Жидовина Хазара, хотя и не столь большой, как терем Игоря, был прочным деревянным строением в два этажа, с двускатной деревянной крышей, двумя просторными горницами с окнами, выходящими на улицу, и задним двором. Он стоял прямо у Жидовских ворот, под стеной возведенного Ярославом города. «Надо затаиться на несколько дней, – объяснил Иванушке слуга, – потом смута уляжется, и мы незаметно выведем тебя отсюда».

Небольшие отряды мятежников уже прочесывали город в поисках семей бежавших дружинников.

– А что они со мной сделают, если найдут? – спросил Иванушка.

– Посадят в поруб.

– Только и всего?

Слуга посмотрел на него как-то странно.

– Лучше не попадай в темницу, – медленно произнес он. – Как попадешь в острог, тут тебе и... – Он махнул рукой, словно бросая ключ в колодезь. – Но не тревожься пока, – добавил он уже бодрее. – Жидовин о тебе позаботится. – И с этими словами был таков.

Иванушке пришлось по нраву жизнь у Хазара и его семьи. Жена Хазара была темноволосяя, полная женщина, почти столь же массивная, как ее супруг. У них было четверо детей, все младше Иванушки, и он проводил большую часть дня, играя с ними в стенах дома. «Тебе пока лучше на улице не показываться, как бы чего не вышло», – предостерег его Хазар.

Иногда Иванушка рассказывал им сказки. А однажды, к немалому веселью Хазара, его дети помогли Иванушке прочитать фрагмент Ветхого Завета на древнееврейском, а Иванушка притворился, будто его переводит, ведь по-славянски он знал этот отрывок наизусть.

Перелом наступил на третий день. Все внезапно изменилось ранним утром, когда Жидовин прибежал домой и объявил своему семейству:

– Князь киевский бежал в Польшу просить короля о помощи.

Иванушка посмотрел на него с удивлением:

– Значит, мой отец отправился в Польшу вместе с ним?

– Думаю, да.

Иванушка приуменьшил. Польша находилась далеко на западе. Неужели его родные переселятся в эти чужие страны? Неожиданно он остро ощутил свое одиночество.

– Уж не нападут ли на нас поляки? – с беспокойством спросила жена Жидовина.

– Может быть, – недовольно поморщился Хазар. – Ты же знаешь, польский король и князь Изяслав – родичи. – Тут он перевел взгляд на Иванушку. – Есть и еще кое-что. Прошел слух, будто кто-то в Хазарской слободе прячет дитя одного из дружинников. А на случай, если придется драться с Изяславом и поляками, – он сделал многозначительную паузу, – они ищут заложников. Сейчас обыскивают детинец.

Воцарилась напряженная тишина. Иванушка почувствовал, что все взоры обратились к нему. Понятно, что его присутствие с каждым днем тяготило их все больше и больше. Он побледнел и, неловко, смущенно взглянув на чувственное, полное лицо жены Хазара, тотчас же понял, что, если он будет представлять угрозу благополучию ее семьи, она без колебаний выдаст его.

Однако именно жена Жидовина, помолчав, медленно промолвила:

– Он не похож на хазара, но мы что-нибудь придумаем.

Потом она посмотрела на Иванушку и негромко засмеялась.

Потому-то и случилось, что к вечеру того же дня в семье Хазара появился новый родич.

Волосы его, тщательно окрашенные, были черны. Особыми травами кожу его сделали более смуглой. Надели на него черный кафтан и маленькую турецкую ермолку. С помощью Жидовина и его жены он даже научился кое-как произносить несколько слов по-турецки.

– Если спросят, – он ваш двоюродный брат из Тмутаракани, – наставляла остальных детей мать.

А на следующий день стражники князя-оборотня, войдя в дом и лицом к лицу встретившись с женой Хазара, увидели среди других хазарских детей этого тихого, серьезного мальчика.

– Говорят, один из Игоревичей остался в Киеве, – объявили они, – а твой муж ведет дела с Игорем.

– Мой муж со многими ведет дела.

– Мы общаем дом, – тоном, не допускающим возражений, повелел десятник, возглавляющий этот маленький отряд.

– На здоровье.

Пока подчиненные осматривали дом, десятник пребывал в горнице с женой Жидовина.

– Кто это? – внезапно спросил он, указывая на Иванушку.

– Племянник мой из Тмутаракани, – спокойно пояснила она.

Десятник уставился на мальчика.

– Давид, иди сюда, – приказала она по-турецки.

Но когда Иванушка встал с места, стражник нетерпеливо отвернулся.

– Хватит, оставь! – раздраженно бросил он.

С тем они и ушли.

Так в 1068 году Иванушка ждал, как решится его судьба в полном опасностей, ненадежном мире.

1071

Шла весна, и в маленьком селце Русское царила тишина.

Речка Русь вышла из берегов, и невозможно было понять, где ниже жилых строений начинается болото и где кончается поле.

На восточном берегу всего-то и было в деревеньке что две коротенькие немощенные улочки да третья, подлиннее, пересекающая их под прямым углом. Избы были выстроены из дерева, глины и лозняка в разных соотношениях. Одни были покрыты торфом, другие – соломой. Сбившиеся в стайку избы эти окружал частокол, впрочем, судя по виду, предназначенный не столько для того, чтобы защититься от серьезного врага, сколько для того, чтобы не выпустить наружу скот. К северу от деревни виднелся сад, в котором росли вишни и яблони.

Чуть южнее деревни, на участке, где паводок покрыл землю неглубоко, над водой виднелись тоненькие колышки. Там, на клочке земли, обильно затопляемом каждую весну, выращивали овощи. В должное время там взойдут капуста, горох, лук и репа. Растили на огороде и чеснок, а ближе к осени снимали урожай тыквы.

Однако на западном, поросшем лесом речном берегу, что был повыше, недавно появилось что-то новое. Там, где берег достигал своей предельной высоты, поднимаясь над рекой сажень на пять, его дополнительно повысили, насыпав земляной вал, а сверху водрузив еще прочную дубовую стену. Это сооружение возвели за полвека до описываемых событий. В стенах его, кроме нескольких длинных, низких барачков для размещения войска и конюшен, построили еще два больших склада для надобностей купцов и маленькую деревянную церковь. Это была крепость. Как и большая часть окрестных земель, она принадлежала князю Переяславльскому.

Сельцо было примечательно еще кое-чем. Сажень в двадцати пяти от въезда в деревню, на приветной возвышенности, откуда открывался вид на реку, располагалось кладбище. Рядом с погостом возвышались два каменных столба высотой в три с лишним сажени, украшенные резными навершиями в форме высоких скругленных шапок с широкой меховой оторочкой. То были идолы, представляющие двух главных богов деревни: Велеса, скотьего бога, и Перуна-громовника, ибо, несмотря на все усилия княжеских священников, многие деревни вроде Русского продолжали втайне исповедовать язычество. Даже у деревенского старейшины было две жены.

Как раз мимо кладбища этим ясным весенним вечером и брел одинокий путник, погруженный в нерадостные мысли.

Тот, кто ни разу не видел его за последние три года, не смог бы узнать Иванушку. Он вырос, догнав своего старшего брата Святополка, но исхудал и побледнел. Под глазами у него залегли темные тени, вид был измученный и изможденный.

Однако перемены ощущались не только в его облике, в нем произошел и более разительный перелом. Странно, непоправимо изменилась и его прежняя радостная и чистая душа. И низко опущенная голова, и потупленный долу взор, и нарочито небрежная походка человека, которому безразлично, куда он идет, – все это словно говорило: «Мне все равно, что вы обо мне думаете; что мне до вас!» Однако тот же безмолвный голос шептал в его душе: «Но и вам до меня ни дела, ни жалости».

Последние три года все шло наперекосяк.

Вначале одно важное событие вселило в него надежду. Он прождал почти месяц в Киеве, потом Жидовину удалось тайком переправить его к родным в Польшу, и тут он узнал, что его отец, не в силах более выносить трусость и предательство князя киевского, воспользовался своим правом переходить к другому повелителю и вступил в дружину младшего брата князя киевского, Всеволода, который правил южным приграничным городом Переяславлем.

Казалось, удача ему улыбнулась, ведь Всеволод был известен не только как лучший и мудрейший среди своих братьев-князей; более того, от жены-гречанки он имел сына, многообещающего, одаренного отрока Владимира, которому Иванушка был обещан в гриди. Конечно, думал Иванушка, теперь, когда его отец стал служить отцу Владимира, тот пошлет за ним.

Однако на том удача и иссякла. Даже Игорь был удивлен. «Но я только недавно перешел в его дружину, я не могу ни на чем настаивать», – с грустью признавался он Иванушке. Святополк служил вместе с отцом. Борис отправился ко двору князя смоленского. Но Иванушку, хотя и пытался отец найти ему место в Чернигове, Смоленске и даже в далеком Новгороде, никто, казалось, не хотел брать на службу.

Думалось ему, что знает причину. «Это все Святополк», – со вздохом сказал он себе.

Куда бы он ни пошел, повсюду к нему относились с принужденным добродушием, какого обыкновенно устаиваются слабоумные. Он почти что читал мысли окружающих, те видели в нем дурачка. Однажды Иванушка даже бесстрашно призвал брата к ответу:

– Зачем ты меня ославил?

Но Святополк только поглядел на него с притворным удивлением:

– Как это «ославил», Иванушка? Да что ж я, убогий, могу такого про тебя сказать, чего ты сам одним видом своим не добьешься?

Так и стали все ожидать от Иванушки одних только глупостей, и выросла вокруг него глухая стена насмешек и пренебрежения. Да и сам он, словно околдованный общим недоброжелательством, порой вел себя как природный дурачок. Он почувствовал, что попал в ловушку, и Переяславль с его прочными земляными валами стал казаться ему истинной темницей.

А счастлив он теперь бывал, только оставшись в одиночестве, где-нибудь в деревне.

Спустя год после того, как Игорь перешел на службу к князю переяславльскому, старому боярину поручили надзор за укреплениями, воздвигнутыми вдоль части юго-восточной границы княжества. А как раз посреди этой местности, ныне ставшей одной из княжеских вотчин, и располагалась маленькая крепость Русское.

Местечко это было и впрямь ничем не примечательное, одна из десятков маленьких пограничных крепостей. Что и говорить, Игорь не взял бы себе за труд задержаться там хоть ненадолго, если бы его друг Жидовин Хазар не напомнил ему, что тамошние склады пригодятся им, если сумеют они снарядить караваны на восток, как надеялись.

Иванушке нравилось в Русском. Он помогал местным жителям чинить крепостную стену или бродил по лесам, наслаждаясь миром и покоем. А Игорь, не ведая, к чему определить младшего сына, время от времени посылал его помочь Жидовину принять на складе лодочные грузы.

Но сегодня эта работа обернулась для него одним горем-злосчастьем. Утром ему поручили принять партию мехов вместо отлучившегося Хазара. Он услышал, как пересмеиваются деревенские и перевозчики, которые доставили меха вниз по реке, увидел, как они с насмешкой косятся на него. И тут же пропали два бочонка ценных бобровых шкурок, хотя он не мог взять в толк, как это произошло. Хазар вот-вот вернется, а ему и невдомек, что делать.

Предаваясь этим мрачным размышлениям, он и заметил смерда.

Щек был среднего роста, коренастый, приземистый, широкоплечий, круглолицый и круглощекий, с добродушными карими глазами и волнистыми черными волосами, стоявшими дыбом, точно мягкая щетинная щетка, и окружавшими его и без того круглое лицо темным ореолом. Во всем его облике, несмотря на коренастость и приземистость, было что-то, свидетельствующее о мягкости характера, пусть, может быть, и в сочетании с упрямством. Он стоял на углу кладбища и глазел на Иванушку.

Как увидел он дурачка – боярского сына, так и вспало Щеку на ум: «Говорят, юнец этот глуп-глупешенек. А вот нет ли у него денег?» Ибо Щеку грозило разорение.

Щек-смерд, как большинство его сородичей, был свободным. Само собой, положение он занимал самое низкое. «Смерды» означало – «вонючие». Но воняет он или нет, он имел право поселиться, где пожелает, и работать, на кого захочет. Он также имел право брать в долг.

А долгов у Щека накопилось немало. Во-первых, лошадь. Его вины в том не было: лошадь охромела и околела. А поскольку он был обязан поставить княжеской коннице одну лошадь во время войны, так и пришлось купить другую взамен павшей. Но то было только начало. Он запил в Переяславле. Играл в кости. А потом, чтобы загладить вину, купил жене серебряный браслет, и упрямо снова и снова брал в долг, и снова играл, чая вернуть потерянные деньги.

Будучи членом деревенской общины, должен он был уплатить княжескому тиуну налог на плуг и знал, что сделать это не сможет.

И Щек осторожно двинулся к юнцу.

Вернувшись вечером и обнаружив пропажу мехов, Жидовин только и мог, что покачать головой. Иванушка пришлось ему по сердцу, но судьба этому боярскому сыну добра не готовила, на сей счет Хазар не обольщался. И хотя об исчезновении мехов никто не сказал ни слова, Иванушка почувствовал, что вряд ли его снова пошлют в Русское.

Только одно озадачивало Хазара. Украл меха – дело понятное, но как случилось, что в той сумме, что он оставил Иванушке, недостает двух серебряных гривен? Юнец сказал, что потерял их. Но как, провались ты, можно потерять две гривны? Вот уж точно загадка.

Иванушке было все равно, что о нем думают. Он знал, что после пропажи мехов имя его будет запятнано безвозвратно. Вот и пожалел крестьянина. По крайней мере, бедняга сможет заплатить налоги.

И более о том не беспокоился.

1072

Говорят, сегодня свершится чудо. Люди не сомневались, что оно произойдет. И у них были на то причины. Ибо сегодня они почитали мощи двух князей-мучеников, сыновей могущественного Владимира Святого, Бориса и Глеба, которых славяне тоже уже славили как святых.

Прошло полвека со дня их гибели; теперь их останки переносили к месту их последнего упокоения, в только что возведенную деревянную церковь в маленьком городке Вышгороде, расположенном к северу от Киева.

Свершится ли там чудо? Конечно! Но какое именно?

В высших кругах знати и духовенства было известно, что греческий митрополит Георгий подвергает серьезным сомнениям святость мучеников. Но что же и ожидать от грека? А потом, верил он в их святость или нет, а служить все равно придется – и исполнить все надобно как полагается.

На перенесение мощей страстотерпцев собрались все: трое сыновей Ярослава, внуки самого Владимира Святого, князь киевский Изяслав и его братья – князья черниговский и переяславльский; митрополит Георгий; епископ Петр и епископ Михаил; игумен Феодосий Печерский и многие другие – все важные лица земли Русской.

Шествие извилистой чередой двинулось вверх по холму. Моросил мелкий дождь, мягко окропляя головы тех, кто медленно всходил по скользкой тропе. Несмотря на морось, было тепло. Церемония состоялась 20 мая.

Первыми шли монахи, прикрывая от ветра свечи. Тотчас после них, облаченные в простые бурые плащи, шествовали трое Ярославичей. Точно люди простого звания, несли они на плечах деревянный гроб с останками своего родича Бориса. За ними, покачивая кадильни-

цами, двигались дьяконы, затем – священники, и наконец – сам митрополит Георгий и епископы. Далее, на некотором расстоянии, шествовали представители знатных семейств.

«Они предпочли умереть, но не оказывать сопротивления брату. Теперь они сияют, словно светочи, над землею Русской», «Борис, призри на меня, грешного», «Господи, помилуй». Эти и другие благочестивые возгласы достигли ушей высокого, мрачного юнца, что всходил вверх по склону вместе со своими красивыми родичами, среди знатных людей, шедших за гробом. «Может быть, сегодня мы узрим чудо», «Славу Богу!»

Чудо. Возможно, Господь пошлет им чудо, но Иванушка был уверен, что, пока он с ними, никакое чудо невозможно.

«Ничего доброго не случится, пока я отсюда не уберусь», – уныло думал он и, сторбившись, устало тащился дальше, в гору.

В последний год дела его пошли еще хуже. Спустя несколько недель после печального и позорного случая в Русском он подслушал короткий разговор родителей.

– Сердце-то у Иванушки доброе, – взмолилась его мать, – когда-нибудь он еще совершит такое, чем ты будешь гордиться.

– Никогда этого не будет, – различил он голос отца, – я уже отчаялся и рукой махнул. – Отец тяжело вздохнул. – Да, я люблю всех своих детей. Но трудно любить дитя, которое только и делает, что обманывает твои ожидания.

И вправду, печально подумал Иванушка, за что же его любить?

Он принялся выпрашивать подарки: деньги у матери, коня у отца, чтобы посмотреть, как они воспримут его просьбу, и убедиться, что он им еще дорог. Но вскоре и это вошло у него в привычку. Он обленился и почти ничего уже не делал, опасаясь, что его постигнут новые неудачи.

Часто он слонялся по переяславльскому рынку. Место это было бойкое: в любой день там можно было увидеть, как прибывает с грузом оливкового масла или вина судно из Константинополя или отбывает в Киев другое, с грузом железа, добытого в местных приречных болотах. Находились здесь и мастерские, в которых выдували стекло, лучшее на земле Русской; на прилавках торговцы продавали бронзовые застёжки и украшения; торговали тут и съестными припасами.

Однако, праздно наблюдая за происходящим на рынке, Иванушка постепенно стал замечать и суету другого рода, ни на миг не прекращавшуюся вокруг него. Один торговец вечно не додавал покупателям сдачи, другой – вечно обвешивал. Стайка мальчишек, слоняясь у прилавков, совершенно хладнокровно воровала то рыбу у продавцов, то деньги у покупателей. Он засмотрелся на их воровское искусство, восхищаясь изысканностью, с которой они проделывали свои штуки. И ему пришло в голову: они сами добывают себе пропитание и ни от кого не зависят; они берут все, что захотят, свободные, как степные кочевники.

Один раз он сам украл несколько яблок, чтобы увериться, как это просто. Никто его не изобличил.

Однако он по-прежнему тяготился пустотой, воцарившейся в его жизни, и страдал от этого. Он по-прежнему испытывал ту же смутную тоску, что и в детстве, желание обрести свою судьбу.

Потому-то наконец, за три недели до церемонии перенесения мощей Бориса и Глеба, поняв, что все возможности исчерпаны, он сказал родителям:

– Я хочу уйти в монастырь.

В конце концов, это было единственное поприще, которое, по мнению окружающих, ему подходит.

И как же приняли его близкие такие речи?

– Ты уверен? – спросил его отец одновременно радостно и робко, словно не веря своему счастью. Даже его мать, какие бы опасения она втайне ни испытывала, не стала возражать.

Воистину, ему показалось, будто он заново родился. К вечеру отец уже продумал целый план:

– Он может отправиться на Афон, в Грецию. У меня есть друзья там и в Константинополе, которые могут ему помочь. А как прибудет на Афон, – Игорь довольно улыбнулся, – он, может быть, еще многого добьется.

На следующий день отец отвел его в сторону и заверил:

– О странствии не тревожься, Иван. Я позабочусь о том, чтобы ты ни в чем не терпел нужды. Да и пожертвование монастырю передам.

Даже Святополк, без сомнения радуясь тому, что Иванушка уедет навсегда, подошел к нему и сказал, как будто даже по-дружески:

– Что ж, брат, возможно, ты в конце концов избрал подходящее поприще. Когда-нибудь мы будем тобою гордиться.

Они гордились им. А через два дня был назначен его отъезд. Почему же тогда, всходя на холм за мощами двух святых, он выглядел столь же несчастным и жалким, как и всегда?

Лишь раз, проходя мимо куста калины, он, кажется, мимолетно улыбнулся.

Свершится ли здесь чудо?

Иванушке никогда не доводилось быть свидетелем чуда. Если Господь сотворит чудо, то, может быть, и душа Иванушки спасется.

«Я похороню себя в монастыре, – угрюмо думал он. – Пройдет несколько лет, и меня, может быть, заставят жить в подземной пещере. Само собой, я умру молодым – все монахи умирают рано».

А стоит ли его избранное поприще всех этих мук? Если бы только Господь заговорил с ним, вселил бы в него уверенность, просветил его дух. Если бы только ниспослал ему какой-то знак.

Процессия остановилась. Гроб с мощами Бориса как раз вносили в маленькую деревянную церковь. Когда его с молитвой установят в храме, то внутрь перенесут и второй гроб, с останками Глеба. Моросил дождик. До собравшихся долетало из церкви приглушенное напевное чтение молитв.

И тут что-то произошло.

Даже в задних рядах собравшимся у стен церкви показалось, будто они услышали вздох, раздавшийся внутри. Пение, до сих пор доносившееся из храма, внезапно прервалось, а затем возобновилось с новой силой. По толпе прокатился приглушенный ропот. А Иванушка, подняв голову, к своему удивлению, понял, что мелкий дождь прекратился, а сквозь тучи прорвалось солнце.

Что случилось? Прошло несколько мгновений, показавшихся собравшимся вечностью. Толпа замерла в напряженном ожидании.

А потом на пороге храма показалась высокая фигура митрополита. Он посмотрел на ясное небо и опустился на колени. Со своего места Иванушка мог различить, что грек плачет.

– Нам ниспослано чудо, – гулко, подобно церковному колоколу, прозвучал голос митрополита. – Возблагодарим Господа!

А когда толпа загудела и закрестилась, те, кто стоял ближе к нему, услышали, как он произнес:

– Да простит Господь мое неверие.

Ведь когда открыли гроб, оттуда разлилось дивное благоухание, которое Господь дарует только своим святым.

Спустя несколько мгновений в храм внесли мощи Глеба. Они были заключены в каменный саркофаг, а поскольку саркофаг этот был слишком тяжел, чтобы доставить его в церковь на руках, собравшиеся, следуя древнему обычаю земли Русской, повлекли его на санях-волокуше.

И снова, на глазах у Иванушки, Господь ниспослал знак: когда люди, ташившие волокушу, достигли храмового порога, сани застряли. Они толкали и толкали, на помощь даже пришла толпа, но саркофаг не трогался.

Тогда митрополит наставил паству: «С молитвою взывайте: „Кирие элейсон!“». И Иванушка вместе со всеми собравшимися повторил: «Господи, помилуй». И снова: «Господи, помилуй». И тогда сани легко сдвинулись с места.

Когда сани подались, Иванушка ощутил, что дрожит всем телом, а волосы его стали дыбом. Он бросил взгляд на свою семью и увидел, что потрясен даже Святополк.

Ибо по ниспосланным знамениям, засвидетельствованным в летописях, люди земли Русской отныне поняли, что Борис и Глеб – истинные святые.

И именно в это мгновение Иванушка узрел отца Луку.

Старый инок пребывал в храме, но на миг вышел на воздух. Иванушка тотчас же узнал его, но с трудом мог поверить, что это он.

Ибо за те четыре года, что прошли с его паломничества в Киево-Печерский монастырь, духовник его отца окончательно одряхлел и ослаб. Он словно усох. Теперь он медленно передвигался с костылем, приволакивая ногу. А глаза, прежде слезящиеся, теперь, невидящие, были беспомощно устремлены в пространство. Он напоминал маленького бурого кузнечика или сверчка: выполз откуда-то на солнце, ничего не видит и вот-вот неминуемо погибнет, когда на него наступят.

Он бросил взгляд на своих родных и заметил, что Игорь почтительно поклонился. Но отец Лука ничего не видел. Иванушка невольно уставился на него. И вызванный чудом восторг внезапно рассеялся.

Так вот к чему ведет житье-бытье монастырское, вспомнил он с ужасом.

Иванушке казалось, хотя он и не был в этом до конца уверен, что все это происходит в лесах возле селыца Русское.

По крайней мере, вспоминая впоследствии этот сон, он был уверен, что все это случилось в Русском.

Было это к вечеру. Тени делались все длиннее, но небо было ярко-голубое, а значит, дело было летом. Он ехал верхом по тропинке, может быть ведущей на восток, хотя точно он не знал. Деревья, по большей части дубы и березы, словно переговаривались между собой в дрожащем, трепещущем солнечном свете, когда он проезжал мимо. Конь у него был вороной.

Он что-то искал, но сам не знал что.

Вскоре справа он заметил омут. Повернув коня, чтобы получше разглядеть водную гладь, он различил бледное мерцание на ее поверхности и одновременно словно бы расслышал слабый крик, донесшийся из-под воды, – то ли стон, то ли смех. Сообразив, что это обитательница омута, русалка, он прищепил коня и поспешно поскакал прочь. В лесу сделалось темнее.

Дальше во сне его наступило утро, он по-прежнему ехал по лесу, только почему-то уже на сером коне. Тропа вывела его на поляну с несколькими сбившимися в стайку березами, а на дальнем конце поляны виднелось распустье. На распустье стоял какой-то человек маленького роста, в буром одеянии; он показался Иванушке знакомым. Он медленно подъехал поближе.

Это был отец Лука. Глаза у него теперь были ясные. Несомненно, теперь к нему вернулось зрение. Иванушка почтительно поклонился ему.

– Какую дорогу избрать мне, отче? – спросил он.

– Можешь избрать любую из трех, – тихо промолвил старец. – Налево пойдешь – тело спасешь, а душу погубишь.

- А если направо пойти?
- Направо пойдешь – душу спасешь, а тело погубишь.
- А если прямо?
- Прямо только дураки ходят, – отвечивал инок.

Его ответ показался Иванушке не более утешительным, чем прежние, но, подумав, он решил, что у него нет другого выбора.

– Все меня зовут Иванушкой-дурачком, – сказал он, – стало быть, дорога эта как раз по мне.

– Как пожелаешь, – промолвил старец и с этими словами исчез.

Потому-то Иванушка и поехал дальше, сам не зная куда. Ему послышался резкий, пронзительный колокольный звон, долетавший откуда-то с небес, а серый конь его без всякой причины обернулся чалым.

Вот какой сон привиделся Иванушке в ночь накануне отъезда.

Утро еще не сменилось днем, когда две ладьи, одна нагруженная товарами, другая – перевозная нескольких путешественников, безмолвно заскользили по огромной, бледной, колеблющейся речной глади. Над ними раскинулось чистое, омытое дождем, голубое небо; справа поднимались высокие песчаные берега, на которых кое-где пасся скот. Иванушка заметил, что желтый берег поблизости сплошь источен норками, вокруг которых стремительно носились мелкие птички. Вдали, на левом берегу, простиралась светло-зеленая равнина, поросшая деревьями.

Его хорошо снарядили в дорогу. На поясе у него висел надежно прикрепленный кошель с серебряными гривнами, который дал ему отец. «Уходя в монастырь, ты получил свою часть наследства задолго до меня», – сухо заметил Святополк, когда Иванушка тронулся в путь.

А теперь великая река Днепр несла его на юг, где должна была решиться его судьба.

Они плыли все утро, приближался полдень, и Иванушка как раз собирался закрыть глаза и вздремнуть, как вдруг его пробудил от дремоты громкий крик, донесшийся от передней лодки: «Половцы!»

Его попутчики в изумлении подались вперед, но сомнений в том не было: судя по смуглым тюркским лицам, в ладье, которая отошла от берега им наперерез, сидели половцы.

У Иванушки и его попутчиков были все основания удивляться. Славяне думали, что в это время года половцы отдыхают в своих степных станах, вдали от днепровских берегов. Кроме того, никто и не слыхивал, чтобы они нападали на воде. Обыкновенно они предпочитали подстергать караваны далеко на юге, у речных порогов, когда приходилось переносить ладьи в обход быстрин.

– Они посадили на весла полоненных и заставили вывезти их на реку, – пробормотал кто-то, и Иванушка заметил, что гребцами у половцев и вправду были несчастные славянские крестьяне. На глазах у него один из половцев выхватил длинный, изогнутый лук, над водой пронеслась стрела, и один из тех, кто сидел в ладье с грузом, обмяк и свалился за борт.

– Сзади! – разнесся над водой громкий окрик, и, обернувшись, он увидел другую ладью, стремительно двинувшуюся им наперерез против течения.

– Ничего не поделаешь, придется нам прорываться к левому берегу, – крикнул старший ладейщик.

Однако до левого берега было слишком далеко. Иванушке в этот миг показалось, будто он почти на горизонте, за широко раскинувшейся голубой водной гладью. Покрякивая от усилий, гребцы налегли на весла, и ладья быстро заскользила наперекор водному потоку.

Обернувшись, Иванушка увидел, что ладью с грузом уже захватили половцы, и понадеялся, что они этим удовлетворятся, однако спустя несколько мгновений заметил, что второй половецкий челн бросился за ними в погоню.

– Впереди маленькая речка, она впадает в Днепр вон там! – выкрикнул старший ладейщик. – И крепость маленькая в нескольких верстах по течению, пойдем к ней!

И тут Иванушка понял, что шепчет молитву. Ибо хорошо знал, что это за крепость.

Странно было вернуться в Русское. Жидовина в тот день на месте не оказалось, но их встретили пятеро ратников. Половцы прекратили погоню вскоре после того, как они вышли из Днепра, но путешественники решили переждать два дня в крепости, прежде чем снова искать судьбу.

Он поклонялся по крепости, побывал в деревне и побродил по тихим лесным тропкам, ощущая странный душевный покой. Он дошел даже до окраины степи и долго глядел на древний курган, по-прежнему возвышающийся над морем ковыля.

На третий день они снова тронулись в путь.

Но Иванушка с ними не отправился.

Он и сам не знал почему. Он сказал себе, что Провидение ниспослало ему отсрочку. «Я могу задержаться здесь, обдумать свою жизнь и приготовиться к странствию», – размышлял он. Все решения он уже принял и уже начал свое путешествие к избранной цели, но об этом как-то постарался забыть. Весь третий день он бродил по берегу реки.

На четвертый день его охватили усталость и апатия, и он заснул.

А на следующий день столкнулся со смердом Щеком. Тот похудел за прошедшее время, но тепло поприветствовал Иванушку. Когда Иванушка спросил у него, выплатил ли он свои долги, он застенчиво улыбнулся.

– И да и нет, – сказал он. – Я теперь закуп.

Доля закупов была незавидной. Закупом объявлял себя тот, кто не мог выплатить долги и шел отрабатывать их к своим займодавцам, фактически на положении раба, пока не возвращал все задолженности. Однако, поскольку за это время на долг набегали проценты, несчастным редко удавалось освободиться.

– Я уговорил княжеского тиуна скупить все мои долги, – пояснил он, – и теперь пашу землю на князя.

– А когда снова получишь свободу? – спросил Иванушка.

Щек горько улыбнулся.

– Через тридцать лет, – промолвил он. – А ты, боярский сын, что поделываешь? – осведомился он.

Иванушка объяснил, что отправляется в далекое странствие, в Грецию, в Константинополь, и там уйдет в монастырь.

Щек внимательно выслушал его и с многозначительным видом кивнул.

– Выходит, ты тоже никогда не освободишься, – заметил он, – совсем как я.

Иванушка уставился на смерда. Ему не приходило в голову, как похожи их судьбы. «Наверное, он прав, – подумал Иванушка. – Я тоже пленник судьбы». Тут он достал из кошелька серебряную гривну и отдал Щеку. А потом пошел дальше, гадая, не надо ли было дать ему еще. «Но мне самому понадобятся деньги, – решил он, – чтобы добраться до Греции».

День спустя он пешком ушел из Русского в сторону Днепра.

Расставшись с Иванушкой, Щек-закуп вышел из сельца и двинулся в степь.

Хотя после строительства маленькой крепости значимость деревушки Русское по сравнению с прошлыми временами чуть-чуть возросла, но то было по-прежнему крохотное, заброшенное местечко. Примерно в трех верстах к югу находилось имение князя, на востоке – степь, а к северу, на протяжении почти двадцати с лишним верст, – вообще ничего, и долго еще не случалось путнику повстречать похожее сельцо с похожей же крепостью.

Щек шагал по степи в довольно бодром расположении духа. С тех пор как он закабалился в закупы, ему приходилось несладко. Княжеский тиун гонял его в хвост и в гриву. Жена, стыдясь его зависимого состояния, непрестанно ворчала и хмурилась. Однако этот неожиданный дар боярского сына был немалой удачей. Для смерда вроде Щека серебряная гривна равнялась трем месяцам барщины.

По тропинке он двинулся вглубь лесной чащи, до полян, где женщины собирали грибы. Он пробирался все дальше и дальше, мимо омута, где, по словам сельчан, обитают русалки. Вскоре он наткнулся на распутье. Он знал, что, если пойти направо, на юг, дорога выведет к княжескому имению. Если держать путь налево, на север, то придется пройти мимо места, где однажды какого-то крестьянина заporол клыками вепрь, и потому местные считали это направление несчастливым и редко ходили в эту сторону.

Однако смерд, повинаясь внезапному порыву, решил пойти именно туда. «Иванушка мне счастье принес, – подумал он, – мне сегодня бояться нечего».

Несколько севернее деревеньки Русское река делала большой изгиб вокруг низкого, поросшего густым лесом холма. Именно здесь вепрь и погубил крестьянина. Основание холма окружал непроходимый подлесок, по большей части ежевика и терновник. Место это ничем не манило, и он не остановился бы там, если бы не заметил шагах в ста большую лису, бесшумно прошмыгнувшую в густой кустарник.

«Нет ли у нее там норы?» – подумал Щек, ведь лисий мех высоко ценился. Как можно тише, изрядно исцарапавшись, он начал пробираться сквозь подлесок вверх по холму. А спустя несколько минут, почти забыв о лисе, уже улыбался в восторге, сам не веря своему счастью.

А удача его заключалась в том, что холм этот, густо поросший дубом и сосной, холм, где не ступала ничья нога, оказался истинной сокровищницей. На нем в изобилии гнездились дикие пчелы. Он ощущал густой, сладкий аромат, источаемый пчелиными гнездами, скрывающимися в дуплах деревьев. Обойдя холм, он насчитал на деревьях не менее двадцати бортей и громко рассмеялся.

– Ай да Иванушка, ну и удача мне привалила! – воскликнул он.

Он решил никому ничего не говорить о своей находке, ибо уже обдумывал, как ею воспользуется. «Может быть, я когда-нибудь и выкуплюсь из кабалы», – размышлял он.

1075

Немногие люди на Руси почитались в 1075 году счастливее боярина Игоря.

Его повелитель, князь переяславльский Всеволод, осыпал его дарами. Никто не удостоивался большей чести в княжеской дружине.

Теперь виднейших бояр ценили высоко: если прежде вира за их жизнь составляла сорок гривен, то отныне она равнялась восьмидесяти. Даже оскорбить их обходилось вчетверо больше, чем полагалось платить за жизнь смерда.

Игорь у князя был в большой чести. Более того, год тому назад князь переяславльский пожаловал своему любимому дружиннику за верную службу поместье – обширные земли на юго-восточной границе своего княжества, включая маленькую деревушку Русское.

Эти земли, щедро раздаваемые в дар, стали новым способом вознаграждения верных слуг. Земли было много, да и для казны было выгоднее отдавать в награду дальний надел, а не золото, и так постепенно бояре и знатные дружинники становились помещиками.

Счастье сопровождало боярина Игоря. Но кто же знал, что холодный и необщительный, вечно о чем-то хлопочущий боярин на деле таит в душе грусть и скорбь. Увидев Игоря и его седеющую жену вместе, посторонний человек решил бы, что супруги – люди тихие и немногословные. Но немногословие их было вынужденным: никто не хотел оплошно обронить нечаянное слово, от которого обоим бы вновь захлестнуло горе.

Борис погиб. Он был убит в стычке с кочевниками на краю степи зимой. По обычаю, его тело привезли домой на саних.

Игорь никогда бы не мог забыть тот день. Шел снег; и когда сани поднимались вверх по склону холма к городским воротам, ветер словно мягкими ладонями шлепал его по лицу, залепляя снегом глаза, так что по временам он не мог разглядеть ничего вокруг. После смерти Бориса он подолгу молился и искал утешения у своего духовника отца Луки.

Однако утрата Бориса была раной, которая рано или поздно затянется.

А утрата Иванушки была раной незаживающей.

Где он? Спустя месяц после того, как сын отправился в Константинополь, они узнали от Жидовина Хазара, что Иванушку видели в Русском. Но куда он пропал потом? Русские купцы, что вели дела в Константинополе, его там не встречали. Целый год длилась мучительная неизвестность; затем до них стали доходить слухи, что его-де видели в Киеве, что кто-то встречал его в Смоленске, Чернигове, даже в далеком Новгороде. Видели, как он играет в кости, как пьет, как просит милостыню. Впрочем, слухи эти были редкие и ни одному из них нельзя было верить.

А от Иванушки три года не получали родители никаких известий и не знали, жив ли он.

– Он ищет свою судьбу, – решила его мать, когда до них дошел слух, будто его видели в Киеве.

– Ему стыдно возвращаться, – с грустью заключил Игорь.

– Пусть так, – заметил Святополк, – но если он творит такие бесчинства, то, выходит, никого из нас не любит.

А когда к исходу третьего года Иванушка по-прежнему не послал ни единой весточки, даже его мать стала думать, что Иванушка ее позабыл.

На пристани толпилось множество народа. Выше полоса сухой земли ложилась неопрятным косым шрамом. Неяркое солнце еле светило над земляными валами Переяславля – то грязно-бурыми, то поросшими чахлой осенней травой. Лето прошло, началось время увядания и тоски. Широкая река угрюмо текла под свинцово-серым небом – скучная, как однообразное затихающее эхо. От пристани вот-вот должна была отчалить крепкая ладья, и никому не было бы до того никакого дела, но общее внимание привлек некий юноша.

Облик его был весьма странный. С ног до головы юноша был в грязи, одет худо. Земляного цвета плащ и крестьянские лапти, казалось, вот-вот развалятся.

Он сидел, унылый и беспомощный, на маленьком бочонке в дальнем конце пристани, а хозяин ладьи кричал ему:

– Ну что, идешь или нет?

Юноша словно бы кивнул в ответ.

– Ну так, чур тебя забери, садись быстрее!

Юноша снова покивал, но не тронулся с места.

– Да отчаливаем мы, дурак! – в ярости вскричал хозяин ладьи. – Хочешь увидеть Царьград или сдохнешь здесь, в Переяславле?

В очередной раз не получив ответа, корабельщик уже попросту возопил:

– Ты же мне за провоз должен! Я бы кого другого взял за деньги, а теперь мне убыток! А ну плати!

Какое-то мгновение казалось, что юноша действительно поднимется, но он не пошевелился. Корабельщик с бранью отдал приказ, и одномачтовая ладья с рядом скамей-банок для гребцов вышла на широкую, медлительную реку и взяла курс на юг.

А Иванушка по-прежнему не двигался с места.

Долгими были его странствия. За первый год он несколько раз решал отправиться на юг. По крайней мере, находил купцов, соглашавшихся взять его с собой, и даже осматривал их суда. Но всякий раз какая-то невидимая сила не позволяла ему совершить последний шаг. Словно какая-то подспудная сила не отпускала Иванушку, не давала оторваться от родных краев и отплыть по великой реке навстречу богоугодной жизни. Иногда он ощущал ее почти как некое громадное существо, приобнявшее его за плечи и тянущее назад, домой.

Начав проедать подаренные отцом деньги, он пристрастился к игре в кости и в бабки.

«Если я выиграю, – размышлял он, – значит Господь хочет, чтобы я ушел в монастырь. А коли проиграю все деньги, данные мне на дорогу, значит нет на то Его воли, чтобы я сделался монахом». Эти доводы представлялись ему разумными, и он быстро проиграл все, что у него было.

И не то чтобы Иванушка сознательно отвратился от Бога, а скорее, хотелось ему окольными, хитрыми путями приблизиться к Господу, притом не утруждая себя ничем. Но мало-помалу все глубже проваливался он в душевное бесчувствие, прерываемое лишь тяжелыми запоями, и случались они все чаще и чаще. Он бродил из одного города в другой, не в силах отправиться на юг или вернуться домой. На второй год начал воровать.

Воровал он всегда понемногу и, как ни странно, даже сумел убедить себя, что не совершает ничего дурного. «В конце концов, – уверял он себя, – если я украду у богача, от него не убудет. А потом, разве Господь наш не позволил апостолам срывать колосья на поле?» Часто, перед тем как украсть что-нибудь, он взвинчивал себя, да так, что в конце концов себя почитал едва не праведником, а тех, кого собирался обокрасть, клеймил и презирал. Он убеждал себя, что он – человек Божий, тогда как те, кого он обворовывает, – недостойные сребролюбцы, которых надобно примерно наказать. А украв и купив на ворованные деньги еду и вино, целыми днями бродил по деревням полуголодный и вполпьяна, хмельную свою радость путая с благодатью.

Зимы выдались очень суровые. Ему не помогало даже воровство, нельзя было прожить под открытым небом. Он бродил по церквям и монастырям, переходя из одного в другой, кланча милостыню. Несколько раз чуть было не замерз.

А один раз он увидел отца. Однажды весенним днем он слонялся по лесу в окрестностях Чернигова, как вдруг услышал приближающийся топот копыт, и мимо него пронеслась пышная кавалькада.

Пока вереница знатных людей со слугами скакала мимо, Иванушка спрятался за дубом. Среди всадников он различил молодого князя Владимира, а рядом с ним – своего отца и брата Святополка. На запястье у Игоря сидел сокол. На боярине была соболья шапка, он холодно слушал, как молодой князь со смехом рассказывает ему какую-то историю.

К великому удивлению Иванушки, его охватил страх, словно какого-нибудь ничтожного смерда; более того – им овладел стыд. «Господи, – взмолился он, – сделай так, чтобы они меня не заметили!» Ибо разве не стал он ныне изгоем, отверженным, изгнанником из этого блистательного мира, разве мучительный голод, терзающий его, и грязные лохмотья, прикрывающие его тело, не свидетельствуют о том в полной мере? Мысль о том, какой стыд, какое отвращение испытали бы они, попадись он им на глаза, показалась ему невыносимой. Какие же они высокие, какие безжалостные, какие величественные и внушающие благоговейный трепет самим своим величием! «Этот мир закрыт для меня навеки», – подумал он.

Однако не мог отвести от них глаз.

А когда всадники уже почти проскакали мимо, он заметил еще что-то и громко ахнул, ибо замыкали эту череду охотников две молодые женщины: одна – во цвете лет, другая – совсем еще девочка.

Обе они были облачены в роскошные одеяния. Обе они хорошо, с непринужденным изяществом держались в седле. Обе были белокурые и голубоглазые и превосходили красотой всех женщин, каких случалось ему видеть доселе. И внезапно ему, притаившемуся за деревом, показалось, будто не княжеский двор проскакал перед ним, а предстало видение самого Царствия Небесного. «Они подобны ангелам», – прошептал он, гадая, откуда родом красавицы.

Спустя несколько мгновений все исчезло, конский топот, говор и смех затихли вдали. Однако образ прекрасных девиц запечатлелся в его памяти, месяц за месяцем преследуя его, точно призрак, и напоминая о том, что он теперь не более чем тварь лесная, хоронящаяся от людей.

Этой весной, оказавшись волею случая поблизости от Русского, Иванушка сделал последнюю попытку исцелиться. «Я не могу так больше, – решил он, – я должен либо покончить со всем этим, либо уйти в монастырь». Помышление о смерти испугало его. «А ни один монашеский устав, – подумал он, – не может быть хуже той жизни, что я веду сейчас».

Оставалось лишь одно препятствие. У него больше не было денег.

Теплым весенним утром Жидовин выглянул из склада в Русском и заметил поблизости оборванного нищего, болтающегося без дела. В Русском в тот день царила почти полная тишина. Маленькая крепость, в тот день никем не охраняемая, почти опустела.

Хазар тотчас же узнал нищего, но в силу природной осторожности не подал вида, а странник, двигаясь несколько неловко и неуклюже, подошел к нему только около полудня.

– Знаешь, кто я?

Он говорил тихим голосом, но Жидовин различил в его тоне какую-то отрывистость и даже презрение.

– Да, Иван Игоревич.

Хазар не шевельнулся и не делал никаких жестов.

Иванушка медлительно кивнул, словно припоминая что-то давно ушедшее:

– Ты когда-то меня спас.

Жидовин не ответил.

– Можешь меня накормить?

– Конечно, – улыбнулся Жидовин, – пойдем в дом.

Он стал гадать, как бы ему задержать юношу у себя. Если бы он сам попытался схватить его, то Иванушка мог бы и вырваться, однако ближе к вечеру на склад должны были вернуться двое из его людей. С их помощью он мог бы связать Иванушку, а потом по реке отправить его к родителям в Переяславль. Оставив Иванушку на складе, он отправился на задний двор, за которым располагалось его жилище, и через несколько минут возвратился со жбаном кваса и деревянным блюдом просяных пирожков.

Но Иванушка уже исчез.

Глупо со стороны Хазара было забыть, что Иванушка знает, где тот прячет деньги. Украл он немного, но ему хватило бы на плавание вниз по реке даже до Константинополя. «По крайней мере, я увижу этот город», – подумал он.

Он сожалел о том, что украл у Жидовина, пусть и на доброе дело. «Но в действительности это не воровство, – уверял он себя, – ведь отец ему все вернет. Думаю, отец даже обрадуется, узнав, что я наконец убрался отсюда подобру-поздорову». Ведь, пробираясь по лесам, Иванушка ни минуты не сомневался в том, что наконец отправится именно в греческий монастырь.

А Жидовин тем временем проклинал себя за опрометчивость и гадал, что сказать родителям Иванушки. Как следует обдумав это происшествие, он решил не говорить ничего, ведь, что бы он им ни сказал, все причинит боль.

А теперь, сидя в одиночестве на пристани, Иванушка ничего не выражающим взглядом уставился на воду. Он знал, что, не отправившись в плавание, упустил свой последний шанс попасть в Царьград до зимы.

А он так хотел уплыть. По крайней мере, ему так казалось. Однако летом на него обрушилось новое ужасное несчастье: он совершенно утратил волю.

В последнее время он часто ловил себя на том, что не в силах ничего делать, лишь сидел, часами глядя в пространство. А когда переходил из одного городка в другой, из одной деревни в другую, то брел точно во сне.

Он потратил больше половины украденного серебра. Более того, этим утром он обнаружил, что у него осталось всего восемь серебряных гривен – ровно столько, чтобы заплатить за плавание до Царьграда. И кое-как дотащился сегодня до пристани, твердо намереваясь отправиться по реке в Грецию. Но, к своему собственному отчаянию, понял, что не в силах даже сдвинуться с места.

«А теперь все кончено», – думал он. Ему казалось, что теперь у него, жалкого, презренного неудачника, не осталось никаких шансов. «Войду в реку и утоплюсь», – решил он.

Именно в эту минуту позади раздался какой-то шум; взгомонились рабы-холопы, предназначенные для продажи, что сидели рядком на земле и ожидали, когда их уведут на рынок. Иванушка равнодушно поднял глаза. Один из холопов, казалось, был чем-то взволнован. Иванушка пожал плечами и снова уставился на воду.

– Иван! Иван Игоревич!

Он обернулся.

Щек уже давно не отрываясь глядел на него. Теперь он убедился, кто перед ним. Он так разволновался, что даже забыл, что руки у него связаны. Это был боярский сын. Тот самый, кого прозвали Иванушкой-дурачком.

– Иван Игоревич! – снова позвал он.

И тут этот странный юноша словно бы узнал его, хотя и вспомнил лишь смутно.

Щеку грозила тьма-тьмушая бед. Его должны были продать в рабство. Еще того хуже, один из пленников только что шепотом передал ужасную вест: «Купцы ищут гребцов на ладьи». Все они знали, что за этим скрывается: тяжелая, изнурительная работа на реке, перетаскивание ладей через пороги, а может быть, даже опасное морское плавание. И, судя по всему, их могли потом еще раз перепродать – уже на греческих рынках. С рабом могли поступить как угодно.

В одном он был уверен: Русского ему больше не видеть.

Щек не должен был оказаться на пристани осенним утром, ведь согласно русским законам закуп, отрабатывающий долг, не мог быть обращен в холопа и продан в рабство. Но практика часто нарушалась, а власти закрывали на это глаза.

А ведь мог бы и сам догадаться. Вот уже два месяца, как стало понятно, что староста соседней княжеской деревни заглядывается на его жену, а она – на него. Однако все случилось внезапно, и Щека застали врасплох.

Всего-то неделю тому назад утром староста явился к нему в сопровождении нескольких купцов и буквально выволок из постели. «Вот вам закуп, – объявил староста купцам. – Берите его, вяжите!» Щек и глазом моргнуть не успел, как уже стремительно неся в лодке по реке, приближаясь к Переяславлю. Он ничего не мог поделать: пятеро или шестеро других холопов, сидящих рядом с ним на пристани, также не расплатились с долгами.

Но в том-то и дело, что со временем Щек мог вернуть долг и снова освободиться. Всего-то за каких-нибудь десять лет.

Он держал в секрете, что нашел в лесу пчелиные гнезда. С тех пор как обнаружил это скрытое сокровище, он втайне использовал его себе на благо: продавал один-два сота проезжим купцам, а то и торговал медом на рынке в Переяславле. Приходилось проявлять немалую осторожность, ведь борти ему не принадлежали. Однако, понемногу продавая мед, он уже сумел отложить две серебряные гривны.

Он даже устроил еще несколько дупел для пчел. Заповедный лес сделался для него сокровищницей, и, хотя от этих своих трудов он не получал большой прибыли, тайна словно придала его жизни новый смысл. Она стала для него чуть ли не наваждением, он ежечасно думал о своих пчелках, а себя мнил истинным стражем этих мест. И он нерушимо хранил свою тайну. Время от времени Щек распускал слухи: он-де видел ведьму на тропе, которая вела в тамошний лес, или заметил там змей. Дурная слава его заповедного леса росла, и никто не отважился туда зайти.

Поэтому сейчас Щек с горькой иронией предавался мрачным раздумьям, дескать жил он рядом с настоящим кладом, отыскал его, да не сумел толком воспользоваться. И теперь весь его пчельник просто пропадет, а он, Щек, умрет нищим. Так уж, видимо, на роду ему написано.

А теперь навстречу медленно шагал этот странный боярский сын.

– Я – Щек, – крикнул он, – помнишь меня?

Какой же Иванушка исхудалый, бледный и оборванный! Несмотря на все свои несчастья, крестьянин его пожалел. И, не зная, чем еще занять себя, Щек поведал этому странному юноше, с отсутствующим видом уставившемуся в пространство, свою историю.

Когда он закончил, Иванушка какое-то время не поднимал глаз от земли.

– Странно, – прошептал он, – у меня тоже ничего нет.

– Что ж, – произнес Щек с усмешкой, – все равно удачи тебе. Все же люб ему был этот боярский сынок в лохмотьях. – Помяни Щека в молитвах.

– Да-да... – Юнец, казалось, погрузился в свои мысли. – Ну-ка, скажи мне еще раз, – наконец промолвил он, – сколько ты должен?

– На сегодня я должен князю семь серебряных гривен.

– А если уплатишь их, выкупишься из неволи?

– Само собой.

Медленно Иванушка снял со своего пояса кожаный кошель и повесил его на пояс Щеку.

– Возьми, – сказал он, – там восемь гривен, и мне они не нужны.

И прежде чем пораженный смерд смог произнести хоть слово, он ушел. «В конце концов, – подумал Иванушка, – этому крестьянину они пригодятся, мне-то все равно скоро расставаться с жизнью».

Десятник, надзирающий за холопами, был человек незлой, и когда несколько мгновений спустя вернулся из кружала, то искренне восхитился удачей, выпавшей Щеку. Он знал, что Щек сделался закупом, и сочувствовал ему, сожалея о его злой судьбе.

– Не иначе как сама Матерь Божья тебя призрела! – воскликнул он, перерезая путы Щека и с радостью его обнимая. – Повезло тебе, бедолага, так, что и словами не описать, – добавил он. – Я о таком и не слыхивал. Придется рассказать об этом княжескому тиуну на рынке. – Он поднял глаза. – А вот он и сам идет.

Щек никогда прежде не видал высокого темноволосого боярина, который сошел с берега на пристань, но заметил, что вид у него раздраженный. Когда десятник поведал ему историю Щека, он только злобно воззрился на смерда, а потом с холодным выражением лица повернулся к десятнику.

– Деньги он украл, иначе и быть не может, – бросил он.

– Да ведь другие холопы видели, как ему эти деньги дали, – осторожно возразил десятник.

Боярин с отвращением поглядел на холопов:

– Их свидетельство ничего не значит.

– Да как бы я украл, господин, со связанными-то руками? – поразился Щек.

Боярин устремил на него мрачный взгляд. Ему было совершенно безразлично, пусть этот закабалившийся из-за долгов смерд хоть умрет, но он только что сообщил купцу, что передает ему для продажи двадцать холопов, значит у него на одного будет недостача, а он не любил испытывать неудобство.

– А где тогда тот, кто дал тебе денег?

Щек огляделся. Иванушки нигде не было видно.

– Отбери у него кошель, – велел тиун десятнику.

Однако тот не успел выполнить приказ, потому что в ту же минуту раздался крик:

– Вот он, глядите!

Это кричал один из холопов, взволнованно указывая на речной берег под городскими стенами. Примерно в полуверсте от них из небольшой рощицы вышел одинокий странник.

– Это он.

– Схватить его и привести ко мне, – приказал тиун.

И так спустя несколько мгновений Святополк, к своему великому изумлению, обнаружил, что столкнулся лицом к лицу со своим братом Иванушкой; Иванушка тем временем тупо глядел на него остекленевшим взглядом, явно погруженный в свои мысли, не говоря ни слова.

– Отпустите смерда, он уплатил долг, – хладнокровно повелел Святополк. – А этого бродягу, – он указал на Иванушку, – бросьте в темницу.

Он лихорадочно соображал, как поступить.

Неярко горели свечи. Тускло мерцала икона в углу, а Матерь Божия устремила взор из своего золотого царства в темное пространство большой комнаты. Холопы как раз убирали со стола остатки вечерней трапезы.

Игорь сидел в тяжелом дубовом кресле, склонив изящную, теперь уже совершенно седую голову и упираясь подбородком в грудь. Глаза его, внимательные и настороженные, были открыты, лицо – неподвижно, но мрачно. Жена его сидела рядом с ним. Можно было предположить, что час или два тому назад она плакала; но сейчас лицо ее побледнело, осунулось и казалось бесстрастным, ибо так приказал ей муж.

Святополк хмурился, исполненный едва сдерживаемой ярости.

Вот же беда, принесла нелегкая его отца на городские стены в тот самый миг, когда уводили безмолвного Иванушку в маленькую темницу, где он никому бы не попался на глаза. «А то я бы его уж давным-давно утопил», – думал Святополк, поскольку, не зная, что Иванушка и сам решил утопиться, намеревался этой ночью привести его на реку, схватить и держать его голову под водой, пока брат не захлебнется. «Так и ему самому было бы лучше, и родителям, – мысленно повторял он. – Нашли бы тело, решили бы, что он покончил с собой, и перестали бы терзать себя из-за этого ни на что не годного бездельника. А то бы он из них только деньги вытягивал».

Но тут вмешалась судьба. Поистине, отец его преисполнился гнева на Иванушку с того самого мгновения, как увидел бродягу. Он повелел отвести младшего сына в родительский терем почти как пленника. А сейчас, за ужином, юнца заставили объясниться.

Святополку почти не было нужды обвинять младшего брата. Иванушка, заикаясь и запинаясь, сам сознался во всех своих проступках. Святополк и вправду решил, что разумнее всего будет ни в чем не обвинять Иванушку, а всего лишь предложить:

– Мой младший брат – овца заблудшая. Думаю, он и душу-то свою погубил. Может быть, спасет ее, если доберется до монастыря. – Монахи обыкновенно на свете не заживались.

Игорь задавал Иванушке вопросы, а его жена безмолвно взидала на сына.

Один раз Святополк пробормотал:

– Такой человек уж точно своих родных ненавидит.

Но в остальном допрос проходил без его помощи. А сейчас наконец суровый боярин подвел итог услышанному:

– Ты лгал мне, ты лгал всем нам. Ты расточил деньги, свое наследство, которое я выделил тебе. Ты даже воровал. За несколько лет ты не послал нам ни единой весточки, мы не знали, жив ли ты, ты разбил сердце матери. А теперь, в очередной раз украв, ты передаешь деньги чужому и пытаешься уйти из мест, где живут твои родители, даже не показавшись им на глаза.

Святополку казалось, что нельзя полнее перечислить обвинения в адрес Иванушки. Он с удовлетворением взидал на брата, пока все хранили молчание.

Затем Игорь простил Иванушку.

Великая русская зима, нестерпимо холодная, могущественная и жестокая, иногда приносит с собой и радость. А Иванушке она принесла исцеление.

Поначалу, осенью, после возвращения домой, телесные и душевные силы совершенно его покинули. Как часто бывает, венцом его испытаний стала тяжелая болезнь. Обычная простуда вскоре переросла в серьезный недуг: горло у Ивана распухло, суставы заныли, а голову заломило так, что он зажмуривался от боли, будто это не голова, а наковальня и по ней черти наперебой колотят молотками.

Спасла его мать, потому что, быть может, она одна лишь и понимала, что делать. Когда отец захотел послать за армянскими или сирийскими лекарями, служившими при княжеском дворе и прославленными своим врачебным искусством, которое унаследовали они от античного мира, Ольга отказалась наотрез.

– У нас есть свои снадобья, получше, чем у греков и римлян, – твердо сказала она. – Но если хочешь, пошли в монастырь, попроси монахов помолиться за Иванушку. – После этого она заперла дверь и никого более к нему не пускала.

Пока он метался в жару, она не отлучалась от него ни на шаг; заботливая и бесшумная, она время от времени увлажняла его горячий лоб, стараясь не обеспокоить его даже лишним словом. Сидя у окна, она словно только тем и занималась, что глядела из окна, читала Псалтирь или дремала, пока он спал тревожным сном. Она говорила с ним только тогда, когда он сам того хотел, но никогда не обращалась к нему первая и даже не смотрела на него. Она будто была рядом с ним и одновременно где-то вдали, тихая и неподвижная.

А за окном шли осенние дожди, размякший густой чернозем превратился в сплошное болото, мир вымок, продрог и съежился, что твой воробышек. Серые небеса тяжело нависали над землей, горизонт заволгло. Где-то за его длинной, серо-черной, плохо различимой линией готовилась вести с востока свои дружины невыносимая, белоснежная, безжалостно-холодная зима.

А потом пошел снег. В первый день он принесся из степи и выпал на мокрые улицы мягкими сероватыми хлопьями, влекомыми слабым ветром. Глядя в окно, на фоне которого выделялось неподвижное, бледное лицо матери, Иванушка думал, что природа там, на воле, словно закрывает дверь и теперь свет не будет проникать с неба. Но, оставшись наедине с матушкой, он уже не страшился ступающей тьмы. На следующий день началась метель. Теперь снежная буря завывала так, будто бесконечная степь колдовством сотворила и наслала на мир неисчислимое войско крохотных, серых чертенят и те вот-вот бросятся сверху на крепость, яростно обрушатся и завладеют ею. Но на третий день наступила перемена. Снег стал падать медленно. В середине дня небо на какое-то время прояснилось настолько, что сквозь тучи стали проглядывать слабые солнечные лучи. Снежинки, опускавшиеся с небес по утрам и вечерам, были

крупные, легкие, словно птичьи перья. И именно после этого снегопада Иванушка стал выздоравливать.

По правде говоря, русская зима не так и ужасна. Даже в самой маленькой избенке непременно пылает огромная печь, а значит, будет не то что тепло, а даже жарко.

Спустя неделю после снегопада Иванушку, закутанного в меха, погожим солнечным днем перевезли за высокие стены Переяславля.

Как блестело, сияло и переливалось все кругом! Золотые купола городских церквей сверкали на солнце под прозрачно-голубым небом. Внизу река, не скованная еще льдом, несла свои воды мимо белоснежного, сияющего берега, а вдалеке, на противоположном берегу, леса вставали темной, поблескивающей линией. К востоку и к югу за купами утопающих в свежевыпавшем снегу деревьев кое-где открывался в просветах вид на могучую, нескончаемую степь: она казалась огромным белым ковром, простирающимся без конца и края и слабо мерцающим под солнцем.

Так на протяжении всей долгой русской зимы пышный снежный покров словно одеялом защищает землю.

Землю миловал и защищал снег, а Иванушку берегла и нежила родимая матушка. По временам казалось, будто вновь вернулось Иваново детство. Сын с матерью садились у огня или у окна, и вновь Ольга сказывала старинные сказки, или пели они вместе былины, которые Иван помнил сызмальства.

Почему же теперь, когда он вырос, эти детские сказки о жар-птице, о Снегурочке, о медведях, о царевичах, которые ходили счастья искать, казались ему преисполненными мудрости? И юмор их, и прелесть увлекательных сюжетов – то простых, то запутанных, – и то, как сказывала их мать, нараспев, с повторами, словно бы ожили и затрепетали, заиграли яркими красками у него на глазах, точно бесконечный сказочный лес.

Этой зимой их семью единожды посетила смерть: внезапно занемогла и скончалась жена Святополка. Иванушка постарался было утешить брата, хоть и почти не знал невестушку, однако Святополк, по-видимому, не искал его поддержки, и Иванушка более не заводил о том речь.

Медленно прошла долгая зима, укутывавшая землю снежным покровом, и Иванушка исцелился в этом приготовленном для него маленьком гнездышке, а ранней весной, пока снег еще не растаял, вышел на свет божий, готовый снова вернуться в мир.

Чело его было светло, очи сияли; и хотя им владела сдержанность и он часто впадал в задумчивость, он чувствовал себя бодрым, исцелившимся и сильным. «Благодаря тебе, – сказал он матери, – я заново родился».

А в Переяславле, где отныне он обрелся, жизнь была ключом.

Пока остальные князья боролись за власть над златоглавым Киевом, осторожный князь Всеволод не упускал из рук Переяславля, главную из крепостей, расположенных на южной границе, и придал ему новую значимость, невиданную прежде. Конечно, не сравнить с Киевом: в Переяславле стояло всего несколько красивых церквей, а большинство зданий были деревянные. Однако этот невеликий город, окруженный прочными стенами, ныне представлял собой силу, с которой приходилось считаться. Самое главное, местная церковь была столь могущественна и столь предана патриарху Константинопольскому, что митрополиту Переяславльскому в столице Византии зачастую оказывали больше почестей, чем церковным сановникам из Киева.

Проходя по широкой главной площади и глядя на приземистую маленькую церковь Матери Божией возле княжеского дворца или на часовню, которую возводили над воротами, Иванушка ощущал умиротворение и покой. Он заходил в мастерские стекольных дел мастеров и с любовью рассматривал разноцветные витражи, предназначенные для церкви или домов

знати. Он посетил мастерскую, изготавливавшую бронзовые застёжки для книг, и купил одну пару для матери. В те дни он наслаждался всем, что видел.

Однако, как ни странно, не успел он исцелиться, как им стала овладевать какая-то смутная тревога. Он и сам не мог бы объяснить, в чем дело, его томило какое-то странное предчувствие. Но проходили дни, и постепенно он стал явственно ощущать, что ему грозит какая-то опасность: словно, пока землю укутывал снег, кто-то прокапывал под сугробами подземные ходы, норовя подобраться к нему поближе. Что же это могло быть?

Впрочем, поначалу он выбросил подозрения из головы, ибо отец принес ему действительно чудесные вести.

– Я добился своего, – с гордостью объявил боярин жене, – князь Всеволод теперь столько мне расположен, что я могу даже просить у него места для Иванушки!

А сыну он радостно сообщил:

– Ты все-таки будешь служить молодому князю Владимиру. Святополк уже вступил в его дружину и снискал славу. Теперь настал твой черед показать себя.

И Иванушка засиял от восторга. Всего два дня спустя его отец небрежно заметил:

– Кстати, пока ты недужил, твой брат заплатил всем твоим заимодавцам. Так что теперь твое доброе имя восстановлено.

Предполагая, что речь идет о Жидовине и еще нескольких, Иванушка поблагодарил отца и более о том не думал. И только на следующий день, когда мать неохотно упомянула о его долгах, он попросил показать ему список.

И тут понял, отчего его преследовало чувство опасности. Список был ошеломляющий.

Открывал его, само собой, долг перед Жидовином. Но далее следовал огромный перечень имен, от длины которого просто дух захватывало. Люди, которых он никогда не видал, из таких мест, где он бывал разве что проездом, утверждали, что он либо обокрал их, либо одалживал у них деньги. На самом деле только двое из названных давали ему в долг.

– Кто разыскал всех этих заимодавцев? – спросил он.

– Святополк, – сказал ему отец.

Так вот какие подземные ходы рыл его недруг всю зиму.

Замышляя месть, его брат ничего не упустил, обо всем позаботился. По-видимому, он побывал во всех городах и весях земли Русской. Суммы, которые он якобы задолжал, в списке были приведены невысокие, тут Святополк проявил сообразительность. Но число их поражаало воображение.

– Ты обязан брату, он смыл твой позор, поблаговари его, – сурово промолвил Игорь. – Он настоял на том, что сам оплатит половину твоих долгов.

– Он ощущает ответственность за тебя, – добавила мать.

Иванушка все понял. Опыт сделал его немного мудрее, чем прежде.

– Боюсь, многие из этих людей обманули моего брата, – с грустью заметил он.

Но, поняв, что они ему не верят, он замолчал. На том дело и кончилось.

На следующий день Игорь наконец представил его молодому князю, которого, по роду его матери, греческой царевны, стали именовать Владимиром Мономахом.

Князь принял их в длинной, с высоким потолком палате княжеского дворца. Маленькие оконца там были прорезаны высоко над полом, и потому чертог напоминал церковное помещение.

Когда Иванушка с отцом вошли, молодой князь стоял в дальнем его конце. Одесную и ошуюю него почтительно замерли с десятков важных бояр. Владимир был облачен в длинный кафтан, отделанный собольим мехом, ниспадавший почти до земли и столь богато украшенный драгоценными камнями, что даже в полумраке слабо мерцал. На голове у него была шапочка, отороченная горностаем. Несомненно, от матери-гречанки он унаследовал красивое лицо с

длинным, прямым носом и большие темные глаза, которые сейчас взирали на вошедших. Их приближения он ожидал неподвижно, как священник у алтаря, словно властью и могуществом наделял его Господь.

Отец и сын склонились перед Владимиром Мономахом в низком поклоне, приблизились на несколько шагов и снова поклонились. «Он похож на святого, как в церкви», – подумал Иванушка, мимолетно взглянув на неподвижные черные глаза молодого князя. Подойдя к нему вплотную, Иванушка стал на колени и облобызал украшенные драгоценными камнями сапоги князя.

– Добро пожаловать, Иван Игоревич, – торжественно произнес молодой князь.

Придворные обычаи на Руси отличались от принятых при западноевропейских дворах. В противоположность правителям Богемии и Польши русские князья не стремились войти в сложный и замысловатый мир феодальной Европы; да и новые идеалы и кодекс поведения рыцарства мало их интересовали. Давно уже жизнь на Руси строилась по образцам восточным. Начиная с древних скифов и аланов, которых до сих пор можно было встретить в составе княжеской дружины, и с уже исчезнувших аваров и гуннов, с могучих хазар правители пограничных земель всегда были богоравными деспотами, происходившими откуда-то издалека. А была ли в этих краях держава более древняя, цивилизация более утонченная, чем христианская империя цареградских греков?

Потому-то русские князья и перенимали восточную роскошь, и подражали торжественным, напоминающим церковные обряды ритуалам, принятым при византийском дворе, и заимствовали византийскую чопорность и пристрастие к обильным, пышным и ярким украшениям. Мономах с рождения знал, как уподобиться цареградским властителям.

Но сейчас, к удивлению Иванушки, князь любезно улыбнулся:

– Слышал я, что ты знатно попутешествовал.

Тут все придворные рассмеялись, а Игорь покраснел. Кто же здесь не слышал о «хождениях» Иванушки-дурачка.

– Не смейтесь, – одернул приближенных князь. – Если во время своих странствий друг наш проявил наблюдательность, то, возможно, знает о земле Русской больше, чем я.

Одним этим простым замечанием князь навсегда обеспечил себе преданность и верность своего слуги, а Иванушка в тот миг сполна познал ту меру благосклонности и властности, которая многим внушала не только любовь к Мономаху, но и страх перед ним.

Молвив так, князь жестом велел Игорю и другим боярам оставить их, отвел Иванушку в сторону и говорил с ним тихо и совсем просто, пока молодой человек не успокоился достаточно, чтоб внимать своему князю. Владимир стал расспрашивать его о странствиях, а Иванушка отвечал совершенно честно, и потому хотя Владимир раз или два взглянул на него с удивлением, но все же был вполне удовлетворен рассказами своего будущего дружинника.

И как ни странно, молодой князь напоминал Иванушке его собственного отца. Оба были суровы и требовательны к себе – и люди не могли этого не замечать. Вскоре сделалось ясно, что Мономах проводит по многу часов в молитве, четыре-пять раз в день, и говорил о своем обыкновении с мрачным спокойствием, совсем как Игорь. Но, упомянув о другом предмете, он совершенно преобразился, спросив совсем по-мальчишески:

– Ты любишь охоту?

Иванушка сказал, что да.

– Славно, – усмехнулся князь. – До конца жизни я намерен поохотиться во всех лесах обширной земли Русской. Приходи завтра, – с довольным видом добавил он, – и я покажу тебе своих соколов.

Однако в конце беседы князь снова посерьезнел.

– Ты только поступил ко мне на службу, – тихо промолвил он, – а есть и те, кто служит мне уже давно. – Он мгновение помолчал. – В том числе твой брат.

Это было предостережение. Но хотя Иванушка внимательно глядел на князя, лицо Мономаха, по-прежнему бесстрастное, ничего не выражало.

– Посему неизменно проявляй осмотрительность и осторожность, – наставительно произнес он. – Я буду судить о тебе только по твоим делам.

Иванушка с благодарностью поклонился. Владимир повернулся к своим придворным.

В этот миг Иванушка увидел ее.

Она вошла в палату по пятам своей госпожи. Она выглядела уже не девочкой, но юной женщиной; и она, и ее госпожа были столь хороши собой, что показались Иванушке существами неземными; и он тотчас же вспомнил, что видел девушку два года тому назад, когда она проезжала по лесу вместе с княжескими челядинцами и его отцом, а он прятался за деревом.

– Кто это? – спросил он боярина, стоявшего поблизости.

– А ты разве не знаешь? Та, что старше, – супруга Мономаха, а другая – ее прислужница.

– А откуда они родом?

– Из Англии, откуда же еще! Гита – дочь короля саксов Гарольда, которого норманны убили в битве при Гастингсе десять лет тому назад. А прислужницу ее зовут Эмма. Она дочка знатного лорда, сирота, вот принцесса и привезла ее с собой сюда.

Иванушка знал, что после завоевания Англии Вильгельмом Норманнским в год страшной красной звезды многие саксы отправились в изгнание. Некоторые добрались до самого Константинополя и вступили в личную гвардию императора, состоящую из варягов. Другие же разбрелись по Восточной Европе. А эта принцесса и ее наперсница, прекрасные, как ангелы, нашли убежище в Киеве и тем самым соединили род саксонского короля Англии и русскую правящую династию.

Иванушка не в силах был отвести глаз от саксонок.

Боярин улыбнулся:

– Мы говорим о Гите: «Она реченьки светлей, она солнышка ясней».

Иванушка завороченно кивнул:

– А что говорите о ее девице?

– То же самое. Она еще не помолвлена, – небрежно добавил придворный.

Солнечным утром, спустя пять дней после беседы у князя, Игорь, помолившись, призвал к себе сыновей на утреннюю трапезу.

Они застали его в одиночестве. Вид у него был бодрый, но Иванушка по особому, слегка встревоженному выражению его глаз заключил, что он обдумывал что-то поистине важное.

– Я решил, – объявил Игорь, – что пора вам обоим получить по выделу, подобающему знатному человеку.

Некоторые из числа самых важных киевских бояр даже держали собственные небольшие дворы. Семейная честь обязывала Игоря снабдить сыновей деньгами, чтобы они по крайней мере ни в чем не испытывали нужды.

– Как вам ведомо, – продолжал Игорь, – князь переяславльский щедро вознаграждал меня за службу. Я далеко не беден. – Он помолчал. – Однако, покинув службу у князя киевского, я понес немалые убытки. Оттого мы не так богаты, как я надеялся, а расходы на поддержание должного положения растут с каждым годом. Святополк, ты уже обзавелся собственным хозяйством, а ты, Иванушка, без сомнения, когда-нибудь женишься, и тебе тоже потребуется собственный дом. – Он с мрачным видом помолчал. – Памятуя об этом, я делаю следующее распоряжение.

Оба брата внимали с почтением.

– Из тех доходов, что я получаю от имений, дарованных мне князем, я оставляю себе половину. Вторая половина доходов предназначена моим сыновьям. – Он вздохнул. – По обычаю, я должен был бы оставить большую часть Святополку, а меньшую – Иванушке. Но

поскольку Святополк уже получает немалый доход от князя Владимира, тогда как у Иванушки пока нет почти ничего, и поскольку доходы, которыми я могу наделить вас, весьма ограничены – я передаю вам обоим равные доли.

Он замолчал, словно устал после принятия нелегкого решения.

Иванушка устался в пространство, не в силах поверить своей удаче. Святополк безмолвствовал.

Когда Святополк наконец нарушил молчание, то в голосе его зазвучали ледяные нотки.

– Отец мой, благодарю тебя и склоняюсь пред волей твоей, – тихо промолвил он. – Я служил своему князю и своей семье. Но справедливо ли, что Иванушка, который не сделал ничего путного, вот разве что навлек позор на всех нас, и долги которого мы только что заплатили, получит столько же, сколько и я?

Игорь не отвечал, но Иванушка догадался, что его гнетет та же самая мысль.

Он опустил голову. Святополк сказал правду. И он мог понять гнев старшего брата. Пока он не появился вновь, так сказать восстав из мертвых, все небольшое состояние Игоря должен был унаследовать Святополк. А сейчас его лишают половины того, что причитается ему по закону, – и все из-за глупого бездельника.

– Я уже принял решение, – отрывисто произнес Игорь, давая понять, что далее обсуждать с сыновьями наследство не будет.

На прощание Святополк бросил на Иванушку один-единственный взгляд, в котором тот безошибочно прочитал себе смертный приговор.

Только на следующий день, сидя в уголке рыночной площади, Иванушка обдумал и сделал свой выбор.

Его потрясла давешняя беседа, последний взгляд Святополка и выражение его лица. «Неужели он и вправду так ненавидит меня, и все из-за денег?» – гадал он. Произошедшее с особой силой напомнило ему о том открытии, что сделал он во время своего долгого выздоровления. «Ибо когда я скитался по свету, воруя и претерпевая ужасный зимний холод, – размышлял он, – я думал, что у меня ничего нет. В конце концов, я решил покончить с собой. Только когда я вернулся и обрел любовь своей семьи, мне снова захотелось жить. Выходит, истинно глаголят проповедники: „Зачем этот мир, если в нем нет любви?“» И постепенно к нему пришло осознание того, что сама жизнь есть любовь; смерть же есть отсутствие любви, вот и все.

И потому в тот день, обдумав гнев и обиду брата, он наконец заключил: «Зачем мне богатое наследство, если, принимая его, я навлеку на себя ненависть брата? Лучше я обойдусь без своей доли. Лучше я откажусь от нее, пусть Святополк возьмет ее себе. Господь обо мне позаботится». И, довольный тем, что выбрал единственно разумный путь, хотел было пойти дальше.

Как вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за рукав, и, обернувшись, к своему удивлению, увидел коренастого смерда, который, улыбаясь, смотрел на него.

– Это ведь тебе я деньги отдал, – усмехнулся он.

– Вот именно, – радостно подтвердил Щек. – А смею ли я спросить, чем это ты так опечален, боярский сын?

У Щека были все основания чувствовать себя счастливым. Он не только выкупился из кабалы, но и, спасибо своей тайной сокровищнице, ожидал, что сможет откладывать понемногу деньги. Он рад был снова увидеть этого странного юнца, хотя бы для того, чтобы поблагодарить. А поскольку их уже связывали совместные испытания, а больше поговорить ему было не с кем, Иванушка поведал смерду все, как есть.

«Какой же хороший этот боярский сын! – думал Щек, слушая его историю. – У него доброе сердце. А кроме того, – напомнил он себе, когда Иванушка завершал рассказ, – ему я обязан своей свободой».

Поэтому, когда Иванушка замолчал, смерд понял, что ему надобно сделать.

– А ты не отказывайся от всего, боярский сын, – посоветовал он. – Батюшке твоему принадлежит имение Русское, бедное-пребедное. Но, может быть, я сумею его и побогаче сделать. Если хочешь отказаться от своей доли наследства, попроси у батюшки только деревеньку Русское вместе с лесами, что к северу от нее будут, – добавил он.

Иванушка кивнул. Русское ему нравилось, и замысел смерда пришелся ему по вкусу.

Когда тем же вечером Иванушка сообщил отцу и Святополку о своем решении, старший брат не поверил своим ушам.

– Ты хочешь получить в наследство Русское? – переспросил Игорь. – Хочешь жить на одни доходы от этой жалкой деревушки? Ты же с голоду умрешь!

– Ничего, как-нибудь справлюсь, – бодро ответил Иванушка.

– Как знаешь, – вздохнул Игорь. – Одному Господу известно, что с тобой делать.

«Слава богу, – подумал Святополк, – мой братец – дурачок».

И со сладкой улыбкой подошел к Иванушке и поцеловал его в щеку.

А спустя еще два дня Иванушка поразил отца, обратившись к нему с весьма смелой просьбой:

– Поди к князю Владимиру, батюшка, и посватай за меня саксонку, приближенную девицу его супруги. Он распоряжается ее судьбой, он ее опекун.

Игорь изумленно уставился на сына, утратив дар речи. Юнец отказался от большей части своего наследства, прекрасно зная, что молодой Мономах, отечески опекавший молодую саксонку, не выберет ей в мужа бедняка. Но если бы только этим все и исчерпывалось...

– Бедный мой мальчик, – грустно ответил он, – разве ты не знаешь, что вчера ее руки просил Святополк?

Иванушка мгновенно помрачнел, но потом лицо его приняло задумчивое выражение.

– Все равно, батюшка, посватай ее за меня, – наконец промолвил он.

– Хорошо, – согласился Игорь.

Но когда Иванушка ушел, он со вздохом сказал сам себе: «Боюсь, и правда приходится признать, что младший мой сын – дурачок».

Ответ Мономаха был получен через два дня. Как всегда, он был доброжелателен и разумен.

«Девушка будет помолвлена к Рождеству. К этому времени она сможет выбрать любого из тех, кто ищет ее руки, при условии, что я его одобрю. Сим посланием я соглашаюсь на сватовство обоих сыновей верного боярина моего отца, Игоря. Однако, – сделал князь весьма уместную оговорку, – я не стану рассматривать ни одного искателя ее руки, который не сможет доказать, что у него нет долгов и что его годовой доход составляет не менее тридцати серебряных гривен».

Услышав об этом, Святополк улыбнулся. Его-то доход превосходил пятьдесят гривен, тогда как Иванушкин, возможно, не дотягивал и до двадцати.

Иванушка не сказал ни слова.

Спустя два дня Иванушка, возвратившийся блудный сын, боярич, приехал осматривать свою новую вотчину – деревеньку Русское.

В воздухе повсюду чувствовалась весна. От земли исходило приятное тепло. Кое-где вишни постепенно покрывались розово-белым цветом, а доскакав до речной переправы, Иван услышал первую в этом году пчелу.

Оказалось, что Щек в этот день уплыл вниз по реке. Поэтому Иванушка велел старосте показать ему все в деревне, ничего не упуская. Основной доход, на который он мог рассчитывать, поступал от налогов, выплачиваемых каждой крестьянской семьей. Треть полагалась князю, а себе он мог оставить остальные две трети, но предстояли ему и расходы – строительные работы в крепости. Действительно, если бы он смог позволить себе нанять работников или купить рабов, то вспахал бы заброшенную землю в этой местности, но на это потребовались бы время и деньги, а у него не было ни того ни другого. Он думал, что, даже если бы ему очень посчастливилось, больше двадцати гривен в этом году он никак не сумел бы скопить.

«Этот смерд, чтоб его, не иначе как надо мной подшутил», – решил он, воротясь к вечеру в крепость. А когда несколько часов спустя явился Щек, он был готов накинуться на него с бранью. Но крестьянин пообещал ему: «Завтра на рассвете мы туда пойдем». И потому он согласился прождать еще одну ночь.

А на следующее утро, пока солнце еще не поднялось высоко над горизонтом, Иванушка открыл для себя тайное сокровище Русского.

Всю весну и лето дел у Иванушки было невпроворот.

Как и обязался, он служил Владимиру, но, поскольку всякий раз, когда Иванушка и Святополк встречались в княжеском тереме, сам воздух в нем начинал казаться тягостным, словно перед грозой; князь часто разрешал Иванушке уехать в Русское надзирать за своим имением, где, по слухам, ходившим при дворе, этого едва ли не юродивого юнца видели на полях идущим за плугом наравне со смердами.

В начале лета князь Владимир отправился на запад – сражаться на стороне поляков против чехов; он намеревался провести несколько месяцев в Богемии и взял с собой Святополка. До Иванушки, оставшегося в Переяславле, доходили вести о храбрости брата на поле брани, но, хотя он и гордился Святополком, все же невольно ощущал легкую досаду. «Боюсь, в глазах девицы я по сравнению с ним предстаю жалким и ничтожным», – признался он матери.

За эти месяцы он редко видел саксонку. Почти все время она проводила со своей госпожой, которая сейчас ждала ребенка.

Однако работы в Русском шли своим чередом.

Все лето господин и смерд обихаживали драгоценный пчелиный лес. Теперь в нем было около тысячи деревьев: сотня дубов и девятьсот сосен. В общей сложности в нем обитало более сотни пчелиных роев, и Щек оставлял роиться примерно одну пчелиную семью из семи.

Кроме того, в Русском был построен прочный амбар для хранения пчелиного воска.

Щек уже нанял двоих охранников для защиты своего бесценного леса, ведь слухи о нем дошли даже до Переяславля, и Щек уверял Иванушку: «Если не будем его охранять, люди набегут и разграбят».

Иванушка уже убедился, что пчелиный лес обеспечит ему необходимый доход. Но как быть с самой девицей? Сможет ли он завоевать ее сердце?

По правде говоря, он и сам не знал.

При дворе ему неоднократно удавалось перемолвиться с нею несколькими словами, и он думал и даже, судя по ее ласковому взору, был уверен, что пришелся ей по душе. Однако он был вынужден признать, что она очаровала немало поклонников, в том числе Святополка, и все они представляли собой куда более завидную партию, чем он.

– А ты уверен, что хочешь взять ее в жены? – с любопытством спросил однажды Щек. Его всегда удивляло поведение этой знати.

– Еще как!

А почему он был в этом уверен? Он и сам не знал. Выбрал ли он ее только из-за ее волшебной красоты? Нет, все было куда сложнее. В ее сияющих голубых глазах читалась доброта, в самой манере ее поведения, в ее осанке, в ее походке, когда она шествовала следом за своей госпожой, ощущалось что-то неуловимое, свидетельствующее о перенесенных страданиях. Именно это его и привлекало. Ему казалось, что он может рассказать всю ее жизнь – жизнь сироты, что отправилась в изгнание вместе со своей изгнанницей-госпожой; судьбу гордой знатной девицы, которой, подобно всем попавшим в зависимость от сильных мира сего, пришлось выучиться смирению. Во время их кратких и редких бесед он почувствовал, что она лучше понимает жизнь со всеми ее сложностями, чем большинство надменных, но оберегаемых своими семьями боярских дочек, которых случалось ему видеть при дворе.

– Да, она – моя суженая, – кивнул он.

Урожай в этом году выдался на славу. Меда собрали куда больше, чем ожидалось. Иванушке был обеспечен немалый доход. За осень ему удалось еще несколько раз перемолвиться с чужеземкой. Однако приближалось Рождество, а он до сих пор не знал, как примет она его сватовство.

И вот, когда наступил решающий день, перед Владимиром Мономахом предстали четверо претендентов на руку благородной саксонки. Двое из них были сыновья Игоря.

Весь двор удивила его несказанная удача.

– Пока его брат сражается, этот молоденький хитрец собирает медок, – заметил какой-то язвительный шутник.

Однако он и вправду выполнил условие князя.

Но более всего придворных удивило решение Эммы: вежливо поблагодарив всех четверых искателей за оказанную честь, она прошептала на ухо князю, что выбирает Иванушку.

– Как знаешь, – ответил князь, и все же, отдавая должное Святополку и его преданности, счел себя обязанным добавить: – Но его старший брат – один из моих храбрейших воинов, а Иванушку многие считают дурачком.

– Сие мне ведомо, – откликнулась она, прибавив с улыбкой: – Однако мне кажется, у него доброе сердце.

Так и случилось, что на следующий день Иван, сын Игоря, и Эмма, дочь саксонского аристократа, обвенчались.

Владимир дал в честь новобрачных роскошный пир, на котором молодым супругам подавали жареного петуха, а когда они удалялись в отведенный им покой, веселые гости осыпали их хмелем. Если Святополк и затаил на брата злобу и по-прежнему злоумышлял против него, то скрывал свои коварные намерения под маской достоинства и невозмутимости.

Пока происходили эти житейские, незначительные события, столь важные для Иванушки, всеобщее внимание при дворе было приковано к политическим переменам.

Двадцать седьмого декабря умер князь киевский, и власть над стольным городом перешла к Всеволоду переяславльскому.

«Великая удача выпала твоему отцу, – повторяли все Иванушке. – Отныне Игорь – боярин в свите великого князя киевского».

Для Владимира Мономаха это означало, что он сделался правителем Переяславля вместо своего отца, и теперь Иванушка и Святополк служили куда более богатому и могущественному повелителю. И уж окончательно все возликовали, когда саксонская принцесса родила сына.

Однако Иванушке было не до таких мелочей.

Он был женат и открыл для себя глухой зимой радость, настолько превосходящую все, какие приходилось ему испытывать до сих пор, что по временам, глядя на прелестную белолицую женщину, отныне делившую с ним жизнь, дивился, уж не приснилось ли ему все это.

Но проходила неделя за неделей, и блаженство его не только не умалялось, но возрастало. Так Иванушка наконец обрел не только счастье, но и ощущение цельности, полноты бытия, которое столь долго искал, не ведая о том.

– Мальчиком, – поведал он Эмме, – я хотел увидеть великую реку Дон. А сейчас я хочу только быть с тобой. Ты – все, чего я хочу в жизни.

Она улыбнулась, но спросила у него:

– Ты уверен, Иванушка? Вправду ли я – все, чего ты хочешь в жизни?

Он удивленно глядел на нее. Конечно, как же иначе?

В марте она сказала ему, что ждет ребенка.

– Вот теперь мне точно нечего больше желать! – шутливо откликнулся он.

Спустя несколько дней он уехал в Русское.

Ранним утром, через три дня после приезда, Иванушка вышел из крепости вскоре после того, как солнце взошло над деревьями, и сел на голый камень над широко раскинувшейся равниной, устремив взгляд на юг.

Как тихо было вокруг. Небо над головой было бледно-голубое, столь прозрачное, что, казалось, можно без помех вознестись в воздух и достичь края небосвода. Заснеженная равнина простиралась, насколько хватало глаз, а темные линии лесов тянулись и тянулись бесконечно, пока не сливались со снежным покровом где-то далеко-далеко за горизонтом в бескрайней степи.

Ближе к берегам на реке недавно стал подтаивать лед. Снег сходил повсюду. Понемногу, тихо-тихо, так, что почти и различить это было невозможно, но неумолимо. Если очень внимательно вслушаться, можно было уловить тихий треск ломающегося льда, шепот тающего по всей земле снега, с каждым часом доносящийся все чаще.

А подобно тому, как солнце растапливало снег и лед, некие подземные, невидимые силы вели свою потаенную работу, и Иванушка почти физически мог ощущать их мощное подспудное движение. Весь гигантский континент, в глазах Иванушки – целый мир, тихо таял со своим снегом, землей и воздухом – и вдруг словно замер в сиянии солнца, на миг приостановив вечное круговращение.

И внезапно Иванушка осознал, что все-все в мире необходимо: чернозем, плодородный настолько, что крестьянам почти не надобно было его пахать; крепость с ее прочными деревянными стенами; подземные пещеры, в которых предпочли жить и, уж конечно, умирать монахи вроде отца Луки; он не в силах был постичь, отчего все это было необходимо, но уверился в том, что это было необходимо. «А значит, необходимы были и те извилистые пути, которыми блуждал я, безумец», – подумал он. И без них нельзя было обойтись. Отец Лука, наверное, много лет тому назад провидел все это, когда сказал, что всякий смертный идет к Господу своей стезей.

Какой нежности преисполнился мир, какого неземного света! Как он любил не только свою жену, но и все, что его окружает! «Даже себя самого, сколь бы недостойн я ни был, – размышлял он, – я даже могу любить себя самого, ведь и я есть частица творения» – так думал он, переживая некое подобие просветления.

1111

Темные тучи безмолвно пролетали над опустевшей равниной. Медленно двинулось могучее войско вдоль опушки леса, вдоль плотной стены высоких деревьев, составлявших одну линию с чередой маленьких крепостей, из которых открывался вид на широко раскинувшуюся равнину; войско вышло в степь и развернулось. Весеннее солнце, точно мощными клинками прорвав покров туч, кое-где осветило стан, в его лучах тускло заблестели наконечники копий.

Войско рассредоточилось по степи на протяжении примерно пяти верст. Если посмотреть сверху, теперь, когда тучи на время рассеялись, а полуденное солнце слабо осветило ряды ратников, войско могло показаться тенью гигантской птицы с распростертыми крыльями, нетопливо парящей над степными травами.

На земле стоял непрерывный звон и бряцанье бесчисленных кольчуг, копий и мечей, словно всю степь огласило пение множества стальных цикад.

Святополк был мрачен. Когда лицо его время от времени озарял свет, можно было заметить, что взор его глаз, ясных и жестоких, устремлен на горизонт. Но дух его все еще пребывал во тьме.

Дружинник князя киевского, он тем не менее ехал сам по себе. По временам, втайне от окружающих, его черные глаза искали брата, который скакал чуть поодаль. Но всякий раз, остановив на нем взор, он тотчас же вновь отводил его, словно в страхе или терзаемый виной, а виноватый гордец – опасный враг.

Было это в 1111 году, и земля Русская предприняла один из крупнейших военных походов на восток. Возглавлял его князь киевский вместе со своими родичами – князем черниговским и великим Владимиром Мономахом, князем переяславским, а целью его было – нанести поражение половцам.

Огромное войско дожидалось только установления теплой погоды, когда прекращалась весенняя распутица. Всадникам и пехотинцам, с их длинными мечами и саблями, изогнутыми луками и длинными копьями, в меховых шапках и кольчужных рубахах, казалось, нет числа. Во главе войска шли скоморохи с бубнами и трубами, дудками и барабанами, певцы и плясуны, священники, несущие иконы; огромная эта евразийская орда выдвинулась из златоглавого Киева на восток, в бескрайнюю степь.

Святополк окинул взглядом тех ратников, что оказались рядом с ним. Это было типичное русское войско, составленное из людей самого разного происхождения. Справа скакали двое молодых воинов, принятых в дружину: они были чистокровными варягами, хотя один взял в жены половчанку. Слева ехали немецкий наемник и польский рыцарь. Святополк уважал поляков, одновременно порицая за то, что они, с его точки зрения, напрасно почитают папу римского, но полагал их независимыми и гордыми. А уж как чудесен парчовый наряд у этого поляка!

Прямо позади него шагал большой отряд славянских пехотинцев. Он поглядел на них с презрением. Храбрецы, проворные, в битве ни за что не отступят; он и сам не знал, за что именно их презирает, – может быть, просто по привычке.

Впереди скакали семеро аланских всадников, рядом с ними – несколько волжских булгар, странных людей с восточными чертами и черными жидкими волосами, отдаленных потомков ужасных гуннов. Теперь они приняли ислам и с радостью выступили из своего укрепленного обиталища на Волге, чтобы поучаствовать в разгроме назойливых степных налетчиков, исповадовавших язычество.

«Вот будь я половцем, – заметил он своему гридю, – то больше всего боялся бы черных клобуков – каракалпаков».

Русские князья издавна поощряли степных воинов, если те желали осесть вдоль южной границы русских земель, где могли бы при необходимости первыми принять на себя удар половцев. Но черные клобуки отличались от этих степняков. Это объединение нескольких тюркских племен имело свой собственный военный кадровый состав и даже держало гарнизон в Киеве; оно ненавидело половцев и подчинялось железной дисциплине. Со своими особыми луками и копьями, верхом на вороных конях, сплошь в черных колпаках, они обращали на себя внимание выражением бесстрастной жестокости, застывшим на их лицах. Святополка восхищала их ожесточенность и решительность. Они воистину были могучи и сильны.

Он снова бросил взгляд на своего брата Ивана, который ехал рядом с Мономахом.

Ивану было уже более пятидесяти, он несколько располнел и покраснел лицом, но сохранял бодрость и прямую осанку. «Почему глаза других людей выдают их грехи и преступления, совершенные на протяжении всей жизни, почему глаза их бегают, ни на чем не в силах остановиться, почему в них читается хитрость, коварство, гордыня или хотя бы опаска, – размышлял Святополк, – а глаза Иванушки сохраняют то же выражение бесхитростной честности, что и в юности? А ведь он далеко не глуп, ведь сейчас того, кого прозвали Иванушкой-дурачком в молодые годы, величают Иваном Мудрым. А еще он богат, чтоб его, – думал Святополк. – Ему на долю выпала несказанная удача».

Теперь они виделись редко. Без малого двадцать лет тому назад, когда умер князь киевский и в очередной раз на трон взошел следующий по старшинству царственный брат, Святополк перешел от Мономаха к новому князю киевскому. Он рассчитывал, что этот шаг принесет ему большую выгоду, но прогадал. Иванушка остался у Владимира Мономаха в Переяславле.

И вот они вновь оказались вместе, в одном войске.

«И только один из нас, – втайне поклялся он, – вернется живым».

«Так значит, – сказал Иванушка сыновьям, – я увижу великую реку Дон». Странно было сознавать, что только теперь, на пятьдесят седьмом году жизни, Господь даровал ему исполнение его детской мечты. Однако Господь и без того щедро вознаградил его.

Имение Русское сделало его богатым, ведь, хотя половецкие набеги и разрушали неоднократно деревню, «пчелиный» лес ни разу не пострадал. А были у него теперь и другие вотчины.

Дело в том, что границы земель русских все еще расширялись. Торгуя и воюя на юге, русские князья продолжали колонизировать огромные неведомые области на северо-востоке, вторгаясь в бескрайние леса у истоков могучей Волги, где издавна проживали первобытные финно-угорские племена. Русь основала там много поселений, начиная от крупных городов вроде Твери, Суздаля, Рязани и Муромы – до маленьких укрепленных сел, наподобие Москвы.

Князь переяславльский владел частью этих земель вокруг городов Ростов и Суздаль, и в этих-то отдаленных краях он и пожаловал Ивана второй большой вотчиной.

Хотя почвы здесь по сравнению с южным черноземом были скудные, в северо-восточных лесах в изобилии добывали меха, воск и мед. А самое главное, сюда не добирались степные налетчики. «Помните, – повторял Иванушка своим троим сыновьям, – ваши предки были сияющими аланами, повелителями степи, но богатством своим мы обязаны северу, север защищает нас».

Господь был милостив к Ивану; а еще Он даровал ему прекрасного повелителя – Владимира Мономаха.

Как можно было не любить Мономаха? Ведь по любым меркам князь этот, грек по матери, был личностью выдающейся. Его отличала не только храбрость на поле брани и безудержное удайство в погоне за врагом; он был воистину смиренным христианином. Вот уже несколько десятилетий Мономах тратил огромные усилия на то, чтобы сохранить единство правящего дома. Снова и снова созывал он съезды князей, ведущих междоусобные войны, и умолял их простить друг другу все прошлые обиды, вместе владеть землей и объединиться перед лицом половцев, которые жаждут посеять меж русскими раздор.

Иванушка молился о том, чтобы когда-нибудь пришел черед Владимира править Киевом.

Тем временем расцвел Переяславль, город Мономаха. За двадцать лет до того славный митрополит Ефрем приказал возвести вокруг города гигантскую каменную стену. Переяславль мог теперь похвастаться еще несколькими кирпичными церквями и даже выстроенной из камня баней, и потому Иван мог с гордостью заявить: «Такую баню нигде больше не сыскать, разве что в Царьграде».

Двое из троих сыновей Иванушки служили Мономаху, третий – сыну князя от саксонской принцессы, который правил ныне в северном Новгороде.

Иванушка привел с собой весьма многочисленное войско. Из Русского пришла горстка славян под началом Щека, который, несмотря на преклонный возраст, настоял на том, что будет сопровождать своего господина. Из северных поместий Иванушки пришли лучники – кто конный, кто пеший, – представители финно-угорского племени мордвинов. Тихие и хмурые, с высокими монгольскими скулами и смугловатой кожей, они держались особняком, а по вечерам собирались вокруг своего прорицателя, без которого решительно отказывались странствовать.

Кроме двоих его сыновей, в его войско вступил красивый молодой хазар из Киева. Иванушка не хотел брать его с собой, хотя отец юноши, давний деловой партнер, всячески упрямил Иванушку. «Он не обучен ратному делу, – твердо сказал Иванушка, – а кроме того, – наконец признался он, – я боюсь, что с ним что-нибудь случится».

Только когда дед юноши, Жидовин, отправился лично поговорить с Иванушкой, тот сдался и согласился взять его с собой в поход.

«Не отпускайте от себя молодого хазара», – ворчливо велел он двоим своим сыновьям. «А сейчас, – обратился он ко всем своим людям, – мы наголову разобьем половцев, так что они больше не поднимутся!»

Борьба русских с половцами продолжалась на протяжении всей его жизни.

На юге, на границе со степью, укрепили маленькие передовые крепости и соорудили огромные крепостные валы из земли и дерева, и теперь почти непрерывная стена защищала южные владения русских от набегов кочевников. Однако те до сих пор либо прорывали оборону, либо заходили по степи в тыл русским укреплениям, делая гигантский крюк где-то далеко-далеко за горизонтом, чтобы обойти защитные сооружения и внезапно напасть с севера.

Десять лет тому назад Русь предприняла против кочевников успешный поход, уничтожив двадцать половецких князей. Четыре года спустя половцы под предводительством хана Боняка Шелудивого нанесли ответный удар и даже сожгли несколько церквей в самом Киеве. А теперь русские вознамерились разбить их раз и навсегда. Иванушка не сомневался, что такова воля Божия.

«Нам ведомо, где располагаются пастбища: туда они обыкновенно выгоняют скот и там становятся лагерем на зиму, – сказал Иванушка детям. – Мы их выследим». Предстояла жестокая битва, и, оглядываясь вокруг, на своих сильных сыновей и на могучее войско троих князей, он ощущал уверенность в победе.

Но, даже наконец дожив до осуществления мечты всей своей жизни – увидеть Дон, он невольно чувствовал смутную грусть. Причиной тому был его отец. По крайней мере, здесь все было понятно. А другая причина неуловимой, загадочной тревоги была не столь определена. И она стала терзать Иванушку еще сильнее с того дня, как они выехали в степь и Мономах, обернувшись к нему, негромко заметил: «Говорят, мой Иванушка, что-то томит и гнетет твоего брата Святополка».

День за днем они двигались в юго-восточном направлении по степи. Землю покрывала зеленая трава, весеннее половодье прекращалось. По необозримой холмистой равнине на сотни и тысячи верст вокруг подсыхала напоенная влагой земля – от плодородной степи до гор и пустынь, где даже сейчас солнце сжигало нежные весенние цветы, обреченные без следа исчезнуть в песке.

Всего за несколько дней расцвел бледный ковыль – его белый блеск разлился, насколько хватало глаз, словно бесконечной туманной дымкой скрыв плодородную черную почву. Там, где трава эта выросла высокой, кони и люди раздвигали ее – и шелест травы напоминал змеиное шипение; где она еще оставалась низкой, конский и людской топот гулко разносился над землей. Птицы, чуть не касаясь поверхности ковыльных волн, улетали в тревоге при прибли-

жении этого гигантского войска. Иногда орел сине-серой точкой замирал в воздухе над колышущимся травяным морем.

Иванушка медленно ехал на своем лучшем сером скакуне Трояне. В полдень солнце над головой стало светить так ярко, что Иванушке показалось, будто все войско, его конь, сам день на фоне этих лучей потемнели. Твердым шагом, в ровном темпе двигались вперед кони и люди.

Мономах был бодр. Часто он легким галопом обгонял войско, держа на запястье любимого сокола, и охотился в степи. А по вечерам отдыхал возле шатра вместе со своими боярами, пока сказитель перебирал струны гуслей и напевал им:

Пусть умру я, люди русские,
Коли не омочу рукав
Свой бобровый
Или не почерпну воды шеломом,
Что из батюшки из Дона-реки.

Понесемся ж, люди русские,
Быстрее волка серого,
Проворней соколов, —
Да насытятся стервятники
Телами половецкими
Что у батюшки у Дона-реки.

Именно после таких вечеров, когда огонь догорал в кострах и все войско, кроме часовых, спало, Иванушка ощущал особую грусть, ибо был уверен, что не увидит более своего отца.

Перед походом он ездил в Киев попрощаться с ним и увидел, что тот сделался почти совершенно беспомощным. За год до того внезапный недуг сразил его, оставив частично ослабленным: Игорь с трудом мог улыбнуться одним уголком рта, но речь его сделалась невнятной.

«Не печалься, – сказала ему мать. – Он скоро уйдет, а вместе с ним и я. Но вспомни, сколько лет даровал нам Господь, и возблагодари Его за это».

Старик до сих пор был хорош собой, его седые волосы по-прежнему густы, он сохранил большую часть зубов. Устремив взгляд на его удлиненное, благородное лицо, Иванушка задумался, стоит ли ему покидать отца, но Игорь, угадав его мысли, собравшись с силами, улыбнулся и прошептал: «Иди на войну, сын».

Он поцеловал отца тепло и искренне, надолго прижавшись губами к его щеке, а потом вышел.

Теперь, скача по степи и ощущая какую-то нежную грусть, он часто возвращался в воспоминаниях к тому утру, когда он, двенадцатилетний мальчик, плыл вместе с отцом по великой реке Днепр, исполненный радужных надежд на будущее. Он словно чувствовал на плече руку отца, чувствовал, как бьется позади него могучее отцовское сердце, и спрашивал себя: «Со мной ли еще отец, жив ли он еще в Киеве, не вспоминает ли он тот самый день, не посещает ли его тот же сон, что и меня, не ощущает ли он мое плечо под своими перстами? Или он навсегда ушел, сокрылся в безжалостной, холодной зиме?»

И, сидя у походного костра, он вспоминал, как отец простил его, а мать одним своим присутствием исцелила от недуга и вернула к жизни.

А потом он ощущал тревогу за Святополка. Хотя тот скакал чуть поодаль, в войске князя киевского, его нетрудно было узнать по знамени с трезубцем, которое нес перед ним гридь. Его беспокоило не то, что на лице Святополка застыло выражение жестокости и горечи, – таким оно было всегда, – а какой-то новый, отрешенный взгляд: его Иванушка, сам познавший в

юности отчаяние, тотчас узнал. И в отношении Святополка к брату, хотя оно и всегда было холодным, теперь чувствовалась непривычная, незнакомая прежде напряженность, и те, кто знали Святополка, немедленно истолковали ее как угрозу.

Иванушка дважды пытался заговорить с ним. В первый раз он спросил: «Я чем-то тебя обидел?» Во второй раз он, не без некоторых опасений, задал брату вопрос: «Что тебя гнетет, что не так?» Но каждый раз Святополк лишь холодно кланялся ему и с саркастической вежливостью осведомлялся о его здоровье.

Святополк жил в Киеве в богатстве и в чести. Сыновья его добились успеха. «Что же мучает его?» – гадал Иванушка.

Чудовища терзали Святополка во сне.

Днем он отгонял их, мысленно погружаясь в расчеты, хотя и приходил всегда к одному и тому же результату. Но во сне они набрасывались на него.

Как случилось, что он по горло увяз в долгах? Даже теперь он и сам не верил, что это произошло.

«Если бы он допустил меня в свое ближайшее окружение, – говорил он себе, – то сейчас я был бы богат. Вот в чем все дело», – повторял он себе по несколько раз в день.

Рискованные дела вели в Киеве все, уж по крайней мере большинство купцов и бояр. Даже мелкие торговцы и ремесленники, если могли, скупали товары, чтобы потом перепродать с выгодой. Но больше всех наживался на подобных спекуляциях сам князь.

А самой вожаемой целью этих сделок была соль. В старые добрые дни, когда пребывал в расцвете сил его отец Игорь, соль привозили караванами по степи с Черного моря. Но теперь, когда южный торговый путь перерезали половцы, доставить соль, не подвергая себя опасности, можно было только с запада – из Галиции или из королевств Польского или Венгерского. А князь киевский намеревался создать торговый союз, который бы контролировал всю продажу соли в земле Русской.

Это предприятие было даже милее сердцу князя, чем поход против половцев. Почву для него он подготавливал много лет, выдав одну дочь за короля Венгерского, а другую – за короля Польского.

«Его ничто не остановит, – часто заявлял Святополк. – Тогда они поднимут цену и сделают целое состояние». Даже сейчас при мысли об изяществе этого плана он преисполнялся какой-то холодной радости.

Но его самого вступить в этот торговый союз не пригласили. Хотя он верно служил князю киевскому и никто не мог бы упрекнуть его в том, что он пренебрегает своими обязанностями, ему не предлагали войти в ближайшее окружение князя, и со временем он стал осознавать, что его влияние ослабевает. «Ему далеко до отца, каким тот был когда-то», – судачили люди. А нередко прибавляли: «И до брата». Услышав последнее замечание, он особенно терзался, стараясь не выдавать своих душевных мук, и особенно жаждал добиться всеобщего признания. Если князь не дарует ему богатства, то он найдет другие способы разбогатеть.

Так он начал вкладывать деньги в различные торговые предприятия, которые сплошь приносили одни убытки. Сначала он безуспешно пытался возить соль на Русь с Черного моря. Но хазарские купцы, согласившиеся участвовать в этом предприятии, вместе со своими верблюдными караванами пропали в южной степи. Пытался он и добывать железо в болотах, которые ему принадлежали. Два года упрямо понукал и подгонял он своих людей, но потом обнаружил, что за горстку железа, которую нашел, выручит меньше, чем затратил на ее добычу. Все его начинания провалились; однако чем беднее он становился, тем роскошнее жил в Киеве. «Пусть все увидят, каков Святополк Игоревич», – так решил он.

Ему удавалось скрывать свои убытки. Благодаря своей репутации и доброму имени отца он получал займы от купцов даже в далеком Константинополе. А теперь его долги выросли многократно, но о размере их не догадывался никто: ни его отец, ни брат, ни собственные дети.

Так он стал жертвой чудовищ, приходивших терзать его во сне.

Иногда в сновидениях его долг представлял ему орлом, могучей птицей, которая прилетала из-за Кавказских гор, стремительно проносила над выбеленными степным солнцем костями его верблюдов, парила над лесом в поисках своей жертвы и наконец, выпустив когти, заслонив своими огромными крылами небо, в ярости обрушивалась на него, и он просыпался с криком.

Другой ночью ему приснилось, будто он заблудился в лесу и набрел на нагую девуцу, лежащую на земле. Подойдя поближе, он, к своему восторгу, увидел, что она – самое прекрасное создание в мире, пригожее даже саксонки, которую когда-то отнял у него брат. Но когда он потянулся к ней, желая прикоснуться, она обернулась слитком чистого золота.

Охваченный еще большей радостью, он поднял ее, погрузил на своего коня и вез, пока не добрался до какой-то маленькой лесной избышки, где решил остановиться на отдых.

В избышке было пусто. Он внес ее в горницу и положил на стол возле печи. «Привезу тебя в Киев и расплаваю», – прошептал он, отвернувшись в поисках воды. Но когда вновь обратил на нее взор, золотая девица исчезла.

А вместо нее на столе со злобной ухмылкой на морщинистом лице расположилась Баба-яга.

Он почувствовал, что бледнеет и холодеет. Она протянула к нему руки.

«Отпусти!» – пронзительно вскрикнул он.

Но Баба-яга только рассмеялась сухим, отрывистым смехом, и ему показалось, будто кто-то колет орехи. Горница наполнилась едким запахом гниющих старых грибов, и Баба-яга проскрипела: «Сначала должок заплати!»

Потом она повернулась, отворила печную заслонку, длинной костлявой рукой схватила его и медленно повлекла в огонь, а он тем временем плакал и стонал во сне, точно испуганное дитя.

Но самым страшным кошмаром был третий. Именно он и не давал Святополку житья. Он всегда начинался в каком-то здании, но что это было: церковь ли, сарай, княжеский чертог, – он сказать не мог, потому что там царила тьма. Он тщился найти выход, беспомощно шаря в поисках хотя бы признаков окна или двери в этом пещерном мраке. Но, насколько хватало глаз, казалось, будто это пустынное, с высоким потолком помещение тянется и тянется без конца.

А вскоре он начинал ощущать его приближение.

Его тяжелые шаги гулким рокотом отдавались от железного пола, а эхо их терялось где-то высоко-высоко под неразличимой во тьме крышей. Если он поворачивался и бросался бежать, то понимал, что ужасные шаги внезапно начинали доноситься с той стороны, куда он в ужасе неся.

И он догадывался, что преследующее его чудовище – его долг. Оно придвигалось все ближе и ближе. От него не было спасения.

А потом чудовище представало его взору. Оно было вышиной с дом и такое же широкое. Оно было облачено в длинную темную рясу, наподобие монашеской, и потому Святополк не мог разглядеть его ног, явно железных. Но еще больший страх внушало его лицо, ибо лица у этого существа не было. На том месте, где надлежит быть лицу, росла лишь огромная, густая, седая борода; у призрака не было ни глаз, ни рта. Он был глух и незряч. Однако он неизменно, безошибочно, в точности знал, где скрывается его жертва, медленно, не разбирая дороги, сотрясая стены, наступал на нее – и Святополк беспомощно падал на железный пол, не в силах двинуться с места, и просыпался в холодном поту с криком ужаса.

«Есть только один способ спастись», – решил он.

Его отец Игорь составил весьма простое завещание. По обычаю наследования, принятому в княжеских домах, он не думал о внуках, а передавал все, что имеет, сыновьям.

Нажитое Игорем состояние, под старость его сделавшееся довольно внушительным, предстояло поделить на равные доли между двумя его оставшимися в живых сыновьями, а те, в свою очередь, должны были заботиться о матери на протяжении всей ее жизни. Этим все и ограничивалось. Если один из двоих сыновей умрет, прежде чем вступят в силу условия завещания, то оставшийся унаследует обе доли. Подобное завещание соответствовало духу времени.

Святополк примерно представлял себе, сколько стоит имение Игоря. Половины этих денег не хватит уплатить его долги. А если он получит все, то не только расплатится с долгами, у него даже останется скромный доход.

Щеку было не по себе, он и сам не знал почему.

В этот вечер разведчики вернулись с добрыми вестями. Они обнаружили зимний лагерь половцев. Большая часть половецкой орды перебралась на летние пастбища, где будет жить в шатрах. Постоянный зимний лагерь, обнесенный стенами небольшой городок, находился прямо перед ними. «Он наполовину опустел, – донесли разведчики, – там остался только малый отряд».

«Мы нападём на них завтра», – объявил князь.

Весь русский лагерь возликовал. Большинству казалось, что с тех пор, как их окружила пустая степь, прошла целая вечность, а теперь наконец это однообразие будет прервано, и им предстоит битва за половецкий городок. Если посчастливится, они возьмут немалую добычу. Теплой ночью от каждого походного костра доносилось негромкое пение.

Однако Щеку было не по себе. Возможно, его всего-навсего тревожила предстоящая битва, однако накануне его томили дурные сны, и потому, когда на счастливый лагерь опустилась ночь, он отозвал в сторону молодого хазара.

– Не отходи от боярина Ивана, – предупредил он, – береги его как зеницу ока.

– Когда? Сегодня ночью?

Щек нахмурился. Он сам не знал точно, что имел в виду. Поблизости возвышалось несколько деревьев да слегка колыхались под ветром высокие травы. Неужели там затаились половцы?

– Да. Сегодня ночью, завтра, каждую ночь.

А что, если этот полупустой городок – ловушка, западня? Щек не доверял половцам, он ненавидел их. Четыре года тому назад они убили его женушку и одного из четверых детей. Убили для забавы. Это была еще одна причина, по которой он умолил боярина Ивана взять его с собой в поход.

«Так чего ты боишься?» – спрашивал он себя. Он и сам не знал. Однако его не покидало всепоглощающее чувство опасности, ощущение измены, разлитое в воздухе.

Битва продолжалась недолго. Город занимал большую прямоугольную площадь, а окружали его невысокие стены из обожженной глины и земли. Войско, которое подошло к его укреплениям, вероятно, внушало его защитникам глубокий страх. Половцы поднялись на стены и храбро встретили врага; однако на них раз за разом, непрерывно, стал обрушиваться град русских стрел, разя всех направо и налево. Ближе к вечеру перед русскими, не потерявшими почти ни одного воина, отворили ворота; навстречу им вышли на переговоры парламентары, неся приветственные дары – вино и рыбу.

В расположенных рядами низких глинобитных домишках русские нашли запасы тонких восточных шелков, золото и драгоценности, вино с побережья Черного моря и с Кавказа. Этим

вечером они изрядно попиروвали – и в стенах завоеванного города, и в лагере, который разбили прямо у его стен.

Как раз на закате Иванушка вместе со Щekom и молодым хазаром выехали из лагеря, направившись вдоль русла небольшого ручья, и стали медленно объезжать половецкий город. Боярин ехал на Трояне, хазар – тоже на недурном вороном коне, а Щек довольствовался лошадкой поскромнее.

Иванушка остановился у половецкого кладбища, на дальнем конце города.

Могилы половецких воинов украшали странные изваяния – «каменные бабы»: высотой в четыре-шесть локтей, они имели облик людей – круглолицых, с высокими скулами, короткошеих, ширококоротых, с длинными висящими усами, в плоских, приплюснутых шлемах. Их миндалевидные глаза по большей части казались закрытыми. Тела их были широкобедрыми, со слишком короткими ногами; руки же, наоборот, непомерно длинные, были согнуты в локтях, идола либо держались за каменные пояса, либо прятали ладони в межножье. Эти массивные каменные фигуры, хоть и выглядели странно, были преисполнены удивительной жизненной силы – словно на миг замерли, предаваясь мечтам во время бесконечной скачки по степи.

Иванушка обернулся к хазарскому юнцу:

– Они умерли. А ты боишься смерти?

Молодой человек явно собрался с духом и промолвил:

– Нет, господин.

Иванушка улыбнулся:

– А ты, Щек?

– Не особенно. В эти дни бояться смерти не след, – мрачно ответил вдовец.

Иванушка вздохнул, но промолчал. Однако мысленно признался самому себе: «А я вот боюсь смерти».

Они поскакали дальше.

Это случилось глухой ночью. В небе светил месяц, однако поднялся он в самую высь, и его то и дело заслоняли длинные растрепанные облака, проплывающие мимо. Легкий ветерок покачивал камыши, обрамляющие ручей. В степи царило безмолвие. Весь лагерь, казалось, заснул.

Трое половцев осторожно перешли вброд мелкий ручей, почти не подняв шума. Лишь тихо плеснула вода да упала пара капель с оружия. Однако прибрежные заросли камышей заглушали и эти звуки. Лица лазутчиков были вычернены, малый отряд был вооружен мечами и кинжалами. Их могли бы и вовсе не заметить, если бы один из них, бывалый лазутчик, не подал сигнал остальным, квакнув по-лягушачьи.

Щек замер. Он спал вполглаза. Сердце у него тотчас же бешено забилося. Ни в лесу, ни в степи не было твари, чей голос был бы ему незнаком. Как бы ни был искусен половецкий соглядатай, а все же Щек сразу понял: это квакает человек. Он рывком сел, уставившись в камыши, мучительно вглядываясь в темноту.

Они следили за ним. Один из троих, их предводитель, уже преодолел ползком на животе от ручья по траве локтей двадцать, и от Щека его теперь отделяло всего-то с десяток шагов.

Щек вскочил. Он осторожно потряс за плечо молодого хазара, чтобы разбудить, а потом, взяв в одну руку копьё, а в другую – длинный нож, осторожно пополз по направлению к камышам. Хазарский юнец хотел было двинуться за ним, но Щек нетерпеливо отмахнулся, веля тому оставаться на месте:

– Не отходи от господина Ивана! – шепнул он.

Этот шепот и прогнал сон боярина.

Иванушка увидел, как смерд ползет в камыши. Он рывком сел, быстро соображая.

– Щек, назад! – прошипел он и потянулся за мечом. Но Щек отполз уже шагов на десять, решив во что бы то ни стало довершить задуманное.

Щек даже не успел заметить половца. Ослепительно вспыхнула жгучая боль в животе, словно гигантская змея внезапно подстерегла его и нанесла смертельный удар, впившись прямо под сердце.

Он громко вскрикнул, к своему удивлению поняв, что руки его неожиданно утратили силу, а звезды непостижимым образом понеслись вниз с небес, захватив и его с собою. Потом все затопила кровь. Потом, как ни странно, ей на смену пришел бесконечный белый холод, сияющий, подобно утреннему туману.

Двое других половцев ринулись вперед, а первый, сразив Щека, бросился, точно серый волк, к Ивану и к хазарскому юноше.

Хазар ударил его мечом, однако половец с легкостью уклонился и замахнулся на Иванушку кривым клинком. Иван отбил нападение. Половец проворно стал обходить его кругом, метя по ногам.

Хазар позвал на помощь. Его голос громко разнесся по лагерю. Один из половцев обрушил на него удар, но юноше чудом удалось отвести его меч. Он снова крикнул.

И тут, как ни странно, половец замешкался.

Хазар яростно ударил его мечом, почувствовал, как клинок оцарапал противнику плечо, ударил снова. Но враг уже исчез. Заслышав шум в пробуждающемся лагере, половец и его собрат стремительно бросились назад, в камыши.

Хазар обернулся. В лунном свете он увидел боярина, сошедшегося в смертельном поединке с первым половцем. Невозможно было понять, кто одерживает верх.

«Наконец-то, – подумал он, – я всем покажу, на что способен». И, стиснув рукоять меча, кинулся на нападающего.

И тут, к его изумлению, этот половец тоже обратился в бегство, не довершив начатого.

Хазар бросился на него, схватил за рукав, а когда тот споткнулся, влетел в него всем телом, стремясь сбить с ног.

Но тотчас же понял, что кто-то обхватил его сзади, точно клещами, и сжимает медвежьей хваткой, не давая броситься в погоню за половцем.

Как ни странно, удерживал его боярин Иван.

– Я же его поймал, господин, – возопил он, – поймал! Скорее в погоню, мы их возьмем! – взмолился он.

– Что, в темноте? – Иван по-прежнему не отпускал его. – Да они тебе горло перережут. Пусть бегут. Половцев завтра поубиваешь вволю.

Юноша умолк, признавая правоту боярина Ивана. Тот медленно разжал руки.

– Какие же трусы эти половцы! – пробормотал хазар.

– Может быть, – сухо откликнулся Иванушка, поворачиваясь к лагерю. – А моего бедного Щека они все-таки убили, – печально прибавил он.

Воистину, так и было. Юноша поглядел на крепкого старого крестьянина, лежащего неподвижно в луже крови, черным пятном растекающейся по залитой лунным светом траве.

Но ни тогда, ни позднее он так и не понял, почему Иван отпустил последнего половца. Да и Иван умолчал о том, кто был этот нападавший.

На главные силы половецкого войска они вышли несколько дней спустя. Те выстроились у реки. Иванушка и Владимир окинули взором длинную, темную, грозную линию. Половцы выстроили свои полки разумно, расположив на небольшом склоне, а это давало им некоторое преимущество. Справа двумя огромными кругами они поставили повозки и легкие колесницы, на которых в случае необходимости могли отступить.

Это было самое большое войско, которое когда-либо доводилось видеть Иванушке, шеренга за шеренгой конных воинов: облаченные в кожаные или легкие стальные доспехи, вооруженные копьями и луками, они могли нестись в атаку, бросаться на врага и лететь по степи, подобно соколам.

– Среди них я могу насчитать не менее двадцати князей, – заметил Владимир, хорошо знавший половцев.

– А Боняк?

Боняк Шелудивый считался самым ужасным, самым безжалостным врагом.

– Да как же без него! – весело откликнулся Мономах.

Войска безмолвно стояли друг против друга.

Именно тогда Иванушка что-то заметил. Происходила это перемена постепенно, неуловимо, так что даже зоркий Мономах поначалу не различил ее.

Ветер стал меняться.

Он протянул руку, дотронувшись до рукава великого князя, и кивнул, глядя на колышущиеся травы:

– Смотри.

Мономах проследил взглядом, на что указывает Иванушка.

– Ну, Богу слава.

Ветер понесет их стрелы на вражий стан. Сам Господь велит им наказывать поганых.

Битва, разыгравшаяся в тот день, запечатлелась в памяти людей русских.

«Стрелы наши плыли по ветру, – поведал потом Иванушка Эмме, – они парили в воздухе, точно ласточки». Войско половцев ожидало полное истребление, ведь Мономах, хотя и способный к великодушию в мирное время, на поле брани не знал жалости. Его презрение к половцам, которых часто обвинял он в нарушении клятв, не имело границ. Ни один половец, попавшийся ему под руку, не мог рассчитывать даже на тень милосердия. «Они на какие только уловки ни шли, – рассказывал впоследствии Иванушка об этом дне. – Они даже притворно обратились в бегство. Но мы стояли насмерть и в конце концов прижали их к реке». Русские разбили половцев наголову.

Однако об одном событии, случившемся в этот день, Иванушка никому не говорил. Оно произошло незадолго до окончания боя, и свидетелей ему не нашлось.

Во время битвы он почти не вспоминал о брате – не до того ему было. Однако внезапно, покосившись налево, он увидел одинокого русского боярина, окруженного троими половцами, которые раз за разом рубили его кривыми мечами, и тотчас же узнал Святополка.

Не задумываясь, пришпорил он коня и, оставив сыновей, поскакал на помощь брату. Половцы успели оттеснить Святополка к реке, и его скакун уже судорожно впивался задними ногами в осыпающуюся прибрежную землю. Поравнявшись с ними, Иван храбро бросился вперед, выбив из седла одного из нападавших. Но один из половцев мечом ударил коня Святополка по носу, тот встал на дыбы, и Святополк упал в бурлящую воду под отвесным берегом, с высоты примерно полутора сажень.

Иванушка нанес удар одному из половцев сзади, убив на месте; еще один обратился в бегство. Однако, бросив взгляд на реку, он увидел, что Святополка уже отнесло течением от берега. Вода быстро увлекла его прочь. На какой-то миг оглушенный падением, Святополк теперь пытался доплыть до берега, но кольчуга тянула его вниз. Он беспомощно взглянул вверх, на крутой берег, а потом, увидев брата, отвел глаза. В следующий миг он ушел на дно.

На мгновение Иванушка заколебался. Река в этом месте была глубокая. Святополк скрылся из глаз. Если он бросится за ним, его может постигнуть братняя участь. Внезапно на память ему пришли слова Каина из Ветхого Завета: «Разве я сторож брату моему?» – прошептал он. И, глядя на воду, впервые за много лет ощутил страх.

«Неужели я должен отдать жизнь за брата, который пытался убить меня?» – вопрошал он самого себя. Он огляделся. Самый жаркий бой переместился сейчас ближе к половецким кибиткам. На берегу же воцарилась странная тишина. Потом он снял с себя шлем и нырнул в воду.

Никто более не узнал, как близок он был в тот день к смерти.

Когда холодная вода сомкнулась над его головой, он почувствовал, как его одновременно влекут вниз мощное речное течение и тяжесть кольчуги. Ему понадобились все его силы, чтобы с трудом всплыть на поверхность, глотнуть воздуха и снова нырнуть.

Однако он нашел Святополка. Лицо брата уже посерело, он запутался в речных водорослях, которые обвилились вокруг его тела, словно упрямые, дерзкие русалки. Иванушка и сам не знал, как сумел его освободить, однако непостижимым образом ему это удалось, и он поплыл вместе со Святополком по течению, пока не вытащил его на берег. Потом перевернул его и помог освободиться от воды, попавшей в легкие.

Братья лежали рядом на речном берегу в изнеможении. Несколько минут ни один не произносил ни слова. Солнце высоко стояло на небе. Вкруг них над высокими травами, с любопытством разглядывая их, порхали птицы. Шум битвы совершенно смолк.

– Почему ты меня спас?

– Ты же мой брат.

Они на какое-то время замолчали снова. Иванушка чувствовал, что Святополк неминуемо заставит себя задать следующий вопрос.

– Но... вчера ночью... ты же знал?

– Знал.

– Значит, теперь мне еще всю жизнь нести бремя твоего милосердия, – простонал он. Промолвил он это беззлобно. Голос его был преисполнен невыразимой слабости.

– Ты забыл, – тихо напомнил ему Иванушка, – что я тоже не без греха. А бродяжничая да воруя, может быть, еще и больше твоего согрешил. Я вернулся наг и гол, но батюшка наш простил и вновь принял меня. А теперь поведай мне, братец, что подвигло тебя на вероломство?

Святополку показалось, что вся его ненависть к Иванушке внезапно прошла, ведь эта ненависть, подтачивавшая его год за годом, понукавшая и подгонявшая его, словно жестокий всадник – коня, эта ненависть и страдания полностью истощили его силы. Медленно, то и дело надолго замолкая, вперив взор в голубое небо в вышине, он поведал брату все, как есть.

– Тебе стоило только попросить меня о помощи, – мягко попенял ему Иванушка.

– Но просить – значит унижаться.

– Ты гордец, – с улыбкой заметил Иванушка.

– Моя гордыня ввергла меня в отчаяние и чуть было не погубила, – вздохнул его брат.

– Так проповедники и говорят, – сухо ответил Иванушка.

Этим летом, увидев наконец вожденную реку Дон, он заплатил долги своего брата.

Они вернулись с победой. Однако долгими теплыми осенними днями в этот же год мудрый советник великого Мономаха впервые за много лет вновь дал всей Руси повод именовать его Иванушкой-дурачком.

Он решил построить церковь.

Для богатого боярина в этом не было ничего удивительного. Однако Иванушка намеревался возвести церковь каменную. Но даже этот выбор, сколь бы расточительным он ни казался, сочли бы разумным, если бы он стал строить храм в Переяславле или хотя бы в крепости Русское.

Но он принял другое решение. Он задумал возвести церковь за стенами крепости, на маленьком холме, выходящем на реку и на деревню на восточном берегу.

«А поелику я понял теперь, что без помощи всех людей ожидает гибель, – объявил он, – то поставлю церковь сию во имя Богоматери, которая молит Господа снизойти к нам и простить нам грехи наши».

Так началось строительство маленькой церкви, освященной во имя Богоматери Заступницы.

Здание это было весьма скромное.

Четыре стены его были возведены из кирпича, камня и щебня и образовывали почти правильный куб. Над серединой этого куба помещался маленький, приземистый восьмиугольный барабан, поверх него лежал плоский купол, лишь чуть более глубокий по форме, чем перевернутое блюдо, а окаймлял его тоненький краешек крыши. Вот и все, всего-то куб с дырой сверху.

Если бы можно было заглянуть с неба внутрь этого маленького здания до того, как его покрыли крышей, то в его стенах обнаружили бы четыре колонны, составляющие площадь поменьше в середине и таким образом делящие внутреннее пространство на девять равных квадратов. Барабан с куполом покоились на четырех колоннах в центре.

Однако изнутри церкви это простое сочетание девяти квадратов могло восприниматься иначе. Колонны разделяли пространство храма вдоль на три нефа. Вначале, входя с западной стороны, молящийся попадал в притвор. Затем вступал в центральный неф, наос, находящийся под куполом. Именно он был сердцем церкви, именно там собирались на молитву верующие. И наконец, на восточной стороне располагалась святая святых храма, с алтарем посередине. На алтаре были установлены распятие и семисвечник, наподобие иудейской меноры, а слева стоял жертвенник, на котором готовились хлеб и вино для евхаристии.

Чтобы как-то смягчить суровость убранства и обозначить стороны света в здании, на восточной стене были установлены три полукруглые апсиды.

Крышу составляла череда простых цилиндрических сводов, покоящихся на стенах и центральных колоннах, а над ее открытой срединной частью вздымался барабан с лежащей на нем главой. В стенах были прорезаны длинные, узкие окна, а в восьмиугольном барабане под куполом – окна поменьше.

Все внутреннее убранство напоминало обычную византийскую церковь. Все главные церкви и соборы Православной церкви, например Святая София Киевская, с их многочисленными аркадами, опирающимися на колонны, и столь же многочисленными куполами, представляли собой лишь усложненные вариации этого простого архитектурного типа.

Однако при строительстве надобно было решить трудную техническую задачу: как установить восьмиугольный барабан на квадрате, полученном из четырех центральных колонн.

Хотя искусные русские строители, привыкшие работать с деревом, с легкостью могли возвести сколь угодно высокую кирпичную кладку, им предстояло поломать голову над задачей иного рода. Решить ее можно было двумя способами, и оба они были заимствованы с Востока: прибегнуть к так называемому персидскому тремпу, сводчатой конструкции в виде части конуса, напоминающей ступенчатую нишу, или к парусу, или пандативу, сферическому треугольнику, вершиной опущенному вниз, – эта конструкция была изобретена в Сирии восемь веков тому назад.

Это была всего-навсего пазуха сводов, и возникала она, как если бы на внутренней стороне сферы вырезали фрагмент в форме буквы V или треугольника. Отходя кривой линией от несущей колонны, эта буква V своим острым углом могла поддерживать круг или восьмиугольник вверх.

Благодаря этому зодческому решению, столь же простому, сколь и изящному, купол сверху казался воздушным и словно парил над головами прихожан.

Выбирая внешнее убранство церкви, Иванушка взял за образец великие киевские храмы и велел чередовать кирпич и камень, соединяя их толстыми слоями строительного раствора, смешанного с кирпичной пылью, и оттого все здание приобрело мягкий розоватый оттенок.

Внешние края тройных, плавно изогнутых закомар он приказал дополнительно подчеркнуть изящными перекрытиями.

Вот какую маленькую русско-византийскую церковь построил странный, ни на кого не похожий боярин. Она была совсем крохотная – для малой паствы. Если бы в Русском все жители разом решили помолиться в ее стенах, храм оказался бы переполнен. Работы были начаты осенью 1111 года и под неусыпным контролем Иванушки продолжались весь следующий год.

1113

В 1113 году разразилось народное восстание. Поводы для недовольства имелись у народа вполне оправданные, и виной тому было тягостное сочетание повсеместной коррупции, сговоров, а еще тем, что властям словно и не было никакого дела, как живет простой народ. И во всем этом участвовали правящие князья.

Спекулятивная скупка и перепродажа товаров, из-за которой погряз в долгах Святополк, все усиливалась. И верховодил в этих сомнительных делах не кто иной, как князь киевский, который с возрастом сделался не мудрее, но ленивее и корыстнее.

От коррупции не было спасенья. Сильные мира сего обрекали крестьян на долговую кабалу, займы давались под несусветно высокие проценты. Мелких ремесленников и смердов повсеместно вынуждали переходить в закупы. В конце концов, раз обзаведясь закупом, заимодавец получал очень дешевую рабочую силу. А если где-то в отдаленных имениях друзья князя пренебрегали законами, регулирующими зависимое положение закупа, и продавали его в рабство, князь закрывал на это глаза. Из-за всех этих злоупотреблений чаша народного гнева переполнилась.

Но более всего возмущали народ тайные сговоры, в которые вступали крупные купцы. Цель их была проста и цинична: получить монополию на торговлю жизненно важными товарами и поднять на них цены. Худшим из зол был соляной картель.

Князь киевский добился в торговле солью немалого успеха. Он намеревался взять под контроль весь ввоз соли из Польши, осуществил свой план, и цены на соль взлетели до небес.

«Нам что же, теперь гостей одним хлебом встречать?» – саркастически вопрошали его подданные, ведь всякий славянин с незапамятных времен приветствовал гостя у себя на пороге, поднося ему хлеб-соль.

Однако князю киевскому не было дела ни до чего, кроме корысти и наживы. Все оставалось по-прежнему.

А потом, 16 апреля 1113 года, он умер.

На следующий день произошло почти неслыханное событие.

За много лет до этого, после беспорядков 1068 года, князь киевский перенес место сбора веча с Подола на площадь у княжеского дворца, откуда легче было следить за ненадежным народом. Кроме того, вече теперь разрешалось созывать только митрополиту или боярам. Но сейчас все препятствия, установленные властями предержащими, были сметены. Ни у кого не спрашивая дозволения, народное вече собралось по своей собственной воле. И проходило оно одновременно бурно и решительно.

«Свободных людей делают рабами», – справедливо заявляли собравшиеся. «Сговоры творят, чтобы нас разорить!» – говорили доведенные до отчаяния о картелях.

«Давайте вернемся к законам Ярослава!» – требовали многие. И действительно, в «Русской правде», своде законов, некогда составленном Ярославом Мудрым и его сыновьями, особо

упоминалось, что закупа в раба превращать было нельзя. «Не такой князь нам нужен, – кричали люди, – надобен князь справедливый, князь, который будет закон блюсти!»

Во всей земле Русской был только один такой человек, и потому киевское вече 1113 года пригласило на киевский престол Владимира Мономаха.

«Слава Богу!»

Иванушке казалось, что наконец-то в земле Русской наступит порядок. Когда пришла весть о смерти князя киевского, он находился в Переяславле и, не вызывая даже сыновей из имений, чтобы не терять времени, во весь опор поскакал в столицу.

То, как правил старый князь, уже давно вызывало у него отвращение. В Русском и его северо-восточных вотчинах крестьян не угнетали и соблюдали законы. Однако он знал, что таких вотчин немного. На братьев покойного князя Киевского Иван не очень полагался и думал, что ежели кому из князей и исправлять кривду на земле Русской, то лишь одному – Владимиру Мономаху. И еще думал Иван, что не потому он так считает, что люб ему его князь и покровитель, а потому, что воистину тот достоин его любви.

По прибытии в Киев он обнаружил, что народное вече выбрало того же правителя.

Не успев даже навестить брата, он немедленно отправил одного из слуг к Мономаху с посланием: «Иван Игоревич ждет тебя в Киеве. Приди, возьми то, что по праву предлагает тебе вече».

Потому-то и огорчился Иван, войдя в дом своего детства и обнаружив, что старший брат его чаяний не разделяет, а лишь угрюмо качает головой.

«Ничего не выйдет», – сказал ему Святополк.

Со времен похода против половцев между ними установились ровные, ничем не омрачаемые отношения, и оба были тем довольны. Они не сделались друзьями, но ненависть, снедавшая старшего брата на протяжении всей жизни, точно неугасимое пламя, наконец догорела, рассыпавшись угольками. Святополк чувствовал себя старым и усталым. Благодаря Иванушке он не знал недостатка в деньгах. Жил он в совершенном одиночестве. Сыновья его служили в других городах, он же предпочел остаться в Киеве, где его почитали и как боярина, и – увы, незаслуженно – как оборотистого разумного мужа, добившегося успеха. Но на мир Святополк взирал без особого восторга. «Говорю тебе, – повторял он, – не быть Мономаху князем киевским».

Два дня спустя оказалось, что он был прав, ибо Киева достигла весть, что Мономах отказывается сесть на столичный престол.

В каком-то смысле у него не было выбора. По правилам престолонаследия власть должна была перейти не к нему, ведь существовали старшие ветви его рода, которые и должны были княжить по праву первородства. И потом, разве сам он всю свою жизнь не делал все возможное, чтобы престолонаследие совершалось по закону и никто не нарушал мира? Негоже ему отказываться от собственного обычая, тем более по призыву черни, которую ему, князю, надобно держать в узде? Он не пришел.

А потом началось восстание.

В то роковое утро Иванушка ездил в Киево-Печерский монастырь, проскакав верхом по лесу туда и обратно. Он не догадывался, что город объят смутой, пока, добравшись до Подола, не увидел внезапно несколько столбов дыма, поднимавшегося кверху. Он прищепил коня и опрометью поскакал к княжескому дворцу. И повстречал торговца, удирающего на телеге из города. Вспотевший и запыхавшийся, тот знай нахлестывал лошадей.

– Что в городе творится? – крикнул Иванушка.

– Убивают нас, боярин, – откликнулся тот, – не шадят ни купцов, ни знать. Поворачивай назад, господин, – добавил он, – туда разве что дурак ползет.

Иван мрачно улыбнулся в усы и продолжил путь, теперь уже по Подолу. На улицы высыпали толпы, люди носились туда-сюда. Возмущение, казалось, возникло стихийно и охватило весь город. Попадались мелкие торговцы, которые закрывали ставнями свои дома и лавки, в то время как другие сбивались в маленькие вооруженные отряды прямо на улицах. Несколько раз он на коне с трудом протискивался сквозь густую толпу.

На какой-то узенькой улочке он столкнулся с двумя десятками мятежников.

– Гляди-ка, – завопил один из них, – боярин! – И они бросились на него с такой яростью, что он едва сумел вырваться и ускакать.

Людские толпы устремились в центр города. Он уже видел пламя, вздымающееся над Ярославовым двором. Им овладела одна-единственная мысль – разыскать и спасти Святополка.

А когда он доскакал до Жидовских ворот, глазам его предстало зрелище, от которого он похолодел и на миг забыл даже о брате.

Впереди запрудила улицу толпа числом не менее двухсот человек. Они плотным кольцом окружили дом. И если все, кого он встречал до сих пор, показались ему либо раздраженными, либо взволнованными, то на лицах этих мятежников застыло выражение жестокости. Некоторые даже злорадно улыбались, предвкушая безнаказанные убийства и мучения тех, кто попадется им в руки.

Окруженный восставшими дом принадлежал старому Жидовину Хазару.

По толпе разнесся радостный гул.

– Подпалим-ка их, – крикнул кто-то.

Толпа одобрительно загудела.

– Жареное поросю вертела просит! – весело прокричал какой-то высокий, тучный мятежник.

Иванушка заметил, что некоторые держат в руках горящие факелы.

Злодеи уже готовились поджечь дом, однако было件нятно, что они жаждут не столько спалить постройку, сколько выкурить обитателей.

– Мерзавцы! – завопил один мятежник.

– Жиды! – крикнула какая-то старуха.

И тотчас же еще несколько в толпе подхватили этот крик.

– Выходите, жиды, давить вас будем!

Иванушке все было ясно с этими людьми. Многие еврейско-хазарские купцы были небогаты, более того, почти все главы картелей, разоряющих и притесняющих бедняков, были христианами славянского или варяжского происхождения, но кому сейчас до того было дело? Разгоряченная мгновением кажущегося всевластия, разъяренная толпа, жаждавшая крови и мщения, припомнила, что враги их – чужеземцы. А чужеземца можно бить и гнать с полным правом – никто за него не вступится.

Именно в эту минуту, окидывая взглядом дом, Иванушка заметил в окне одно-единственное лицо.

Это был Жидовин. Он отрешенно смотрел на улицу, не зная, что и поделать.

Один из мятежников протиснулся сквозь толпу с длинной, тонкой пикой в руках.

– А ну, кликни-ка своих мужиков! – прокричал он.

– Откуда там мужики – у жидов-то? – откликнулся кто-то, и по толпе прокатился взрыв хохота.

То было правдой: кроме нескольких слуг и старика-хозяина, мужчин в доме не осталось.

– Значит, баб пошли! – проревел все тот же мятежник.

Иванушка собрался с духом и двинул коня вперед, сквозь толпу. Тотчас раздались злобные выкрики:

– Это еще что такое?

– Боярин, чтоб его!

– Еще один душегуб-кровопийца!

– Долой его с коня!

Кто-то вцепился ему в ноги; мимо его лица, чуть было не задев, пролетело копье. Иван хотел ударить ближайших нападавших кнутом, но осознал: одно резкое движение – и ему конец. Медленно, невозмутимо, терпеливо он направлял своего коня вперед, осторожно прокладывая путь, раздвигая толпу. Потом обернулся.

Иван глядел на толпу, а мятежники глядели на него.

И, к своему собственному удивлению, он ощутил новый, неведомый прежде страх.

Никогда раньше не приходилось ему сталкиваться с разъяренной толпой. Он грудью встречал половецкую орду, он неоднократно смотрел в лицо смерти. Но ни разу не обступала его стеной ненависть. Это зрелище вселяло ужас. Еще того хуже, он словно окаменел. Ненависть толпы поразила его, точно целенаправленная, неудержимая сила. Он чувствовал собственную наготу, робость и, как ни странно, стыд. Но чего ему стыдиться? Не было причин для стыда. Да, он боярин, но не сделал этим людям ничего дурного. Так отчего тогда он пред ними словно виноватый? Сила их общей яростной ненависти обрушилась на Ивана, словно мощный удар в грудь.

И тут толпа затихла.

Иванушка схватил удила и ласково потрепал коня по шее, чтобы подбодрить и успокоить. «Как странно, – подумал он, – неужто половцы меня не убили, а от киевлян смерть приму?»

Человек с пикой указывал на него. Как и большинство в толпе, он был одет в грязную льняную рубаху, перехваченную кожаным поясом; лицо его почти полностью скрывала черная борода, волосы падали на плечи.

– Что ж, боярин, говори что хочешь – перед смертью! – воскликнул он.

Иванушка попытался бестрепетно выдержать его злобный взгляд.

– Я – Иван Игоревич, – ответил он громко и уверенно. – Я служу Владимиру Мономаху, которого хотите вы посадить в Киеве. Я отправил ему гонца, от своего имени и от вашего, моля его поспешить на киевское вече.

По толпе прокатился слабый гул. Мятежники явно не могли решить, верить ему или нет. Человек с пикой прищурился. Иванушке показалось, что еще миг – и мятежник ринется на него. И тут откуда-то донесся голос:

– Это правда. Я его видел. Он служит Мономаху.

Человек с пикой обернулся к говорящему, а затем снова к Иванушке. Иванушке показалось, что смутяны разочарованы.

Волна ненависти отхлынула от толпы.

– Добро пожаловать, слуга Мономахов, – мрачно приветствовал его мятежник с пикой. – Тебе-то что за дело до наших жидов?

– Они под моей защитой. И под защитой Мономаха тоже, – добавил Иванушка. – Они не причинили вам никакого зла.

Мятежник пожал плечами:

– Может, оно и так. – И тут, почувствовав, что настал миг упрочить свое нынешнее положение уличного главаря, он обернулся к толпе и заревел: – За Мономаха! Пойдем искать других жидов!

Толпа повалила за ним.

Иванушка вошел в дом. Там оставался только старый Хазар да две женщины-служанки. Он пробыл с ними в доме до вечера, когда шум и возмущение в городе несколько стихли. Только после этого отправился в дом брата.

Все случилось, как он и опасался. Мятежники добрались до высокого деревянного терема еще днем. Насколько он мог судить, Святополк не пытался бежать. Предполагая, что боярин

куда богаче, чем он был на самом деле, разъяренная толпа убила его, разграбила дом и сожгла дотла.

Иванушка нашел обугленные останки брата, произнес молитву, а потом в спускающихся сумерках вернулся, как и много лет тому назад, искать приют в доме Хазара.

Как странно было спустя много лет вновь оказаться в этом доме и сидеть при свете свечей наедине со старым Жидовином.

Жидовин уже пришел в себя после нападения толпы. А Иванушка, хотя и опечаленный гибелью Святополка, обнаружил, что скорбь его велика, но не чрезмерна.

Они вместе поужинали, тихо обмениваясь немногими словами, однако Иванушка заметил, что старик, хотя и погружен в грустные размышления о событиях сегодняшнего дня, хочет сказать ему что-то важное. Поэтому его не удивило, когда тот, завершая трапезу, внезапно резко сказал:

– Конечно, ничего этого не случилось бы, если бы страной управляли как полагается.

– О чем ты? – почтительно спросил Иванушка.

– Да о князьях русских, – презрительно ответил Хазар, – о дураках этих. Никто из них и ведать не ведаёт, как построить государство. Нет у них законов, нет никакой системы.

– У нас есть законы.

Жидовин пожал плечами:

– Зачаточные законы славян и варягов. Ваши церковные законы лучше, признаю. Однако вы переняли их у греков и римлян, из Константинополя. Но кто стоит во главе вашего правления, какое бы оно ни было? Чаще всего хазары и греки. Почему народ сегодня взбунтовался? Потому что князья ваши либо нарушают закон, либо не заставляют соблюдать закон, либо просто не принимают законов, которые мешают им бесчинствовать.

– Воистину, нами всегда правили дурно.

– Оттого, что нет у вас законов и системы, и измениться ничто не может. Ваши князья все воюют друг с дружкой, а земля слабеет, и даже порядок наследования не установят, чтоб мир воцарился.

– Но, Жидовин, – возразил Иванушка, – разве не правда, что наследование от брата к брату мы переняли не у северян-варягов, а у тюрков? И стало быть, мы заимствовали его и у вас, хазар?

– Может быть. Но ваши русские князья не способны соблюдать порядок. Уж это ты отрицать не можешь. Разруха, разруха во власти.

Иван с ласковой снисходительностью поглядел на него. Старик говорил дело, но Иванушка не был до конца убежден в справедливости его слов.

Толпа с ее тупой кровожадностью и ненавистью к евреям была ему противна, и все ж таки он невольно думал: «Как же ошибаются эти евреи! Все бы им системы да законы – нет, мы пошли дальше их». Он вздохнул, а вслух сказал:

– Знаешь, законом не все исчерпывается.

Жидовин изумленно воззрился на него.

– Но у вас и того нет, – резко сказал он.

Иван покачал головой. Как же ему объяснить, что его, Жидовина, образ мыслей – неправильный.

Нет, знал Иван систему мира куда лучшую, чем у хазар, – христианскую.

Сам он, пожалуй, не мог найти нужных слов, но это было не важно.

Ибо разве они уже не были произнесены – красноречивее и убедительнее, чем все, что могло прийти ему на ум, в самой знаменитой проповеди, когда-либо прочитанной в русской церкви?

Она была произнесена незадолго до его рождения, но получила такую известность, что уже ребенком он запомнил фрагменты ее наизусть. Эту проповедь великий славянский священнослужитель Иларион прочитал в память Владимира Святого. Он назвал ее «Словом о законе и благодати». А смысл ее был весьма прост. Иудеи дали человечеству Закон Божий. Но затем пришел Сын Божий и принес высшую истину – торжество благодати, непосредственной любви Господней, бесконечно превосходящей любые правила и установления. Именно это чудесное послание новая Церковь и откроет гигантскому миру леса и степи.

Как же ему рассказать об этом старику Жидовину? Имеющий вместить – да вместит, только ведь евреи никогда не примут этого учения.

Но разве его собственный жизненный путь не был паломничеством в поисках благодати? Разве сам он, Иванушка-дурачок, не открыл для себя любовь Господню без всяких сборников законов?

Иванушке не по душе пришелся мир законов, установлений и предписаний, каким видели его евреи. Вся природа его восставала против этого расчисленного мира. По Господней благодати все должно было решаться намного проще.

– Все, что нам нужно, – втолковывал он Хазару, – это мудрый и благочестивый человек, достойный князь, сильный правитель.

Этому средневековому мифу суждено было стать проклятием для большей части русской истории.

– Славу Богу, – продолжал он, – у нас есть Мономах.

Однако перед расставанием Иванушка подарил старику подвеску, маленький металлический диск, который носил на цепочке на шее и на котором был изображен трезубец – тамга клана его предков.

– Пусть он напоминает тебе о том, – промолвил Иванушка, передавая Хазару амулет, – что ты спас жизнь мне, а я – тебе.

А несколько дней спустя, по благодати Господней, князья склонились перед волей веча, и так – благодаря народному бунту – началось правление одного из величайших монархов, которого знала Русь, – Владимира Мономаха.

Радость Иванушки от восшествия на престол Мономаха еще более усилилась, когда той же осенью возведение маленькой церкви в Русском завершили с быстротой, граничащей с чудом.

Он часто приезжал в деревню и оставался там по целым дням, притворяясь, будто проверяет, как идут дела, но втайне наслаждаясь удивительным покоем и миром, царящим в этом местечке.

Но более всего любил он на исходе дня глядеть на эту каменную жемчужину. Каким нежным сиянием облекалась по вечерам церковь, когда лучи заходящего солнца освещали ее розовые стены.

Иван сидел, умиленно созерцая маленькое здание, вопреки обстоятельствам воздвигнутое на поросшем травой холме над рекой, выделяющееся на фоне темного леса, а солнце тем временем медленно опускалось за горизонт.

Не было ли разлито ощущение угрозы, тайной опасности, печали над золотым византийским куполом, когда на нем вспыхивали последние закатные лучи? Нет. Иван полагался на свою веру. Ему казалось, будто ничто никогда не нарушит покоя и безмятежности маленького дома Божьего, возведенного перед дальним лесом, над рекой.

Вся природа, казалось, была исполнена умиротворения в необозримом русском безмолвии.

А еще он иногда думал: как странно, что когда он стоял на берегу возле церкви и глядел в бескрайнее небо над бесконечной степью, то, куда бы ни плыли облака, само небо казалось подобным великой реке, одновременно неподвижной и уходящей вдаль, вечно уходящей.

И легкий ветерок с востока пролетал над землей, едва касаясь.

Глава третья. Татарин

Декабрь 1237

Широкое монгольское лицо всадника было настолько обветренным, что приобрело охристо-коричневый оттенок.

Борода и усы его, жидкие, черные, ниспадали отдельными прядями.

Поскольку дело было зимой, он был закутан в пышные меха, а под ними скрывались одеяния тончайшего китайского шелка. Он носил войлочные носки, а поверх них – тяжелые кожаные сапоги. Голову его венчала меховая шапка.

На самом деле ему исполнилось всего двадцать пять, но ветер и непогода, война и лишения, которым он постоянно подвергался в открытой степи, превратили его в человека без возраста.

На поясе у него висела кожаная фляга с перебродившим кобыльим молоком, кумысом, который так любили его соотечественники. К седлу был приторочен мешок с сушеным мясом. Ведь монгольский воин всегда выступал в поход, запасшись всем необходимым.

Среди самого необходимого была и жена: вместе с сыном-младенцем она ехала в гигантском верблюжьем обозе, который перевозил имущество позади войска.

Лишь одним этот воин отличался от других. Четыре года тому назад вражеское копье едва не вонзилось ему в левый глаз, но только глубоко рассекло высокую скулу, соскользнув наискось по щеке и отрезав ему почти все ухо, так что от него остался только неровный обрубок. «Повезло», – заметил он и более об этом не думал.

Звали его Менгу.

Медленно двигалось гигантское войско по замерзшей степи. Как обычно, оно было выстроено пятью отрядами: по два, друг за другом, в авангарде и в арьергарде, с каждого фланга, а пятый отдельно располагался посередине.

Менгу находился на правом фланге. За ним ехала сотня, которой он командовал, легкая кавалерия, где каждый всадник был вооружен двумя луками и двумя колчанами и мог стрелять прямо с седла, скача галопом. Луки были устрашающим оружием: очень большие, составные, с силой натяжения тетивы, равной трем с половиной пудам, то есть более мощные, чем прославленные английские «длинные луки». Их дальнобойность доходила примерно до ста пятидесяти саженей. Как и все его люди, Менгу научился стрелять из лука в возрасте трех лет.

Слева от него ехал отряд тяжелой кавалерии, вооруженный саблями и копьями, боевыми секирами или булавами – что кому было более по вкусу – и арканами.

Сам Менгу восседал на вороном скакуне, и потому в нем тотчас можно было узнать воина Черного отряда – элитной ханской гвардии. В огромном табуне запасных коней, перегоняемых позади войска, бежали и его четыре жеребца, все вороные.

Он был рад тому, что его жена и первенец сейчас рядом с ним. Он хотел, чтобы они стали свидетелями его торжества. Ибо в этом походе он впервые получил под начало сотню воинов.

В основе монгольского войска, как и всей империи, которая из него выросла, лежала десятичная система исчисления. Низшим воинским подразделением считался десяток, далее следовала сотня. Более важные люди командовали тысячей, а темники имели под своим началом тьмы, отряды численностью десять тысяч. Менгу командовал сотней. «К концу этого похода, – обещал он жене, – я стану тысяцким». А к тому времени, как будут завоеваны все остальные западные страны, которые, по словам купцов, простираются до самого края обитаемой суши, он, возможно, сделается даже темником.

Однако, как ни жаждал он повышения, надобно было проявлять осторожность.

Ибо, хотя все люди были равны на службе у Великого хана и получали должности, награды и отличия по заслугам, важнее всего была верность суждения и такт. Ведь, как гласила старинная пословица, родившаяся в азиатской степи: «Если ты знаешь слишком много, тебя повесят, а если будешь вести себя слишком скромно, на тебя наступят».

Хорошо было, например, то, что его клан в милости и чести. С полным правом он мог сказать о себе монгольской поговоркой: «Два темника от той же кости, что и я». Происхождение уже помогло ему вступить в ханскую гвардию.

Было и еще одно обстоятельство, которое, как он полагал, могло способствовать его повышению.

На одном из проводимых Великим ханом смотров красавиц, куда посылали своих дочерей все знатные монголы, была избрана его сестра. «Дева, подобная луне», – заметил сам Великий хан, а это была высочайшая похвала. В качестве главной наложницы она предназначалась самому хану Батыю. Несколько раз он видел ее возле ханской юрты.

«Она найдет способ обратить на меня его внимание», – самонадеянно думал он, удовлетворенно обращая свое жестокое, бесстрастное лицо к горизонту.

Менгу знал, что вскоре они выйдут на опушку леса.

Согласно основанному на двенадцатилетнем цикле календарю монголов, в котором каждому году покровительствовало свое особое животное, до года крысы оставалось еще два. К концу года крысы русская земля будет завоевана. Это было столь же неопровержимо, как и то, что солнце встанет утром, а звезды засияют ночью.

Ибо монголы намеревались завоевать весь мир.

Так повелел им Чингисхан. Чингисхан, по рождению – глава знатного рода, в 1206 году, всего лишь за тридцать лет до описываемых событий, объединил под своим началом монгольские кланы и, по образцу правителей древнетюркских империй азиатской равнины, взял себе титул кагана, или хана.

Многие до него носили этот титул, но никто никогда не построил империи, подобной той, что предстояло основать монголам.

Чингиса именовали также Далаем – «всемогущим».

Выйдя со своей родины, с пастбищных земель к северу от пустыни Гоби, эти всадники, чуть ли не с рождения ездившие верхом и стрелявшие из лука, ринулись на юг и, преодолев Великую стену, вторглись в Китай, а затем понеслись на запад, избрав целью нападения тюркские государства Средней Азии, которые теперь приняли ислам. Государства эти были отнюдь не беззащитными, напротив, весьма могущественными. Они оказали монголам ожесточенное сопротивление. Однако Чингис сокрушил их. Через несколько лет пал Пекин, к 1220 году Чингисхан покорил большую часть Персии, а потом, подобно всем завоевателям с востока, монголы перешли через протянувшуюся полумесяцем горную цепь и понеслись по великой, широко раскинувшейся северно-евразийской равнине.

Любая азиатская империя стремилась взять под контроль богатые караванные пути, ведущие на запад. Это приносило огромные прибыли. Однако Чингисхан жаждал не просто подчинить себе караванные маршруты, но основать государство, которое стало бы править всем миром. Такова была его миссия, таков был его долг.

«Тенгри, бог Великого Голубого Неба, даровал мне власть над всеми, кто живет в войлочных юртах», – объявил он. Но Чингисхан имел в виду не только степных кочевников, но и все цивилизованные народы. И, подобно китайским императорам, которых он победил, стал величать себя Сыном Неба.

Целью его, о которой не без некоторых оснований часто забывает популярная история, было установление всеобщего мира. Правила нового миропорядка Чингис установил в уложе-

нии законов, великой Ясе, копии которой, подобно ковчегу Завета, таящему скрижали, считались священными и, скрытые от всех, хранились в каждой из монгольских столиц.

«Все люди равны, – провозглашала Яса, – и все они, по своим способностям, должны служить Великому хану». Подобную формулу использовали в своих законах и другие империи, например Китайская. «Стариков и бедных также надлежит защищать», – повелевала Яса. И действительно, империя Чингисхана была неким подобием государства всеобщего благосостояния.

Будучи мудрее многих деспотов, Чингисхан также позволял свободу вероисповедания. «Поклоняйтесь любым богам, каким хотите, – заявлял он покоренным народам, – лишь неизменно поминайте в своих молитвах Великого хана». И все законы, все уложения, все правила скреплялись одной-единственной формулой: «Един Бог в небесах, один правитель на земле – великий Чингисхан».

В 1227 году Чингис умер. Многие верили, что, подобно соколу, тамге своего клана, он вознесся на небеса. Однако его империя не дрогнула. На протяжении столетий ханы будут избираться из числа его прямых потомков. Империя, которую в своем завещании оставил сыновьям и внукам Чингисхан, была поделена на четыре части. На Востоке с каждой стороной света связывался определенный цвет: север считался черным, юг – красным, восток был синим, а запад – белым. А с царственным средоточием всего мира, центром Вселенной, ассоциировался золотой цвет.

Вот почему потомков Чингиса стали именовать Золотым родом. Своим сыновьям Чингис отдал приказ расширять границы империи. А в завещании даровал каждому не серебро и золото, а войска, способные их завоевать.

Великое войско, наступающее на западный мир в 1237 году, возглавлял хан Батый, младший правитель и внук Чингисхана. Правый его фланг вел в битву великий монгольский полководец Субэдэй. Перед походом курултай Великого хана решил, что войско Батыя, хотя оно и принадлежит западной части империи, будет усилено крупными соединениями остальных трех. По приблизительным оценкам, оно насчитывало сто пятьдесят тысяч; ядро его составляли монголы, остальные – тюрки из покоренных стран Средней Азии.

С тех пор и это войско, и огромную западную империю, которой ему суждено было править, принято именовать Золотой Ордой. На самом деле это название появилось в результате неверного прочтения текста, написанного много веков спустя. Гигантские западно-монгольские земли именовались не золотыми, а белыми, поскольку располагались на западе. А Орда этой огромной белой четверти, которая явилась покорить Русь, называлась Белой Ордой.

Монгольская разведка работала прекрасно. Прежде, во времена Чингисхана, монголы совершили вылазку в южную степь, за Дон, но русские не поняли, что это за воины, и не увидели опасности в их появлении. С тех пор лазутчики регулярно приносили важные сведения, регулярно допрашивались торговые караваны, степь всегда полнилась слухами. Русские почти не подозревали о существовании монголов, а правители могущественной империи тем временем готовили план нападения на Русь.

«Этот поход не продлится долго», – сказал Менгу своей жене.

Действительно, если монгольский курултай полагал, что на завоевание всей Китайской империи, от севера до юга, может потребоваться шестьдесят лет, то на покорение Руси отводилось всего три года.

Чтобы представлять себе внешний облик и природу русских княжеств, нужно посмотреть на три крупнейшие русские реки. Очертания их повторяют весьма несложную фигуру, ибо напоминают, грубо говоря, прописную латинскую букву R.

Во-первых, с незапамятных времен существовала протянувшаяся с севера на юг великая сеть водных путей, которая вела от холодных северных земель на побережье Балтийского

моря к югу, до широкой реки Днепр, а оттуда, через светлый лиственный лес, по южной степи, где подстерегают опасности, и, наконец, впадала в теплое Черное море. Эти водные артерии составляли вертикальную черту нашей воображаемой буквы R, на севере которой располагался Новгород, в центре – Смоленск, а на юге, над самой степью, – Киев.

Косую черту буквы R, простирающуюся из центра в степь, а оттуда южнее, к восточному берегу Черного моря и поселению Тмутаракань, составляла река Дон.

Петлю буквы R описывали две реки: верхнюю ее часть, начиная свой путь гигантским изгибом, прорезывающим темные северо-восточные леса, а затем вновь поворачивающим на юг, составляла могучая Волга; нижнюю часть петли формировала медлительная Ока, которая, изгибаясь, поворачивала на север, где воссоединялась со своей сестрой. От места их слияния, примерно на середине петли, Волга снова несла свои воды на восток, продолжая путь по бескрайней Евразийской равнине.

Внутри этой огромной петли, на землях лесистых и болотистых, где с незапамятных времен обитали первобытные финские племена, постепенно стали возникать города: Суздаль – в центре; Ростов – дальше к северу; на внешнем контуре «петли», на реке Оке, – Рязань; а севернее – Муром.

Русь питали четыре главные реки: Днепр, Волга, Ока и Дон. Руслы их простирались примерно на полторы тысячи верст от ледяного севера до теплого Черного моря, а с запада на восток, поперек «петли», – почти на семьсот пятьдесят. Вот каковы были внешние очертания княжеств русских.

Однако за столетие, прошедшее со времен правления Владимира Мономаха в Киеве, в русских княжествах произошла одна серьезная перемена. Их правители стали все больше интересоваться землями, расположенными внутри «петли» буквы R. Росли и ширились новые города вроде Ярославля и Твери. Мономах сам основал на землях суздальских крупный город и дал ему свое имя – Владимир. Тем временем на юге – не только из-за продолжающихся набегов степных кочевников-половцев, но и из-за почти полного разграбления Константинополя крестоносцами, которые не гнушались никакой добычей и давно утратили страх перед Богом, – причерноморская торговля захирела, а великий город Киев вступил в полосу медленного упадка.

В результате всех этих изменений центр тяжести в земле Русской переместился на северо-восток. Гордые потомки Мономаха предпочитали лесные края, куда не проникали половецкие налетчики. Главный представитель правящего клана теперь именовал себя великим князем владимирским, а златоглавый Киев, подобно некогда знаменитой, стареющей, но все еще поражающей воображение красавице, сделался предметом роскоши, которым богатые и могущественные князья любили похвастаться, как изысканным украшением.

Великие князья владимирские действительно обрели немалую власть. Обычно в их руках находился Новгород и вся его огромная торговля с ганзейскими немецкими и даже более далекими городами. Именно во Владимире встречали крупные караваны, приходившие по степи и по лесу из земель волжских булгар и с Ближнего Востока.

А чтобы возвысить свою новую северную столицу, придав ей еще и религиозную значимость, владимирские князья привезли из Греции святой образ Божьей Матери и поместили в новом владимирском соборе. Не было на всей Руси реликвии более почитаемой, чем икона Владимирской Божьей Матери.

Однако земля русская страдала одним существенным изъяном: она была раздроблена. Хотя правило, согласно которому княжеский престол переходил по наследству от брата к брату, все еще применялось, когда речь шла о наследовании великокняжеского титула, отдельные города постепенно стали оказывать политическую поддержку той или иной ветви многочисленного княжеского дома. Князья бесконечно ссорились между собой. Ни один великий князь, сидевший во Владимире, не в силах был призвать их к объединению.

А раздробленность Руси была хорошо известна монголам.

1239

Янка проснулась на рассвете. Небо постепенно светлело.

Она тихо соскользнула с теплых полатей над печью и направилась к двери. До нее доносилось дыхание родителей и брата. Никто из них не пошевелился.

Натянув шубу и прочные валенки, она подняла дверной засов и вышла на свежавыпавший поскрипывающий снег.

В полумраке деревня казалась сплошь серой, одного цвета. В нескольких шагах справа от нее на снегу виднелась маленькая темная точка. Она присмотрелась и поняла, что это всего-навсего собачье дерьмо, за ночь окаменевшее на морозе. Ветра не было, от курных изб тянуло дымом. Никто не видел, как она вышла за околицу деревни.

У Янки не было никаких особых причин гулять по лесам этим утром, на рассвете, вот разве что после бессонной ночи приятно было пройтись по холоду, на открытом воздухе, на равнине, вдали от деревни. Она пошла по тропинке, извивавшейся между деревьями.

Этой тихой, сдержанной девочке с зелено-голубыми глазами и соломенными волосами было семь лет. Среди детей селыца Русское она принадлежала к тем, кому более всех посчастливилось, ведь семья ее матери происходила от смерда Щека, хозяина медоносного леса во дни боярина Ивана и великого князя Владимира Мономаха. К концу жизни Щек обзавелся многочисленными собственными ульями, и даже сейчас, спустя много поколений, кроме обычного приданого: прялки, солонки и маслобойки, – мать Янки получила немало ценного, в том числе и несколько ульев. Мать была веселая, смышленная и остроумная и напоминала своего дальнего предка густой темной шевелюрой да коренастостью; а еще она любила петь. Правда, иногда Янка замечала, как в отношениях между ее родителями возникает какая-то напряженность. Она даже слышала, как мать говорит об отце язвительно, с насмешкой. Однако по большей части в доме их царило согласие.

Приближался восход. Лучи солнца упали на одно-единственное маленькое белоснежное облачко высоко-высоко, и оно переливалось в небе. Янка шла дальше. Она почувствовала слабый терпкий запах лисы, – может, лиса пробегала тут раньше. Повернулась – лиса была тут как тут, наблюдала за девочкой из-за деревьев, стоя шагах в тридцати справа. «Здравствуй, лисичка», – тихо поздоровалась Янка.

Лиса тенью скользнула прочь по сугробам, на снегу осталась цепочка темных следов.

Пора было поворачивать назад, но Янка все шла и шла дальше, словно решила пересечь степь. «Только гляну на рассвет над степью, – подумала она, – и вернусь».

В последнее время селыцо Русское превратилось в довольно заброшенное место. Крепость по-прежнему стояла, но дружину в ней держали совсем крохотную, ведь с недавних пор в Переяславле даже не сидел более князь. Боярское семейство давным-давно перестало показываться в деревне. Внук Иванушки, тоже Иван, взял в жены половчанку, а их сын, странный светловолосый человек по имени Милей, с голубыми глазами на весьма скуластом, тюркском лице, совершенно не занимался Русским. Сельчане прозвали его Турком, хотя, по меркам русских князей, среди которых теперь нашлось бы немало тех, в чьих жилах текло семь восьмых половецкой крови, он не особенно-то выделялся своим тюркским происхождением. Кроме Русского, боярскому семейству принадлежали обширные имения на северо-востоке, за Окой. Боярин жил в городе Муроме. Его тиун время от времени наезжал в Русское с проверкой да за прибылью от продажи меда. Бояре также содержали маленькую церковь, хотя иногда за ней присматривал только старый, полуслепой поп.

Так что вся коротенькая Янкина жизнь протекала в местечке сонном, добром и ленивом, жители деревеньки собирали урожай и дикий мед, обманывали боярина, который у них и не показывался, и коротали долгие летние вечера, сидя на завалинке.

Вот только из-за горизонта им грозила опасность.

Янка не могла взять в толк, что это такое. Год тому назад на земли к северу от них совершили налет половцы или какие-то другие кочевники, разорили и разграбили все, что только смогли найти. А этой осенью боярский тиун к ним не приехал. Кто его знает, что это значит. Но отец сказал ей: «Не тревожься, со мной тебе бояться нечего».

Когда она добрела до опушки леса, солнце как раз поднялось из-за горизонта. Впереди, на востоке, белые снега, казалось, простирались бесконечно, словно солнце взошло из-за какого-то скрытого уклона, затерянного в их бескрайних просторах. А сейчас великое золотое солнце как властитель восходило на голубое небо востока, и она застыла, не в силах оторваться от этого великолепного зрелища.

Воздух был прозрачен, вокруг царило совершенное безмолвие. Примерно в полутора верстах, немного левее, маленький холмик круглился там, где высился когда-то древний курган. Далеко на юге длинные слои сероватых туч тянулись вдоль горизонта от степи к лесу, и их края отливали золотом.

Янка вышла из-за деревьев на равнину. Ее окутало бескрайнее, безграничное безмолвие этих мест. Она глубоко вдохнула ледяной воздух и улыбнулась. Налюбовались вдосталь, а теперь и домой пора.

Как раз когда она собралась уходить, ее зоркие глаза заметили далеко-далеко на горизонте крошечную точку. Она уставилась на это крохотное пятнышко, закрывая глаза от солнца, даже не зная наверняка, есть там что-то или нет. Точка словно бы не двигалась. Или она все-таки растет? Нет, все же не двигается. «Как странно, – думала она, глядя на крохотное пятнышко. – Может быть, деревце в степи растет».

А потом она повернулась и пошла домой, а солнце, владыка голубого неба, утвердилось на своем утреннем престоле.

Менгу наблюдал за ней.

Он выехал из лагеря с первыми лучами солнца и вскоре добрался до небольшого холма, словно предназначенного для осмотра местности. На расстоянии пятнадцати верст он ясно различал опушку леса и заметил маленькую фигурку, как раз появившуюся из-за деревьев.

Ибо если зрение у Янки было острое, то у степняка – и вовсе несравненное.

Ранним утром, когда воздух прозрачен, когда еще не поднялась пыль или не спустился туман, жители пустыни и степей могут разглядеть человека за двадцать с лишним верст. Опытный воин за шесть верст углядит врага, спрятавшегося за утесом.

Менгу усмехнулся. Как просто все оказалось. Северные города: Рязань, Муром, Владимир – сдались, не оказав серьезного сопротивления. Великий князь погиб со всем своим войском. Жаль только, что весенняя распутица заставила их повернуть назад, прежде чем они дошли до Новгорода; но ничего, они разорят его позже. У этих жалких городов, несмотря на высокие стены, просто не было шансов. Монгольским военным инженерам, привыкшим осаждать гигантские укрепленные города Китая, эти западные крепости казались детской игрушкой.

А теперь, намереваясь завоевать юг, они пришли снова, на сей раз зимой. И в выборе времени для нападения также проявили мудрость.

Горько ошибаются те, кто полагает, будто русскую землю защищает зима. Зимой-то как раз и удобно нападать на Русь. Весной и осенью, в распутицу, дороги делаются непроходимыми. Летом приходится переправляться через широкие полноводные реки. А зимой реки замерзают,

покрываясь льдом, и все пути открыты, если готов вытерпеть холод и умеешь ходить по снегу. Монголы хорошо знали, что такое суровая зима. Суровые зимы им нравились.

Менгу задумчиво смотрел на далекую линию деревьев, за которыми скрылась девочка. Пока все шло недурно; его люди храбро сражались; жаловаться было не на что. Лишь одно тревожило его: он до сих пор не сумел обратить на себя внимание своего темника.

Его сестра, не жалея усилий, восхваляла его перед ханом Батыем. Однако ответ правителя был столь же прост, сколь и неутешителен. Услышав о ее брате и его надеждах, Великий хан всего-навсего заметил: «Что ж, пусть отличится».

Ему требовался благоприятный случай: достаточно было даже маленькой стычки, лишь бы она произошла на глазах у начальника. Менгу кивнул. Такая возможность ему вот-вот представится. Но хорошо бы поскорее.

Он еще раз окинул взглядом леса. Если по опушке леса бродит девочка, значит деревня где-то рядом.

Они доберутся туда к полудню.

Почти тотчас после пробуждения Янка побелела от ужаса.

Они были повсюду. А ее бросили.

Она стояла у окна, содрогаясь всем телом. Лошадиные бока пахли потом, кони были близко, рукой подать: мимо домов, задевая края крыш, ехали всадники в толстых тулупах, за плечами у них были огромные луки. Некоторые держали в руках горящие факелы.

Куда же все подевались?

Еще до конца не проснувшись, она оглянулась. В избе пусто. Ей понадобилось какое-то мгновение, чтобы собраться с мыслями.

Утром ее отец запряг старую кобылу и поехал на санях по замерзшей реке в соседнюю деревню. Ясное небо, так радовавшее ее на рассвете, нахмурилось. С юга приползли тучи и медленно заволокли весь небосвод, отец уехал – и, хоть день и был в разгаре, на дворе стоял тоскливый скучный сумрак. Ее мать решила сходить в крепость, а Янка осталась в избе и заснула.

Она не слышала криков.

А проснувшись, увидела чужеземцев с зажженными факелами. Словно бы, не просыпаясь, девочка очутилась в другом сне – кошмарном. Стук лошадиных копыт по замерзшему снегу отдавался зловещим эхом.

Откуда было знать Янке, что все свершилось почти мгновенно? Внезапно в дальнем конце большого поля появился какой-то всадник. Потом показались трое. Потом, когда люди закричали, откуда-то ринулась сотня всадников, словно все лесные деревья вдруг обратились в надвигающихся на них наездников, вооруженных луками и копьями.

Монголы безмолвно прошли сквозь лес пятью огромными отрядами, выстроившись на ширину около четырех с половиной верст. Деревня Русское оказалась примерно по центру. И сейчас они темным потоком устремились между деревьями на беззащитных крестьян.

Сельчане были застигнуты врасплох, им оставалось только спастись бегством. Трое соседей успели поколотить в дверь Янкиной избы и кинулись бежать, решив, что в избе пусто. Они метнулись по льду за реку, словно дичь в поисках убежища от охотников. Некоторые побежали в крепость; нашлись и те, кто стал искать приюта в церкви; иные же предпочли укрыться в лесах.

Услышав первые крики, доносившиеся из деревни, мать Янки выглянула за ворота маленькой крепости. На миг у нее перехватило дыхание. Потом сердце бешено забилося.

Из деревни высыпали жители, маленькие, жалкие, тепло укутанные фигурки, со всех ног бросившиеся по грязно-белому льду в сторону укрепления. Но где же Янка?

Спустя мгновение она увидела то, что не в силах был разглядеть ни один из жителей деревни, – истинную протяженность монгольского строя, заполонившего всю замерзшую реку.

Она еще раз окинула взглядом толпу – не с ними ли Янка? Янки не было.

Мать бросилась вниз по склону, по направлению к реке и к монгольскому всаднику, который уже пересек реку и достиг противоположного берега. За ее спиной односельчане, себе на беду, закрыли крепостные ворота.

Менгу почти не поверил своему счастью, когда ворота захлопнулись и к нему подскочил темник. Это был тучный, хмурый, немногословный человек. Подняв руку, он ткнул камчой в сторону крепости за рекой:

– Возьми ее.

Здесь открывалась возможность возвыситься. Менгу словно бы увидел свою сестру. Ничто, ни одно событие, сколь бы незначительным оно ни казалось, не происходит просто так во вселенной Великого хана, и теперь он лихорадочно соображал, рассчитывая все шансы.

Едва остановившись выслушать приказ, он развернул коня и, отдав две резкие, отрывистые краткие команды, выстроил ближайшие части двумя шеренгами, которые тотчас же поскакали через замерзшую реку и разделились, обходя и забирая в клещи крепость и церковь справа и слева.

Подозвав десятского, он велел:

– Осадную машину сюда. Катапульту. – И тот помчался, торопясь выполнить поручение.

Они перевозили осадные машины по льду чуть севернее, туда, где лес рос не так густо.

Монгольская осада весьма напоминала охоту Великого хана. Крепость надлежало окружить, лишив осаждаемых любых шансов спастись. Иногда, если какой-нибудь город покрупнее проявлял особое упрямство, монголы возводили вокруг него частокол, словно желая сказать: «Думаете, ваши стены защищают вас? Смотрите, вы пойманы в ловушку нашими стенами!» Затем, неспешно, они либо обрушивали укрепления противника, либо засыпали ров и строили мосты, ведущие на стены. Они никогда, ни при каких обстоятельствах не сдавались. Окруженная крепость была обречена.

Менгу поглядел на жалкую маленькую деревянную крепость. Какие же они глупцы, зачем они заперли ворота? Войско даже не потрудились бы сжечь это местечко, если бы они просто оставили ворота распахнутыми.

Но все складывалось для него весьма удобно. Их глупость давала ему шанс показать себя и свою храбрость.

План был таков: сделать все как можно быстрее. Темник будет недоволен, если осада затянется и цель не будет достигнута сразу.

– Поторопись! – крикнул он в спину десятскому, который уже успел отъехать слишком далеко и потому не мог его услышать.

Менгу нетерпеливо нахмурился.

Янка замерла.

Всадники оставили деревню. Они подожгли две избы, но не стали терять время на остальные. Впереди кто-то прокричал приказ, и они быстро поскакали к реке. Внезапно сделалось очень тихо.

Может быть, ее семья затаилась где-то в окрестностях. Может быть, они уже лежали на земле бездыханные. Или бежали, бросив ее, и теперь она останется совсем одна. Что ей делать? Чужеземные всадники внушали ей ужас, но одиночество было страшнее.

Она вышла из избы.

Всадников уже отозвали к реке. Выходя из деревеньки, она увидела, как две колонны всадников рысью скачут по льду на противоположный берег, чтобы окружить крепость. Дальше, слева от нее, мимо старого кладбища, двигался отряд из примерно трехсот пехотинцев. На них были тяжелые кожаные куртки, напоминающие доспехи, а их шеренги ошети-

лись длинными черными копьями. Справа и прямо перед ней пятеро или шестеро верховых бесстрастно ожидали на берегу окончания дела, а еще дальше, впереди, на краю льда, единственный всадник, по-видимому, отдавал приказы. Никто ее даже не заметил.

И тут она увидела такое, от чего у нее чуть было не вырвался радостный крик. И даже не одно, а два желанных зрелища предстали ей.

Первым заметил Янку ее брат Кий.

Девятилетний мальчик вместе с отцом возвращались домой, почти доехали до деревни и уже почти поравнялись с последней излучиной замерзшей реки, за которой открывалось Русское, и вдруг Кий услышал, как у отца вырвалось:

– Напасть какая! Половцы пришли!

Кий быстро взглянул направо. Из-за деревьев на берег неспешно выезжали три всадника. Потом он увидел десять. Потом пятьдесят. Отец резко дернул вожжи, сворачивая в сторону:

– А что за нами?

Кий оглянулся:

– Еще больше. Переходят реку!

Отец выругался.

– А как же мать и Янка? – выкрикнул мальчик.

Отец ничего не сказал, но в бешенстве вытянул кнутом по спине старую кобылу. Она отпрянула, раздраженно вскинула голову и изо всех сил понеслась по направлению к речной излучине.

– Господи, сделай так, чтобы их не было впереди! – шептал крестьянин.

Маленькие сани быстро скользили по льду. Отец и сын затаили дыхание. Наверное, это крупный налет. Кий беззвучно молился. Славу богу, когда они поворачивали из-за излучины реки, им на мгновение показалось, будто на берегу пусто... и тут они въехали в самую гущу монгольского войска.

Колонна всадников рысью скакала по льду на противоположный берег, чтобы окружить крепость, расположенную прямо перед ними. Кий не заметил матери. Но как раз когда его отец повернул сани, чтобы понестись направо, в укрытие, к спасительному лесу, он вскрикнул:

– Смотри, Янка! На берегу! Она нас видела!

Его поразило, что отец только пробормотал:

– Цыц! Всех нас погубишь!

И тут он увидел, как сестренка бросилась к монголам.

Ведь Янка заметила не только их. Она увидела мать, бегущую к ней по льду, между двумя колоннами всадников. Янка открыла рот и хотела было закричать. Но, словно все это происходило в кошмарном сне, не сумела издать ни звука, только едва слышный шепот, который никто не уловил. Она попыталась кинуться к матери, но не смогла, словно окаменев. И тут мать увидела ее.

Внезапно девочка ощутила прилив облегчения. Ну все, теперь спасена. Уже не раздумывая, ни на миг не останавливаясь, она сбежала по берегу на лед, прямо к матери, забыв даже о всаднике, который преграждал ей путь, стоя между ними.

Менгу изумленно воззрился на женщину. Да что же делает эта крестьянка?

Он нетерпеливо ожидал, когда подвезут осадную машину. Еще несколько мгновений – и можно рушить крепостные стены. Кольцо его людей вокруг крепости почти сомкнулось. Это будет день его торжества. На темника Менгу старался лишний раз не смотреть. «Я сокрушу их быстрее, чем вода закипит в котле», – пробормотал он.

Хотя на его лице не отразилось никаких чувств, он был в восторге. Это и вправду походило на великую облаву во время ханской охоты, и сегодня он – старший ловчий. На какой-нибудь час, но он сделался главным здесь. «Уж я им покажу!» – восхищенно думал он.

Но что это за крестьянка идет прямо на него?

Несколько лун тому назад ему рассказали одну историю. Крестьянка, несомненно очень похожая на эту, бросилась на молодого сотника, когда монголы предали огню Рязань. Она выхватила откуда-то нож и зарезала его. «Так что смотри, берегись их женщин», – предостерег его товарищ. Менгу раздраженно нахмурился. Ну уж нет, не какой-то русской помешать его возвышению!

Она уже добежала до него.

Повинуясь легчайшему нажиму коленей, его конь, стуча копытами, поскакал вперед. Менгу выхватил саблю, круговым движением кисти, одним ударом разрубил ее от плеча до груди, и дерзкая рухнула на лед. Он снова повернулся к осадной машине.

И тут раздался пронзительный крик: «Мама!»

Менгу еще не успел понять, кто перед ним, а его кривая сабля уже взметнулась в воздух, лицо напряглось, рот застыл в жестоком оскале.

Маленькая девочка упала на колени рядом с лежащей на льду женщиной. Кровь из глубокой раны била непрерывно. Глаза у женщины были открыты; неотрывно глядя на девочку, она пыталась ей что-то сказать.

На миг Менгу тоже забыл обо всем. Он видел перед собой только лица матери и ее ребенка.

– Янка! – снова раздался крик, на сей раз кричали с саней крестьянин и мальчик. Он заметил их только сейчас, раньше их закрывали всадники, усакавшие теперь за реку.

– Янка!

Крестьяне стояли возле саней, не в силах шевельнуться: несколько сотен лучников покончили бы с ними мгновенно.

Глаза у женщины остекленели. Она была мертва.

Раздался топот копыт на льду: это монгол нагнулся и подобрал девочку одной рукой. Звездчатые осколки льда полетели из-под копыт его коня, когда монгол направил его к саням. Презрительно глядя сверху вниз на мальчика и его отца, монгол швырнул девочку наземь и махнул рукой, веля им убираться.

Спустя миг их сани уже уносились прочь, мелькая между деревьями.

Как правило, монголы старались щадить крестьян в завоеванных странах. Крестьяне пахали землю, платили налоги и поставляли новобранцев в войско. Монголы убивали только тех, кому достало глупости оказать сопротивление, как, например, укрывшихся в крепости в Русском.

Менгу поскакал назад. Все происшествие заняло менее минуты, и он полагал, что в это время его подчиненные были слишком поглощены своими делами, чтобы что-то заметить.

Солдаты стояли на местах. Катапульту уже приготовили, инженер ждал только его команды. Глупое это происшествие уже почти изгладилось из памяти. Втайне он стыдился того, что убил женщину. А вот девочка... На лице его не отражалось никаких чувств.

Холодным кивком Менгу отдал приказ штурмовать.

Жители Русского никогда прежде не видели катапульты. Устройство ее было весьма простым: когда на один конец рычага клали массивный противовес, плечо рычага взмывало в воздух, посылая камень с другого конца на вражеские укрепления. Первый же камень разбил бревенчатый навес над воротами. Вторым в щепки разнес уже сами ворота.

По команде Менгу монголы устремились в образовавшуюся брешь. Они действовали стремительно, но методично, пинками открывая все двери, обыскивая каждое помещение,

каждую щелочку. Вооружены они были копьями и мечами. Все живое, будь то мужчина, женщина или ребенок, быстро и умело уничтожалось. Монголы убивали своих жертв столь искусно, что почти никто из крестьян даже не испытал особых страданий, разве что мгновенный ужас при виде врага.

Съестных припасов в крепости монголы обнаружили немного, зато захватили пятьдесят четвертей зерна, которые и увезли на телегах, взятых из деревни. Стремительно разграбив крепость, монголы подожгли здания и деревянные стены – вместе с трупами тех, кто чаял спрятаться от врагов.

На маленьком холме быстро разгорелся гигантский костер. Вскоре всю крепость охватило пламя, а над остатками стен запылали языки ревущего огня, и черный дым взметнулся высоко в воздух над лесом. Широколицые монголы смотрели снизу, как вся крепость словно содрогается от рева, треска и стенаний, обрушиваясь в огненном море.

Менгу повернулся к десятскому.

– Двадцать лучников сюда, с зажженными стрелами, – приказал он. – Окружить церковь.

Спустя несколько мгновений дюжие монголы-лучники в длинных кожаных безрукавках заняли позиции вдоль каждой церковной стены. Менгу кивком отдал команду, и они достали из колчанов длинные, тяжелые стрелы с наконечниками, обмотанными полотном, пропитанным смолой, и подожгли их.

По команде Менгу пылающие стрелы полетели сквозь узкие церковные окна. Вскоре повалил дым; затем показались языки пламени.

Менгу подумал, что закрывшиеся внутри люди могут попробовать вырваться, и потому поставил еще несколько лучников прямо напротив двери. Однако, хотя пламя бушевало внутри столь сильно, что дверь словно задрожала, она так и не открылась.

Через некоторое время небольшой купол с грохотом обрушился внутрь здания. «Никто не смог там выжить, к этому времени все, кто там спасался, наверняка мертвы», – подумал он. Церковь превратилась в ревущее пекло. Даже кирпичи начали раскаляться. Упала одна стена, потом обрушилась другая. Это было ему весьма на руку. Если темник счел, что он, Менгу, обошелся с девчонкой слишком мягко, то вот подтверждение, что Менгу способен и проявить жестокость.

Когда вечером несколько сельчан выбрались из леса, то на месте крепости и маленькой церкви, сооруженной в свое время с таким трудом, нашли одни лишь обугленные руины, над которыми кружили птицы.

Рапорт, который в тот вечер темник представил могущественному хану Батюю, отличался краткостью, логичностью и здравомыслием.

– Он отвлекся от дела из-за женщины, которая побежала в его сторону. Ему следовало бы увидеть ее раньше и приказать своим людям зарубить или прогнать ее. Он этого не сделал. Он позволил ей подбежать к нему и только после этого убил ее. Он отвратил свой взор от работы.

– А потом?

– Потом под ноги ему метнулась маленькая девочка. Он подобрал ее и отбросил прочь.

– Пустая трата времени. А что потом?

– Он взял крепость и сжег ее.

– Очень хорошо. Что-нибудь еще?

– Он сжег церковь.

– В стенах крепости?

– Нет, за ее пределами.

– Ее кто-нибудь защищал?

– Нет.

– Скверно. Великий хан почитает любые религии.

– Думаю, ему недостает хладнокровия, – заключил темник.

В эту ночь могущественный хан Батый передумал и не стал делить ложе с сестрой Менгу.

В ту же ночь Янка, кое-как убаюкав себя, заснула в убежище, которое отец с братом соорудили в пчелином лесу. Янка на всю жизнь запомнила Менгу, убийцу ее матери: одну щеку его пересекал шрам и у него не было одного уха.

Она никогда его не забудет, никогда.

1246

Плот тихо скользил сквозь рассветные туманы. Еще два месяца тому назад, боясь, что их обнаружат, они плыли только ночью, медленно-медленно продвигаясь вверх по течению, и предварительно производя разведку в каждой встречающейся на пути деревне, чтобы не попасться монгольским соглядатаям. Однажды лунной ночью они чуть было не наткнулись на небольшой монгольский отряд, который разбил лагерь на берегу реки.

Это было в августе. Плывая на север по извилистым рекам, они уже покрыли расстояние примерно в семьсот пятьдесят верст. На это им потребовалось три месяца.

В прошлом месяце они вышли из одной реки и посуху достигли другой. Лодка из гигантского выдолбленного ствола, на которой они плыли до сих пор, оказалась слишком тяжелой, и перетащить они ее не смогли. Поэтому они бросили ее и, дойдя до другой реки, сколотили плот, ведь теперь они собирались не подниматься против течения, а неспешно плыть вниз по реке. На душе у них постепенно становилось спокойнее. Теперь они могли странствовать днем. Но им все равно приходилось остерегаться.

Янка, ее отец и спутники затеяли опасное дело. Они пытались бежать от татар.

Не постигая, сколь высокое положение занимает монгольская элита, пришедшая с далекого Востока, русские путали ее с подвластными монголам тюрками, сражавшимися под их началом, и потому дали Орде тюркское имя, которому предстояло войти в историю, – татары.

Предположения монгольского военного совета с точностью оправдались. Русь была завоевана за три года. Огромное войско, которое прошло по деревне Русское, далее обрушило всю свою мощь на Переяславль и полностью разрушило его; менее чем через год пал Чернигов, а златоглавый Киев превратился в город-призрак.

С Древней Русью было покончено.

Для удобства монголы поделили ее на две части. Южную, включающую земли вокруг Киева и южную степь, отдали под непосредственное правление монголов. Северная – земли в обширной «петле» буквы R и глухие леса за ними – номинально осталась под властью русского княжеского дома, однако отныне русские князья правили только с позволения и одобрения Великого хана. Им надлежало держать в повиновении своих подданных и собирать дань для хана, вот и все.

Некоторые хронисты той эпохи, да и многие русские, предпочитали изображать дело так, будто татары были просто очередным, хотя и весьма внушительным, степным племенем налетчиков, от которого великим князьям пока приходилось откупаться.

В действительности все было совсем по-другому. Великого князя призывали на восток, даже в далекую Монголию, за грамотой на княжение – ярлыком. Правил он лишь до тех пор, пока угождал хану. «Помните, теперь вы подчиняетесь нам», – объявляли всем русским князьям. Неповиновение не допускалось. Смелый князь с юго-запада, отказавшийся поклониться идолу Великого хана, был казнен на месте. Монгольские ханы всецело и непосредственно насаждали свою власть. Более того, единственной причиной, по которой русских князей вообще не истребили, было то, что монголы решили, будто земли великого князя не стоят

того, чтобы учреждать там прямое правление. Те скромные дары, которыми могли похвастаться северные леса, и вправду не способны были выдержать никакого сравнения с богатыми караванами и городами Азии.

Весьма вероятно, что если бы монголы не отвлеклись на избрание нового Великого хана на Востоке, то могли завоевать в это время и всю Европу. Однако новый хан предпочел вместо этого укреплять западную часть своей империи, построив новую столицу, Сарай, в южном течении Волги и объявив своим полководцам: «Ждите».

Здесь монголы также проявили немалую проницательность, ибо учли еще один немаловажный факт.

Русь была православная, а Запад – католический.

Прежде, во времена Владимира Мономаха, яблоком раздора являлись для Римской и Восточной церквей разве что богослужебные тонкости. Но с тех пор разрыв между ними все углублялся. Отныне это был спор о власти. Готовы ли патриарх Константинопольский и его собратья, патриархи Восточной церкви, склониться пред властью папы? В достаточной ли мере проявила Восточная, православная церковь интерес к вдохновляемым папой Крестовым походам? Страсти разгорались. Когда русские стали посылать своим единоверцам – западным христианам – отчаянные призывы, моля о помощи и защите от язычников-монголов, их встретили молчанием. Более того, Запад с удовлетворением смотрел, как православные расплачиваются за свое неразумие. Еще того хуже: не только шведы-католики стали нападать на русских с севера, но и два рыцарских ордена, Ливонский и Тевтонский, штаб-квартиры которых располагались на побережье Балтийского моря, принялись с одобрения папы совершать набеги на новгородские земли. «Пусть язычники сокрушат их, – подумали католики на Западе, – а мы без помех подберем затем все, что захотим». Потому-то русские и заключили – более решительно, чем, прежде: «Никогда не верь Западу». А правители монголов сделали мудрый вывод: «Сначала надо взять Русь. Запад подождет. Отныне Русь – часть Азии».

Отец Янки был недурен собой.

Он был лишь немного выше среднего роста, светловолос, хотя борода у него была жидкая, а лысину на макушке прикрывали всего несколько прядей. Черты его были некрупные, правильные, хоть лоб и скулы и были несколько костлявы. Глаза его, светло-голубые, глядели мягко и добродушно, хотя он иногда смотрел на окружающих так, словно подсчитывает что-то в уме. Трудно было бы назвать его красавцем, но все ж был не хуже прочих. По временам он изрядно напивался.

Порой, если за день дочери случалось напроказить, батюшка ее под вечер сек – и тогда казался он Янке и страшным, и грозным. Однако даже во время порки Янка знала: с другими детьми в деревне отцы обходятся куда суровее. Отец почти не обращал внимания на девочку, для него важнее был сын Кий. Все изменилось, когда пришли татары, и теперь, продолжая путь на северо-восток, он понимал, что ударился в бега ради дочки.

Ведь если бы они не бежали, думал он, она бы не выжила.

Поначалу после ужасного набега в деревне воцарилось странное безмолвие. Пришла весть о падении Переяславля и Киева, а потом снова настала тишина. От боярина на севере не было никаких известий. Возможно, он погиб. Тем временем в разоренной деревне приблизилось время сева, а там и урожая. Отец Янки сошелся с тучной темноволосой женщиной, хотя и не женился на ней по закону, но все же она научила Янку вышивать, а Кий сделался искусным резчиком по дереву. А потом, за год до их побега, на деревню обрушился удар.

Однажды осенним днем в деревню деловито вошел маленький татарский отряд, возглавляемый чиновником, которого послал вновь назначенный глава области – баскак. Татары сделали нечто неслыханное: выстроили всех жителей деревни и пересчитали. «Это перепись, – объявил татарский чиновник, – баскак должен точно знать, сколько вас». Затем людей поде-

лили на десятки. «Каждый десяток есть облагаемая налогом единица и несет полную ответственность за его уплату! – сообщили им. – Никому не позволено уходить!» Крестьянина, по глупости попытавшегося возразить, тотчас же высекли кнутом. Одновременно сельчане узнали, что теперь у деревни появилось новое назначение.

Имперская почтовая служба, ям, связывала части всех владений Великого хана. Ямом могли пользоваться его гонцы и избранные торговцы. Примерно через каждые сорок верст располагалась почтовая станция, где держали кобыл и овец для приготовления кумыса, а также несколько запасных коней. Ведь когда хан посылал по какой-либо надобности гонца, тому полагалось носить на одежде колокольчики, чтобы звон их возвещал почтовой станции-яму о его приближении, – и, заслышав звон бубенцов, гонцу тотчас же седлали свежую лошадь, на которую он вскакивал, не прерывая поездки. Баскак решил, что из разрушенной крепости выйдет недурной ям, а назначенный туда чиновник сможет заодно надзирать за всем, что происходит в деревне. «А это значит, – прошептал один из сельчан, – что всех нас обратят в рабство!»

Но Янку как гром поразил последний приказ чиновника, когда тот, обратившись к деревенскому старейшине, внезапно потребовал указать ему лучших здешних резчиков по дереву. А услышав имена, велел им выйти из строя. Самым младшим из искусников оказался пятнадцатилетний Кий. «Мы заберем мальчишку с собой», – отрывисто объявил он, ибо Великий хан приказал прислать ему ремесленников. И еще долго глядела Янка этим вечером вслед удаляющемуся по степи отряду, пока маленькие фигурки не превратились в крошечные тени, которые словно вот-вот поглотит багровое море.

После этого жизнь отца и дочери сделалась сущим мучением. Полюбовница оставила его. Несколько раз, топя свое горя в вине, он напивался и, как это ни глупо, угрожал девочке. А Янкой тем временем овладело странное уныние и тоска. За зиму она совсем исхудала, мало ела и все больше молчала. А когда с весной состояние ее не улучшилось, отец признался: «Я не знаю, что делать».

И тут одна семья из соседней деревни решила бежать. «Мы отправимся на север, – сказали соседи Янкиному отцу, – там земли без конца и без края, самая что ни на есть северная тайга, – пояснили они, – земли эти уходят далеко-далеко за Волгу, там люди свободные, живут без хозяина. На север мы и побежим».

Это были так называемые черные земли. На самом деле они принадлежали князю и поселенцы вносили за них небольшую плату, но чем дальше на северо-восток, тем чаще поселенцы жили своим умом и по своей воле, не признавая над собой никакой власти. От такой свободы захватывало дух, хотя и жилось в тех суровых краях несладко. Глава непокорной семьи в юности бывал на севере и уверял, что знает дорогу. Позвали они и отца с дочкой.

– А если поймают?

Сосед пожал плечами.

– Я все-таки попробую, – произнес он.

Большое путешествие по реке, в которое они отправились, внешне выглядело очень просто. Они медленно двигались на север вдоль очертаний той самой условной буквы R, образуемой на карте русскими реками. Сначала они поднялись вверх по Днепру, потом плыли на восток и, наконец, после краткого перехода посуху, вошли в маленькую речку, по которой спустились на нижнюю сторону этой огромной северной «петли», образованной медлительной Окой. Оказавшись на Оке, они вступили на земли великого князя, куда татарские разъезды не заходили.

Как приятно было наконец скользить по водной глади Оки. Рыба здесь водилась в изобилии. В дороге горе слегка утихло, и Янка снова стала есть. Однажды они даже поймали благородного осетра. Чем дальше заплывали они на северо-восток, тем сильнее менялось все вокруг.

Лиственные деревья встречались здесь реже, зато ели и лиственницы – чаще. Их проводник сказал им:

– Скоро граница финских племен, мордва тут селится. И все города и деревни тоже зовутся по-фински.

И вправду, названия звучали странно и непривычно: Ока, Рязань, Муром. А однажды, проплывая мимо маленькой речки, впадавшей в Оку слева от них, их всезнающий друг заметил:

– Эту речушку тоже именуют по-фински – Москва.

– А есть на ней города или деревни? – спросил отец Янки.

– Маленький городишко, тоже Москвой называется.

Отец Янки хорошо обдумал, как им быть дальше. Замысел обосноваться на этих далеких землях пришелся ему по вкусу. Но рисковать он тоже не спешил. Жизнь переселенца могла оказаться слишком тяжелой. У Янкиного отца было с собой припрятано немного денег, так что в любом краю он мог начать все с самого начала. «Но пожалуй, будет выгоднее пойти к боярину, которому надобен издольщик», – прикидывал он.

Уже давно решил он для себя: как придут они в Муром, надобно будет разыскать боярина Милея. Вдруг тот поможет. А коли Милей откажется или не с руки будет его отыскать, то можно податься и дальше, на север.

И потому в августе того года Янка с отцом поплыли по Оке.

Боярин Милей был высокий и дородный, отец пятерых чад. Он очень гордился своей силой, а кроме того, был хитер и сметлив.

Восемь лет тому назад по реке пришла весть, что монголы взяли Рязань, но он не стал ждать, когда его призовут на битву. «Великий князь Владимирский прикажет нам вступить в его войско, если решит драться, – проницательно заметил Милей, – но не станет нам помогать, напади монголы на Муром». И конечно же, Милей оказался совершенно прав.

Маленькое княжество Муромское находилось на восточном краю той «петли», что была частью буквы R. К западу от Муромы располагались обширные Суздальские земли, где правил великий князь владимирский. Некогда Муром был важным и могущественным городом, поважнее Рязани. Но за последний век Рязань сделалась богаче, а Суздальское княжество – влиятельнее, и потому теперь князья муромские послушно исполняли волю великого князя. Боярин Милей тоже должен был повиноваться, да так и поступал – если считал нужным. Поэтому, предвидя все бедствия от нашествия монголов, боярин Милей с чадами и домочадцами потихоньку отбыл в самую удаленную и недоступную из своих вотчин, где мудро пребывал до следующего года.

Означенная вотчина действительно была местечком глухим и богом забытым.

«Петлю» буквы R, деля ее продольной чертой пополам, пересекает текущая на восток река Клязьма. На этой-то реке Мономах и основал некогда нынешнюю столицу Владимирского княжества. Остальные красивые города – вроде Суздаля, Рязани или Твери – находились в северной половине «петли». Но в южной половине «петли», если не считать Рязани да Муромы, и вправду не было почти ничего, кроме маленьких деревушек, лесов и болот. Именно здесь, между Клязьмой и Окой, лежала вотчина боярина Милея. Оттуда на север текла маленькая речушка, она впадала в Клязьму неподалеку от Владимира – что было весьма удобно. А в нескольких верстах от его вотчины протекали другие реки – и можно было на лодке пройти по ним на юг, в медлительную Оку.

Дед боярина Милея, которому когда-то были пожалованы эти земли, решил, что ему не по вкусу их варварское финское название. Поэтому он переименовал и маленькую речку, которая несла воды на север, и поселение на ее берегах. В память о любимом своем владении, там, на юге, речку боярин приказал величать Русью, а деревеньку – Русским.

Много подобных названий проделали такой путь с юга на север.

Место это было недурное. А проведя там зиму, боярин Милей убедился, что оно таит в себе куда больше возможностей, чем он предполагал поначалу. «И вправду, – сказал он жене, – судя по тому, что я увидел в Русском, мы могли бы получать от него большую прибыль. Нам только людей для этого не хватает».

Следующей весной он наведлся в сожженный татарами Муром и обнаружил, что дом его, возведенный за пределами городских стен, сгорел дотла, но тайник с немалым числом монет, сокрытый глубоко под полом, не пострадал. Пока у него было много дел, ведь после монгольского нашествия многое предстояло отстраивать заново, чинить и приводить в порядок. Однако он частенько возвращался в мыслях в деревню Русское.

«Надобно ею заняться, когда время будет», – нередко повторял он.

И потому на исходе лета 1246 года он был удивлен и обрадован, когда перед ним предстали двое крестьян из его южной вотчины.

Со времен монгольского нашествия ему все труднее было находить крестьян, которые стали бы возделывать его землю. Пока ему удалось прибавить к населению Русского всего три мордовские семьи. «А две из них по большей части пьянствуют», – печально доносил ему тиун.

Янке понравился этот высокий, могучий человек. В его светлой бороде уже посверкивала седина, холодноватые голубые глаза сияли, а широкое тюркское лицо было приветливым.

– У меня для тебя место припасено, как по заказу, – объявил он. – Тоже в Русском, только в северном.

– Денег у нас нет, – солгал отец.

Боярин пристально смотрел на мужика, видя его хитрости насквозь.

– Уж лучше я дам тебе землю, чтобы ты ее мне пахал, чем не получу совсем ничего, – ответил он. – Можешь себе дом выстроить, сельчане тебе помогут. А мой тиун отвезет тебя туда и снабдит всем необходимым. Со временем расплатишься.

Он расспросил их о том, как они сюда добирались, и, услышав, что они прибыли в Русское вместе с еще одной семьей, где было двое сильных сыновей, немедленно предложил остаться и им тоже.

Но те отказались.

– Предложение щедрое, – пояснил потом глава семьи Янкиному отцу, – но я не хочу работать на барина. Поедем лучше со мной.

– Нет, – покачал головой тот. – Мы хотим остаться. А тебе удачи!

На следующий день их попутчики отправились дальше.

– Одному Богу известно, как у них там, на севере, вверх по Волге, дела пойдут, – проворчал ее отец. – Нам тут, в деревне, покойнее будет.

И отвернулся.

Русское.

Северное Русское очень отличалось от той южной деревни, из которой они бежали.

Единственное сходство заключалось в том, что, как большинство русских деревень и сел, оно располагалось у реки, но этим все и исчерпывалось.

В месте, выбранном для поселения, река делала большой изгиб в форме буквы S. Западный берег был почти на пятьдесят локтей выше восточного, и потому изгиб образовывал на западе выступ и оставлял обширное, защищенное пространство на восточном берегу как раз под ним. Это был деревенский выгон.

Раньше там тоже селились, но со временем по соображениям безопасности люди перебрались выше по склону, где и стояло теперь с десяток крестьянских домишек, окруженных прочным частоколом. С западной стороны земля не поднималась, образуя почти равнину. Возле

частокола земля была расчищена под несколько маленьких огородов, а между далеко отстоящими друг от друга деревьями виднелись два жалких поля.

Церкви не было.

Так выглядело северное Русское.

Ближайшее сельцо находилось от него почти в пяти верстах к юго-востоку. Оно тоже лежало на берегу речки Русь. Прямо за этим сельцом поднималось невысокое, поросшее лесом всхолмье. Но берега там были болотистые, а потому славянские поселенцы, впервые попав туда, прозвали место Грязным, и так это имя к нему пристало навеки. Миновав Грязное, надобно было пройти еще верст десять, прежде чем добраться до следующей деревни.

Сначала Янке показалось, что вокруг деревни растут лишь ели. Однако стоило ей побродить по окрестностям, как она убедилась, что есть тут и лиственница, и береза, липа, дуб, сосна и другие деревья. Во время путешествия, когда они еще плыли по Оке, ей приходилось видеть яблоневые и вишневые сады. Но здесь плодовые деревья не росли. Да и огороды были скудные. Выращивали тут по большей части, насколько она могла заметить, горох и огурцы. И лошадки, заметила девочка, были невысокие, коренастые.

Дома были выстроены из дерева, из гигантских, прочных бревен; нигде не было глиняных стен и соломенных или тростниковых крыш, как на юге.

На самое главное, люди на севере были совсем другие.

– Какие они тихие, – прошептала она на ухо отцу в первое утро, когда они осматривали деревню, – точно морозом их прибило.

Роду-племени в деревне народ был разного. До того как деревенька досталась боярской семье, население ее состояло главным образом из славян племени вятичей. Янка слыхала, что этих вятичей частенько бранят «погаными язычниками», ибо они принадлежали к числу наиболее отсталых славянских племен. Теперь здесь жили шесть семей вятичей. Кроме того, были еще три семьи, переселившиеся с юга лет двадцать – двадцать пять тому назад, и, наконец, привезенные боярином три семьи мордвы, сплошь с высокими финскими скулами и миндалевидными глазами.

Сколь бы ни отличались они друг от друга, Янке они все же казались похожими. Если славянские крестьяне, которых она знала на юге, были открытыми и общительными, любили поспорить и ценили шутки и забавы, то северяне представлялись ей тихими, сдержанными и, может быть, тугодумами. На юге все сидели на солнце и точили ляды. Здесь люди предпочитали сидеть в своих теплых домах.

Впрочем, им нельзя было отказать в радушии. По приказу тиуна в полдень явились пятеро мужчин с топорами.

– Мы построим вам дом, – объявили они и показали им место на южной околице деревни.

А потом взялись за работу.

И Янка поняла, что ошибалась, сочтя поначалу своих новых соседей медлительными и туповатыми.

Она никогда не видела ничего подобного. Как по волшебству, откуда-то появились гигантские бревна. Крепкие приземистые лошадки, на которых она обратила внимание еще раньше, привезли древесные стволы, годившиеся, пожалуй, даже для выдалбливания лодок. В основание легли дубовые бревна, на них – более мягкая сосна, обстругивать которую было нетрудно.

Дом строили примерно по такому же плану, что и на юге: вход вел в широкие, просторные сени, по одну сторону которых располагалось помещение, где можно хранить всевозможные орудия и домашнюю утварь, а также съестные припасы, а по другую – горница. Большую часть стены между сенями и горницей занимала печь, которую сложили из глины.

Работали одними топорами, массивными орудиями с довольно короткими прямыми топорищами и с широкими лезвиями, сужающимися к обуху Мордва, вятичи или славяне – они

казались одинаково искусными. Каждое бревно так тщательно пригоняли к соседнему, ровно соединяя с ним, что конопатить мхом щели почти не было нужды.

И во всей постройке они обошлись без единого гвоздя.

Удивляла не только аккуратность, но и скорость работы. Южан трудно было назвать лентяями, но северяне с их истовой, ревностной и немногословной неутомимостью поистине трудились, словно совершая подвиг. Работа кипела до сумерек. Женщины принесли факелы и зажгли огонь, чтобы мужьям было лучше видно. К вечеру, когда они наконец остановились, дом был почти готов, осталось только сложить печь да соорудить крышу.

Пришлецов пустили переночевать тиун и его жена. На следующий день, к полудню, дом их был достроен.

– Ну вот, – сказали им строители, – ваша изба. В ней тепло вам будет, а простоит она тридцать три года.

Это было северное крестьянское жилье, русская изба. Благодаря гигантской печи и стенам без щелей даже в самую холодную зиму обитатели такого дома не страдали от стужи, а наслаждались жарой, о чем свидетельствовало само название «изба», означающее «теплое помещение», «баня».

После того как они поблагодарили новых соседей, тиун повел их показывать участок земли, который им отвели.

По дороге они разговаривали о том о сем, и Янка не утерпела: призналась, как глубоко поразили ее новые соседи. «С такими людьми, – она мечтательно огляделась, и ее взору предстали города, словно по волшебству возникшие в лесу, – для нас, русских, нет ничего невозможного».

Управляющий был человек маленького роста, с хитрым выражением лица. Он рассмеялся.

– Это север, – сказал он ей, – мы тут на холоде и стуже что угодно сделаем, вот только сил у нас надолго не хватит. – Заметив ее удивление, он улыбнулся, а потом обвел рукой обступивший их лес. – Вы теперь на севере, – пояснил он. – И тут у нас вот как повелось: мы, конечно, стараемся, трудимся не покладая рук. Но что бы мы ни делали, лес забыть не дает: земля, зима и сам Господь Бог всегда будут сильнее. Как ни старайся, а исход один: все тщета и ловля ветра. А раз так, то и не рвись, из сил не выбивайся, разве только надобно что-то побыстрее сделать, а задача – ясная да точная.

Она рассмеялась, сочтя это шуткой, но он лишь пообещал:

– Сами увидите.

Он сказал им, что размеры у имения средние, примерно четыреста десятин. Распахана пока была лишь часть этой земли. Пашня располагалась по обоим берегам реки.

Многие хозяева предпочитали сдавать свои отдаленные земли в кортому, то есть внаем, крестьянам за скромную плату, обыкновенно получаемую в виде оброка. Как он сказал им, это, мол, не прежние дни на юге, когда господа сами управляли имениями, а излишки оброка посылали на рынок на продажу.

– У нас здесь все проще, – продолжил он.

Однако у боярина Милея были деньги, чтобы покупать рабов и нанимать работников.

– Он намерен привести сюда еще людей и расширить и благоустроить вотчину, – сказал тиун, – а часть земли будет сам обрабатывать. Так что, хоть пока вотчина и маленькая, не успеете глазом моргнуть, как здесь все переменится.

Янку беспокоило одно:

– Мы-то христиане, – сказала она ему. – А здешний люд кто – нехристи, поганые?

Она уже успела заметить несколько странных, горбатых могильных холмиков за частоколом, которые показались ей нехристианскими.

– Славяне с юга – те христиане, – ответил он, – а вот мордвины... – он засмеялся, – это мордвины. Вятчи – славяне, но язычники. У частокола – их погост.

– А церковь здесь когда-нибудь построят?

– Боярин вроде хочет.

– Когда? Скоро?

– Может быть.

После этого она вернулась в избу, а ее отец с тиуном пошли посмотреть надел, который будет сдавать ему в кортому боярин.

Земля, которая ему отводилась, представляла собой обыкновенный крестьянский надел площадью в полдесятины. Но была она скудная, поросшая лесом, располагалась к западу от деревни, и ее еще предстояло расчистить. Однако плату за нее назначили скромную, а в первый год и вовсе избавили от необходимости вносить аренду. Тиун даст ему задаток, небольшую сумму денег, за которую переселенец подрядился выполнить для боярина кое-какие работы. Так началась его жизнь на новой родине.

А Янка в это время открывала для себя север. Лето, солнечное и погожее, в этом году не спешило уходить, «бабье лето», как называют начало осени русские, радовало теплом и ясными днями.

Она бродила по окрестностям, иногда одна, иногда с женой тиуна. Это была маленькая, довольно неприветливая женщина, однако она хотела убедиться, что в хозяйстве от новой девицы будет прок, и потому показывала Янке все, ничего не упуская.

Леса были куда изобильнее, чем Янка полагала поначалу. Ее спутница поведала ей, где растут целебные травы: зверобой, чистец, подорожник – и где найти папоротники для лекарственных отваров. Они прошли насквозь маленький сосновый лесок к югу от деревни, над рекой, и набрали на поросшую мхом поляну, сплошь усыпанную кустиками черники и бусинками клюквы. Время от времени ее проводница указывала на то или иное дерево и говорила:

– А вот беличье гнездо, посмотри. – А еще девочка, следуя наставлениям своей спутницы, замечала на стволе следы коготков, оставленных белкой, когда та взбиралась в свое глубокое дупло, торопясь спрятать там орехи на зиму.

– У нас есть деревянные подошвы с зубьями... Наденешь на ноги, – пояснила женщина, – и можешь влезть на любое дерево за беличьими орехами или за пчелиным медом. Ну, вроде как мишка-медведь, – сухо засмеялась она.

Одно местечко, которое Янка особенно полюбила, находилось примерно в версте к югу от деревни. Здесь высокий берег отстоял от реки сажень на пять, и у кромки воды раскинулась маленькая полянка, на которую можно было спуститься по крутому прибрежному склону. А из него, на высоте около шести сажень, бил небольшой источник чистой, прозрачной воды, упоительно холодной даже в разгар лета. Она изливалась наземь тремя маленькими водопадами, струясь по мшистому берегу, по серым камням, образуя крохотные затоны среди папоротников.

– Одна струя – на удачу в любви, другая – на здоровье, третья – на богатство.

– А из какого что?

– Кто его знает! – последовал восхитительный русский ответ, и они повернули назад. В деревню.

Расставаясь, жена тиуна дала Янке еще один совет:

– В этом году лето у нас загостилось. Но ты очень-то не обольщайся. Лето наше короткое, так что, пока оно длится, старайся, работай изо всех сил, помни: здесь тебе не юг.

– А что потом?

– Ничего, – пожала плечами советчица.

Еще одна перемена в жизни Янки заключалась в том, что она становилась женщиной.

Это началось еще на прежней родине, но за время их путешествия, да еще и после того, что предложили ей в семье Мала, все чаще охватывали ее прежде не испытанное волнение и смутные желания, от которых она то преисполнялась уверенности в себе, то внезапно смущалась и краснела. У нее был чудесный, бледный цвет лица, щеки ее окрашивал нежный румянец, а своими длинными темно-русыми волосами она даже гордилась.

Однако бывали дни, когда кожу ее покрывал маслянистый блеск, или на щеках высыпали прыщи, или проступали красные пятна, а волосы казались сальными и неприятными на ощупь. Тогда она сжимала губы, и рот ее с опущенными вниз уголками превращался в одну суровую линию; она хмурилась и старалась без нужды не выходить из дому.

Ее новое тело нравилось ей больше. Этим летом оно приобрело прежде несвойственные ему изгибы, и, хотя она оставалась стройной, ее бедра обнаруживали теперь новые, изящные, нежные очертания, которые, как ей казалось, сделают ее желанной для будущего мужа.

А зима приближалась – и Янка с гордостью обустроивала их новый дом.

Пока батюшка ее был занят крестьянским трудом: помогал другим сельчанам или сколачивал им с Янкой телегу, – она усердно пополняла запасы и коптила рыбу, находя применение всем своим навыкам и искусствам, а он, возвращаясь домой по вечерам, улыбался и говорил ей: «Какое же гнездышко ты нам свила, птичка моя!»

Казалось, он повеселел. Он принял тот вызов, что бросили ему тяжелый труд и жизнь на новом месте, и не проиграл. От него исходило новое ощущение упрямой, нестигаемой силы, вселявшее в нее радость. А когда он входил в дом и лицо его тускло сияло в угасающем, предвечернем солнечном свете, она опускала глаза и думала: «Ай да батюшка у меня! И пригож, и славен!»

К тому же ее не привлекал ни один здешний мужчина.

Тому были свои причины; они возникли еще в тот первый день, когда они с тиуном осматривали деревню.

Ведь еще не наступил вечер, как отец ее вернулся в дом и крикнул в сердцах:

– Ты видела их поля? – И, не дожидаясь ответа, добавил: – Они под пашню лес вырубают и выжигают! Мордва! Поганые нехристи! У них даже плуга приличного нет!

– Нет плуга?

Он с отвращением фыркнул в ответ:

– С такими землями плуг, пожалуй, и не понадобится. Пойдем глянешь.

От того, что так возмутило отца Янки, Руси суждено было страдать на протяжении всей своей истории.

Дело в том, что почвы на севере были очень скудные.

На великой русской равнине встречаются почвы двух видов: промывные и непромывные. Из промывных почв вода испаряется слишком медленно и вымывает полезные вещества, оставляя бедный, кислый пахотный слой, с точки зрения сельского хозяйства не представляющий особой ценности. Такие промывные почвы в России называют «подзолом».

Непромывные почвы залегают там, где вода испаряется быстро. Полезные минеральные вещества остаются в почве, обычно либо нейтральной, либо щелочной. Здесь земледелие себя окупает. Самая плодородная из всех непромывных почв – южный чернозем.

Однако между двумя этими полюсами находится третий тип, нечто среднее. Это серозем, технически являющий собой промывной подзол, более или менее подходящий для земледелия.

В целом можно сказать, что пригодные для сельского хозяйства черноземы распространены на юге, а сероземы – в сердце Руси, на землях, простирающихся от Киева до Оки. Но в «петле» буквы R и далее к северу, до самых торфянистых, насыщенных водой тундровых земель, почва в основном подзолистая и дает очень скудные урожаи. Из-за подобного типа

почвы вкупе с холодным климатом и сельское хозяйство на севере Руси не может похвалиться отличными результатами.

Жирный, плодородный чернозем на юге много веков пахали тяжелыми, железными плугами. А на севере землепашцы довольствовались сохой – легким деревянным плугом со скромным стальным наконечником-сошником, который не проникал глубоко в скудную, малоплодородную землю, а только отваливал верхний слой земли.

Вот это примитивное орудие и почти бесплодная почва и возмутили Янкиного отца. Но еще более глубокое презрение вызывал у крестьян с юга способ земледелия, который применялся в этих краях.

Ведь сельчане не вспахивали два-три больших поля, посадки на которых можно было бы чередовать, а прибегали к подсечно-огневому земледелию: вырубали участок леса, сжигали поваленные деревья и кустарники, потом несколько лет сажали семена прямо в образовавшуюся золу, а затем переходили на другой участок леса, тем временем прежний снова дичал и зарастал.

– Язычники! – с отвращением повторил ее отец.

Но он был здесь единственным переселенцем и потому мало что мог изменить.

Так, убедившись в отсталости местных жителей, Янка преисполнилась к ним презрения и перестала ими интересоваться.

Управляющий, слуга боярина, согласно букве закона был рабом. Семейства вятичей не только отличались грубостью и неотесанностью: кроме того, они были издольщиками, то есть не платили боярину установленную сумму денег за аренду земли, а расплачивались с ним третью урожая. Так поступали бедняки из бедняков. Мордвины были наемными работниками, возделывавшими часть вотчинных земель вдалеке от деревни, которые боярин предпочел оставить у себя, а другие славянские семьи, переселившиеся с юга, уже, как казалось Янке, переняли примитивные северо-восточные обычаи и спокойно прибегали к отсталому ляду, вырубая и выжигая лес под пахотные земли на своих скромных наделах.

Впрочем, среди этих славян в любом случае не было холостых молодых мужчин. Ближайшему к ней по возрасту было одиннадцать лет. А трое мордовских и двое вятических юношей, хотя и выглядели добродушными, не пришлись ей по нраву.

«Отсталый, дикий край, – решила она. – Если я за кого и выйду, то уж точно не за местного олуха и недотепа».

А спустя еще три дня ее отец сделал открытие, которое привело его в еще большую ярость.

– А все-таки здесь есть хорошая земля, – раздраженно объявил он ей вечером, – настоящий чернозем. Но ее в кортому не дают!

– А где она?

– Ближе к деревеньке, которую они прозвали Грязным. Отличная земля, можешь поверить? Я туда сегодня ходил с этими мордвинами, чтоб их!

Дело в том, что природа, или, если точнее, отступающие ледники последнего ледникового периода кое-где оставили на территории сплошных песчаных подзолов участки плодородных земель. Одна такая область распространения чернозема находится к северу от Владимира и простирается в сторону Суздаля. А другой клочок подобных земель, куда меньше размером, сохранился к востоку от Русского.

– Боярин придерживает эту землю за собой. Нам передает только скудную да бедную.

Оказалось, что эта полоса чернозема была поделена на три части. Одна, расположенная ближе к северу, была частным владением, принадлежавшим самому великому князю. Тамошняя деревня несколько лет тому назад вымерла от чумы, но со временем великий князь, несомненно, заселит ее снова. Часть, расположенная ближе к востоку, считалась так называемой

черной землей, номинально ею владел князь муромский, но на деле она сдавалась в кортому свободным крестьянам.

А ближайшая часть, поменьше, принадлежала боярину Милею.

Впервые увидев Янку и ее отца, боярин ни словом об этом не обмолвился. Одиноким мужчина с девочкой в его глазах были негодными кортомщиками для его лучших земельных угодий. «Нет уж, побережь их на потом и поглядеть, не объявится ли еще кто», – здраво рассудил он.

Тем временем он решил сам возделывать часть хороших земель, поручив это нескольким рабам, которых ему удалось приобрести.

– Может быть, нам взять надел чернозема? – предложила Янка.

– Нет, я уже спрашивал у управляющего. Боярин только наемных работников вроде морд-винов туда ищет. Я до такого не опускаюсь.

Она обняла отца и поцеловала, ощущая слабый запах пота, исходящий от его рубахи, и глядя на жилы, выступающие у него на шее. Она не в силах была видеть его таким расстроенным.

– А если нам уйти? – предложила она. – У нас же есть деньги.

Принесенные с собой деньги они тщательно спрятали под полом.

– Что ж, можно. Но не в этом году.

– Да, – согласилась она, – не в этом.

Зима была близко.

Однако, несмотря на все убожество и отсталость деревни, в новой обстановке она ощущала покой и умиротворение. «По крайней мере, – заметила она отцу как-то раз, дождливым днем, лениво потягиваясь, – здесь, может быть, и скучно, но татарам сюда не добраться».

Как ни странно, теплая погода продержалась до середины октября. Янка привыкла к тихой, размеренной деревенской жизни. Вместе с односельчанами она ходила в лес по орехи, а когда мужчины убили лося, помогла женщинам приготовить роскошный пир.

Он шел по тропинке, а вода, капая с деревьев, пропитывала его меховой воротник или, если он не отирал ее, сбегала по его тощей, в складках, шее. Под ним, у подножия небольшого утеса, бил из прибрежного склона волшебный родничок и, стекая меж папоротников, устремлялся в реку. Он не останавливался, вот только раз замедлил шаг, взглянув на реку и противоположный берег внизу. Дважды он вслух выругался.

Чтоб ее, эту девчонку!

Юная, свежая – чем же таким пахнет-то она? Розами? Дикой гвоздикой? Орехами. Калеными орехами. Неужели от нее и вправду пахнет калеными орехами?

«Пропать мне совсем, неужели она меня не замечает?» – чуть было не произнес он вслух. «Может быть, она сама не знает?» – подумал он, но тотчас же отогнал эту мысль. – Еще как знает! Они такие, они все знают».

Так что же это значит? Что она хочет этим сказать? Что же, по ее мнению, он должен ощущать, оставшись с ней наедине, когда дождь срывался с краев крыши, словно водопад? Чего она добивается, потягиваясь и выставляя напоказ свою упругую грудь, зная, что он на нее смотрит, и оборачиваясь к нему, и говоря ему тихим голосом, что ей скучно?

«Она меня дразнит? Она меня презирает?»

Она притворяется, будто не понимает. В этом ее защита и ее оружие. Да, она добра к нему и всегда была добра. И она его любила. По крайней мере, раньше. Однако после истории с этим мальчишкой на реке неизвестно, какие штуки она еще выкинет. Словно она принадлежит ему – и вместе с тем не ему, словно она все понимает и готова ему открыться, но стоит ему только к ней приблизиться, тотчас отворачивается...

Конечно, она его дочь.

Да полно, в том ли дело? Конечно, и этого довольно, чтобы забыть обо всем. Это противу всех законов, божеских и человеческих. Они оба это знают.

Но после всего, что они пережили... их соединяют особые узы, ведь так? И разве глаза ее, все понимающие, зовущие, не говорят, что она тоже желает, любит его? А как опускаются вниз уголки ее рта, думал он, одновременно чуть грустно и чуть цинично и вместе с тем чувственно, – в какую манящую улыбку складываются ее губы по пробуждении! Ах, эти губы, упрямые губы – она словно едва уловимо, едва заметно дует, слишком сильная, чтобы дать волю унынию и обидеться по-настоящему, – неужели эти губы не приоткроются, не разомкнутся для его поцелуев? Неужели они сложатся в улыбку и откроются для другого? Эта мысль превратилась для него в истинную пытку.

Он же ее отец. В ярости топая, он зашагал дальше по тропинке. Он слышал о других отцах, которые...

А потом, ни у него, ни у нее никого нет. Да и кому тут взяться, в этом Богом забытом сельце...

«Я уж напомишу ей, что я ее отец. Если она захочет со мной в игры играть, я уж ей задам», – пробормотал он.

Он так погрузился в свои мысли, что не замечал, куда идет, не понял, как далеко ушел от деревни, и тут только поднял голову, и его глазам предстало странное зрелище.

Он увидел медведя и остановился как вкопанный. Зверь был весьма велик и очень-очень стар. Медведь с трудом пересекал тропинку сажень в пяти от него. Медведь заметил его, но не проявил никакого интереса. Двигался он как-то неуклюже, неловко.

И тут его осенило: медведь умирает и бродит в поисках места последнего упокоения.

Он осторожно пошел навстречу зверю.

– Ну, мишенька, – прошептал он, – на что ты мне сгодишься?

Зверь злобно взглянул на него, но был слишком слаб, чтобы угрожать человеку. Какой же он старый, несчастный, промокший и грязный! Дождь вымочил его насквозь, грязь запеклась на шкуре, от него несло сыростью. Осторожно подойдя поближе, отец Янки обнажил свой длинный охотничий нож. В голову ему пришла счастливая мысль.

Он подарит Янке зимнюю шубу. Это ей понравится. Не каждый мужчина может сказать: «Я добыл для тебя медведя».

Чтобы добыть медведя, требовалось немалое искусство. Хотя зверь едва не шатался и чуть не падал, достаточно было ему немного прийти в себя, ударить могучей лапой – и с охотником покончено. Но отец Янки решил, что справится со зверем.

Он осторожно обошел его, крадучись, на мгновение замер и прыгнул огромному зверю на спину.

Медведь вздрогнул, попытался стать на задние лапы, и тут охотник длинным острым лезвием полоснул его по горлу.

Зверь поднялся во весь свой рост с охотником на спине и попытался до него дотянуться. Отец Янки снова всадил нож ему в шею, стараясь перерезать трахею и крупные вены. Спустя миг он убедился, что смертельно ранил зверя, соскользнул с его спины в грязь и бросился в укрытие за ближайшее дерево.

Он услышал, как медведь захлебывается кровью. Затем зверь снова тяжело опустился на передние лапы. Из его перерезанного горла хлестала кровь. Медведь как будто заметил своего убийцу, но не пошевелился. Он стоял, огромный и печальный, зная, что это конец, и почему-то беспомощно моргая. Потом он обрушился в кусты, и до отца Янки долетел его предсмертный хрип.

Спустя час он снял с медведя шкуру.

Янку всегда угнетало и томило время распутицы. Печаль ее сделалась совсем невыносимой в день, когда перестал дождь, и ей пришлось в голову сходить в соседнюю деревеньку Грязное.

Какое же это унылое место – с десятков изб, теснящихся на берегу реки. Земля здесь была «черная», как и в северной местности, куда отправился Илья со своей семьей, и потому в сущности местные крестьяне были свободные. Еще того лучше, деревня их стояла на том черноземном клине, заполучить который столь жаждал боярин Милей.

И все равно это жалкое, убогое местечко. Речной берег был очень низкий, а почвы к югу от деревни – полузатопленные, и пахло от них болотом.

А еще по Грязному ходила какая-то бабья скверна, Янке уже рассказали, что бабы в Грязном нехороши: кожа на голове у них становилась рыхлой и бугристой, а волосы казались постоянно спутанными и жирными.

Она с радостью вернулась домой, подбросила дров в печь и на всякий случай провела рукой по своим собственным волосам, убедившись, что они такие же легкие и мягкие, как прежде.

Именно в этот вечер ее отец принес чудесную шубку, которую одна из мордочек сшила из шкуры собственноручно убитого им медведя. До сих пор он хранил это от нее в тайне. А сейчас с улыбкой протянул ей шубку.

– Ты добыл медведя? Ради меня? – одновременно в восторге и в ужасе повторяла она. – А если бы он тебя задрал?

– Зато теперь, поди, в морозы-то не зазябнешь, – рассмеялся он.

Она поцеловала его. Он улыбнулся, но больше не сказал ни слова.

Спустя три дня пошел дождь. Настали холода, и холода сильные, хотя в избе царило блаженное тепло. Однако как только зима отрезала маленькую деревеньку от внешнего мира, она не могла не признать самой себе, что здесь стало невыносимо скучно.

У нее не было друзей. Ей казалось, что в деревне царит кладбищенская тишина. С соседями они почти не общались и, хотя до ближайших домов было рукой подать, бывали дни, когда Янке ни с одной живой душой и словом не приходилось перемолвиться. В деревне не было даже церкви, где могли бы собраться жители.

Чтобы скоротать время, она принялась вышивать большое полотно. На белом фоне она вышивала красными нитками поразительный узор из имеющих геометрические очертания птиц, как когда-то в детстве научили ее односельчанки.

Так в этой отдаленной северной деревушке появился орнамент, заимствованный непосредственно из сокровищницы древних восточных узоров, которые знали иранские степные всадники тысячу лет тому назад.

Минул ноябрь. Работа над вышивкой продвигалась, а девица и ее отец жили совсем одни.

Все в ее жизни переменялось в первой половине декабря, и произошло это довольно неожиданно.

В последнее время отец обращался с ней очень ласково. Он знал, что девушка пугалась, если он напивался пьян, и потому с осени почти не притрагивался к хмельному. В последние два дня он был с ней особенно нежен, по-дружески обнимал ее и ласково целовал.

Однако как-то вечером он и вправду напился. Она заметила слабый румянец, проступивший у него на щеке; посмотрела на отца не без робости, но решила, что тот не настолько захмелел, чтобы погрузиться в мрачную скорбь. Более того, она была рада увидеть блаженную улыбку у него на лице. Она заметила, как спокойно лежат на столе его натруженные руки. А еще почему-то обратила внимание на густую поросль светлых волос на тыльной стороне его ладоней и от этого тоже преисполнилась радости.

А потому она сделала что-то очень глупое.

На печи разогревалась красная краска для ниток, уже почти кипела, и Янка решила отнести ее на стол.

Ее отец несколько минут сидел за столом тихо, не говоря ни слова. Не глядя в его сторону, хотя и различая краем глаза его сильную спину и лысину на макушке, и почти задевая его, она протиснулась мимо с горшочком в руках.

Быть может, покосившись на его макушку, она отвлеклась и внезапно зацепилась ногой за ножку маленькой скамейки, на которой он сидел. Девушка почувствовала, что падает, отчаянно попыталась сохранить равновесие и каким-то чудом пролила на стол только четверть горшочка кипящей краски.

– Да будь я неладен!

Он отпрыгнул, перевернув и уронив на пол скамейку.

Она в ужасе уставилась сначала на него, а потом на лужицу краски на столе.

– Я тебе на руки попала?

– Ты что же, заживо меня сварить хочешь?

Он схватился здоровой рукой за обожженную, и на лице его застыла гримаса боли.

Она торопливо поставила горшочек с краской на печь.

– Дай посмотрю! Дай перевяжу!

– Дура безмозглая! – взревел он, но не подпустил ее к себе.

Ее охватил ужас, но одновременно снедала тревога.

– Покажи мне, я помогу. Прости меня, прошу.

Он глубоко вздохнул и стиснул зубы. А потом-то все и случилось.

– Ужо попросишь, еще как просить будешь, – внезапно очень тихо произнес он.

Она почувствовала, как внутри у нее все похолодело. Этот тон был ей знаком еще из детства, и он означал: «Ну, только подожди до вечера».

Она задрожала. В один миг те отношения, что установились между ними за последние месяцы, исчезли. Она снова превратилась в маленькую девочку. А маленькая девочка Янка очень хорошо знала, что за этим последует. У нее затряслись колени.

– Смотреть надо, куда идешь с кипятком, – процедил он.

Ее огорчило, что она причинила ему боль, а потому она и рада бы была, если б он ее посек. Прошло два года с тех пор, как ее пороли в последний раз, еще до того, как забрали Кия. Однако отец собрался наказывать ее, как маленькую, и отчего-то это было унижительно.

– А ну ложись на лавку.

Она подчинилась. Она слышала, как он распускает ременной пояс. Потом почувствовала, как ей задирают льняную рубаху, и собралась с духом, приготовившись.

Но порки не последовало.

Она зажмурилась в ожидании первого удара. А потом, к своему удивлению, ощутила на своем теле его руки. А затем почувствовала возле своего уха его горячее дыхание.

– На сей раз я тебя не накажу, женушка моя, – нежно произнес он. – Ты мне иначе сгодишься. – Тут она почувствовала, как он гладит внутреннюю часть лядвей. Она нахмурилась, не понимая, что он делает. – Тише, – выдохнул он. – Ничего с тобой не случится.

Она отчаянно покраснела, не зная, как быть. Да что же он делает?

Его руки скользили все выше и выше. Внезапно она ощутила собственную наготу, как никогда прежде. Хотела вскрикнуть, броситься бежать, но невыносимое, точно жар, чувство стыда странным образом лишило ее сил. Куда ей бежать? Что она скажет соседям?

В это ужасное мгновение этот мужчина, ее отец, в натопленной до духоты горнице пытался совершить с нею что-то странное. И тут она поняла, что именно.

Его прикосновение привело ее в ужас. Тело ее внезапно резко выгнулось, и она услышала его судорожный вздох:

– Да, вот так, женушка моя.

Спустя несколько мгновений она вдруг ощутила резкую боль, а потом услышала его стон: – Да, птичка моя, ты же знала. Ты всегда знала.

Знала ли она? Шептал ли тихий голосок у нее в душе, что она всегда знала: это рано или поздно случится, и тоже втайне всегда хотела этого?

Она хотела расплакаться, но, как ни странно, в эту минуту не смогла.

Она даже не могла его возненавидеть. Ей ничего не оставалось, кроме как любить его.

Кроме него, у нее ничего не было.

На следующее утро, на рассвете, она вышла на заснеженную улицу.

День обещал быть погожим. Небо было бледно-голубым. Надев снегоступы поверх прочных валенок, она с трудом двинулась к высокому речному берегу. Край его поблескивал в солнечных лучах, а внизу рассветное солнце позолотило лес.

Навстречу ей брел оборванный человек. Это был один из вятичей. Сильно наклонившись вперед, он тащил за собой вязанку дров на маленьких санках. Он устремил на нее пронзительный взгляд темных глаз из-под нависших седых бровей. «Он знает», – подумала она. Она и представить себе не могла, что люди в деревне не догадываются, что свершилось над ней прошлой ночью.

Бородатый крестьянин молча прошел мимо, не промолвив ни слова, словно хмурый пожилой монах.

В воздухе слабо чувствовалось дуновение ветра, но было очень холодно. Толстая шуба уберегала ее от стужи, однако она странным образом ощущала под нею собственное тело, нагое и покрытое синяками.

Она повернула назад.

В нескольких шагах она заметила березу. Ветви у нее по-зимнему оголились, но в лучах восходящего на востоке солнца ее серебристая кора сияла. Черные ребристые отметины на белой коре напомнили ей о родной, южной земле. «Ты словно создана из снега и льда, – подумала она, – но внутри тебя по-прежнему тепло».

Береза была деревом стойким, отважным и выносливым. Она росла везде, где только можно, в любых условиях, на месте сожженных или срубленных деревьев. «Я буду такой же, как она, – мысленно поклялась Янка. – Я выживу».

Медленно побрела она назад в избу. С порога на нее уставилась соседская старуха.

– Может быть, она знает, а может быть, и нет. – Сама того не осознавая, Янка произнесла эти слова вслух.

Она решила, что ей безразлично, пусть тайное станет явным.

Она вошла в дом.

Отец был в горнице. Он сидел на скамье и ел кашу. Он поднял на нее глаза, но не промолвил ни слова.

Спустя несколько дней это повторилось снова, на следующий день – опять.

Ее отношение к происходящему озадачивало ее саму.

В первый раз она попыталась сопротивляться. Тогда-то впервые в жизни она осознала и даже физически ощутила, насколько отец сильнее ее. Он не бил ее, ему это не требовалось. Он просто схватил ее за руки, и она поняла, что не может пошевелинуть ими. Если она не попытается лягнуть его или укусить, то окажется всецело в его власти. А если и попробует, что тогда? Начнется драка, из которой ей точно не выйти победительницей. Она потеряет единственный дом, который есть у нее на свете.

Она безмолвно приготовилась выдержать неизбежное, пытаясь отразить его натиск, избежать нападения, а потом отказалась от бесплодной борьбы.

А когда он овладел ею, она мрачно вспомнила о березе, утопающей в зимнем снегу, но выдерживающей любые испытания и в конце концов умеющей выжить, несмотря ни на что.

В следующие недели она пребывала в смятении. Отец никогда не был груб с нею. Вопреки себе самой она не могла не признать, что ее тело откликается на его ласки.

Он больше не называл ее своей женушкой. Сейчас это прозвучало бы слишком откровенно. Перестал он и обнимать ее за плечи на людях, что раньше делал часто.

Однако она стала смотреть на него, как жена – на мужа.

Она по-прежнему любила его. По-иному стала она ощущать ритмы, которым подчинялось его тело. Когда он, сидя за столом, словно бы напрягал шею или слегка сжимал кулаки, она жалела его, как бывало в детстве; но сейчас уже не думала, что он нуждается в утешении: она знала, что это за телесное томление, и уже понимала, как легко от этого томления избавиться.

Иногда, пусть даже мысленно, вздохнув, ибо осознавала, что за этим последует, она подходила к нему, сидящему вот так на скамье, но не обнимала его, как делала прежде, а принималась растирать его затылок, шею и плечи.

Между ними установились странные отношения: она никогда не играла и не резвилась с ним, никогда не взъерошивала ему волосы и не дразнила его, как могла бы дразнить возлюбленного или мужа, в ее обращении с ним всегда чувствовалась какая-то сдержанность; она была робкой, но практичной.

Один зимний месяц сменялся другим, и постепенно их стала соединять новая, странная связь. Как только дверь в избу открывалась, они превращались в обычных отца и дочь. Если односельчане что-то и знали или подозревали, никто никого ни о чем не спрашивал. Отца и дочь объединяла тайна, и оба отчетливо понимали, что они – соучастники.

В январе она уже не раз отдавалась ему, ощущая наслаждение.

Почему ее так беспокоило, что несколько кратких минут ее тело, тело молодой женщины, наслаждалось ласками и находило успокоение и избавление в ласках, ради которых оно и было создано? Почему этот особый род близости был чем-то хуже того, что уже успел связать их?

Янка прекрасно понимала, что это значит. Она уже давно не исповедовалась, но не скрывала от себя, что с ней творится. Нечистый овладел ею. Она не только согрешила, но и упивалась своим грехом.

Познав любовстрастие, она словно низверглась в бездну и возненавидела самое себя.

«Я теперь вроде этих баб из Грязного», – простонала она.

Ей казалось, будто волосы у нее теперь так же спутаны, как у них, будто все ее тело осквернено.

А оставшись одна, она в отчаянии обращалась к далекой, отрешенной, с печальным ликом Богоматери на маленькой иконе в углу и принималась молиться: «Спаси меня, Матерь Божья, от грехов моих. Укажи мне путь из тьмы».

Боярин Милей был осторожен, проницателен и хитер.

У него были три дочери и двое сыновей, и он хотел оставить детям богатое наследство.

Он никому не доверял.

Хотя он и служил княжескому семейству, владельцам маленьких восточных Муромских земель, костыми ложиться за своего князя он не собирался.

В том был свой смысл. Давно прошли времена, когда важные бояре изо дня в день служили в княжеской свите; теперь в этом качестве их заменяли младшие сыновья или бедные родственники. И хотя им в случае необходимости полагалось откликаться по первому зову князя, они привыкли вести свои дела самостоятельно. На более обширных Рязанских землях, расположенных непосредственно к югу от Мурома, бояре известны были своей независимостью, и князья рязанские подчинили их себе не без труда. В других княжеских владениях, например в юго-западном княжестве Галицко-Волынском, не говоря уже о землях на польской

границе, бояре и дворяне обладали немалой силой, и князю надобно было заручиться их поддержкой, принимая любое важное решение.

Существовало и другое обстоятельство.

Имея высокое происхождение, то есть будучи потомками Владимира Святого, княжеские семейства стали очень большими. Дни величия Киева, когда каждый князь правил огромной территорией, миновали, и теперь многие из знатнейших и славных князей владели лишь небольшими городками, а их дети и внуки могли получить земли меньше, чем некоторые важные бояре. Эти уделы, как принято было именовать такие княжеские наследственные вотчины, были малы, и потому боярин вроде Милея мог и возгордиться, а наблюдая за переменчивыми судьбами многих маленьких городков – княжеских владений, убеждался в том, что политические основы мира отнюдь не так незыблемы, как полагали его предки.

А его собственные князья, сидевшие в славном городе Муроме, с его точки зрения, были игрушками в руках великого князя, которому, по мнению Милея, нельзя было доверять.

«В любом случае, – проницательно говаривал Милей, – даже великий князь, кем бы они ни притворялся, служит отныне татарским ханам».

Так где ему искать выгоду? Как ему разбогатеть?

В глазах Милея, важнее всего была не позорная клятва верности хану, ради которой великий князь должен был ехать на поклон через всю степь. И не разрушение татарскими войсками множества городов – их можно было отстроить заново. И не казнь татарами князя черниговского.

Милей мудро подметил, что, в отличие от русских князей со времен Владимира Мономаха, татарский хан чеканил свою собственную монету.

«Теперь все деньги приберут к рукам татары, – сказал он двоим своим сыновьям. – Торговлю они не искоренят – зачем бы им это? – но всю прибыль возьмут себе».

Со времен нашествия земля Муромская пребывала в упадке и запустении. Хотя Милей владел рабами, которые изготавливали товары и изделия на продажу, и хотя получал в деревнях часть оброка цветной тканью и мехами, пока расширяться ему было особо некуда.

«Надо поглядеть, что на наших собственных землях творится», – решил он.

Он знал нескольких бояр, которые в последнее время проводили в своих имениях по несколько месяцев неотлучно. Если раньше они всегда жили в городе, вели торговлю и принимали кортому деньгами, то теперь были вынуждены кормиться тем, что давала им собственная земля.

«И знаешь, – признался ему один из таких бояр, – может быть, серебряной казны у меня и не водится, но, когда какой-нибудь крестьянин в уплату кортомы объявится у меня с двумя мешками зерна, с маслом, да сыром, да творогом, с пятью десятками яиц и с целой телегой дров, я и довольнехонек. Когда уезжаю к себе в вотчину, я, может быть, сам становлюсь похожим на крестьянина, – рассмеялся он, – но живу зато хоть куда».

Выслушивая такие признания, Милей стал все чаще задумываться о Русском.

А какие, кстати, размеры были у этой деревушки?

Милею оставалось только догадываться.

Как и большинство документов в этой огромной стране, где все было неточно и приблизительно, вотчинная жалованная грамота не устанавливала однозначно границ земельного владения. «Где коса, да топор, да соха погуляли» – так звучала обычная формулировка. Только местные жители, издавна поселившиеся в такой деревеньке, могли сказать с какой-то долей уверенности, где заканчивается там вспаханная земля.

Однако три эти стороны, располагающиеся на бедном подзоле, интересовали Милея меньше, чем восточная, лежащая за рекой, на плодородном черноземе. И здесь-то граница с черными землями князя была проведена четко.

Поскольку сейчас не было никаких причин князю муромскому даровать Милею Грязное, он несколько раз предлагал купить его у князя. Усилия его пока не увенчались успехом. Но, как указывал его тиун, и Милеев чернозем был толком еще не поднят, не возделан.

«Пошли мне еще рабов, боярин, – просил он, – вот будет тогда толк!»

Держа в уме все перечисленные соображения, в конце того лета боярин Милей приехал осматривать Русское.

Сено уже убрали, и стога отбрасывали тени на лугу за рекой, когда он верхом въехал в свое село.

Он предупредил тиуна заранее, и потому его появления уже дожидалась крепкая новая изба с высокой остроконечной крышей и огородом в палисаднике. Он приехал в сопровождении одного только слуги и тотчас же потребовал задать корма своим прекрасным коням.

Когда тиун кинулся за сеном, боярин его выбранил: «Овса им задай, дурак! Это тебе не клячи холопы!»

И в самом деле, великолепные кони были в полтора раза крупнее маленьких приземистых северных лошадок, на которых пахали и ездили местные крестьяне.

Милей быстро поел, отпустил несколько едких замечаний по поводу репы, что подали ему на ужин, и тотчас же отправился на покой.

Но когда тиунова жена этим вечером посетовала на раздражительность боярина, умный управляющий только усмехнулся.

– Это добрый знак, мне ли не ведать! – сказал он ей. А когда она взглянула на него с удивленным видом, добавил: – Он бы не серчал и не горячился, если бы не решил заняться этой землей.

Старик оказался прав.

На следующее утро Милей встал на рассвете и выехал осматривать имение, изредка сухо кивая крестьянам, которые выходили на поля.

Рожь уже сжали и вывезли с полей. В тот день убрали ячмень.

Милей не спеша объехал каждую пядь земли, а управитель семенил рядом. Особого барского внимания удостоился чернозем.

– Мы ведь пшеницу не сеем?

– Пока нет, господин.

– Надо бы нам попробовать, – отрывисто и сухо рассмеялся он. – Тогда и просфоры испечь сможете.

Просфоры? Так, значит, боярин хочет построить здесь церковь. Тиун украдкой улыбнулся. Выходит, намерения у того самые серьезные.

Были у Милея и другие предложения. Когда он был мальчиком, на юге стали сеять гречиху. Он хотел посадить гречиху в Русском. Уж очень обидной показалась ему та репа, что подали боярину накануне.

– Холопья снесь, чтоб ее! – с отвращением заметил он. – Вы же здесь и горох почти не выращиваете.

– Твоя правда, барин.

– Сажайте горох и чечевицу. А еще коноплю. Выращивайте ее вместе с горохом. Конопляное семя масляное. Зимой годно.

– Да, господин.

Зачем боярину это все понадобилось, скажите на милость? Неужели он хочет не только расширить и обустроить деревеньку, но и сам здесь поселиться?

– Это тебе самому требуется, отец родной? – неосторожно осведомился управитель.

– Не твоего ума дело, поступай, как велено! – оборвал его боярин, и управитель тотчас же поклонился.

«Так вот, значит, что он затеял, если только я не ошибаюсь», – радостно думал он. Милею понравился лен.

– Но мне нужно больше, – объявил он.

Лен был основной прядильной культурой, возделываемой на русском Севере, и единственным товаром, который можно было с выгодой поставлять на рынок. Северо-западный город Псков даже вывозил лен за границу.

Осмотрев скот, боярин остался доволен. Овцы в деревне были недурные: маленькие, безрогие, с довольно длинным телом, – их он когда-то привез в Русское сам. Свины плодились и размножались. Но, глядя на коров, он с грустью покачал головой. В холке они не достигали трех локтей и были тощие. Милей ничего не сказал и пошел дальше.

Вернулся боярин только к вечеру.

Он поел, потом поспал. А затем, в сумерках, отправился совершать обход деревни, осматривать крестьянские избы и их обитателей.

То, что он увидел, пришлось ему не по вкусу.

– Всё рвань да убогие какие-то, – выговаривал он тиуну. – И не надобно мне напоминать, что это я сюда большинство из них послал, – добавил он с мрачной ухмылкой.

Но настроение его заметно улучшилось, когда он дошел до последней избы, где поселились отец с дочерью, которых он направил в Русское в прошлом году.

– Наконец-то, – удовлетворенно произнес он, – чистая изба.

Внутри было даже лучше. На соломенной веревке, протянутой над печью, сушились свежие травы. В избе приятно пахло. Все выглядело ухоженным и нарядным: от стоящей на столе братины в виде уточки просто глаз невозможно было оторвать. В красном углу пред иконой горела свеча; в углу напротив висели три красиво расшитых холста.

Все это сделала Янка за восемь месяцев тяжелейших душевных мук.

С удовольствием смотрел боярин на справную пару – отца с дочерью. Хотя крестьянин весь день проработал в поле, жидкая борода его была аккуратно причесана. Чтоб почтить высокого гостя, он облачился в новую рубаху и улыбался почтительно, но не подобострастно, как человек с ничем не омраченной совестью.

Девушка же была истинная жемчужина. Опрятная, чистенькая и, как он вынужден был признать, пригожая. Раз в кои-то веки даже сердце циничного Милея растаяло.

– Добрые детки – родителю честь, – сказал он, любезно улыбаясь им обоим.

Как же похорошела девушка с тех пор, как он в последний раз ее видел! Она была по-прежнему стройна, но и тело и лицо ее слегка округлились за эту первую пору ее женской зрелости. Кожа у нее была на удивление гладкая, хотя и бледноватая.

Он внимательно посмотрел на нее. Не промелькнуло ли в ее глазах выражение тревоги?

Потом, подумав о своих собственных дочерях, решил, что в этом возрасте все девушки о чем-нибудь да тревожатся.

– Ишь ты, ягодка, вот же посчастливится кому-то, – невольно пробормотал он, когда они снова вышли из избы.

На следующий день он отправился в Грязное, а потом объявил, что уезжает, но вскоре опять вернется.

– Так что будь готов встречать меня каждый день, – крикнул он на прощанье управителю. Он не возвращался целый месяц.

Когда боярин все-таки вновь прибыл в Русское, его сопровождали четыре лодки, которые его люди тянули бечевой против течения.

В первой лодке плыла семья рабов.

– Мордва неумытая, – поделился он своими опасениями с управителем, – но ты их к делу приставишь.

В остальных лодках привезли скот: Милей купил телят на Рязанщине.

– Рязанцы у себя на приокских лугах коров ладнее нашего выращивают, – сказал он. – Двух отдашь тому новому смерду, пусть он с дочкой за ними зимой приглядывает. У него точно не захиреют.

Он устроился в приготовленном для него доме и объявил, что пробудет в Русском неделю, а в конце этой недели соберет кортому.

– А потом, – сообщил он тиуну, – я поеду в Новгород по делам. Оттуда вернусь весной.

На сей раз он не стал осматривать деревню, а довольствовался тем, что все обошел и поглядел, как работают крестьяне.

Нравилось ему среди прочих хозяйственных занятий наблюдать за молотьбой.

Молотили на нарочно расчищенном для того току, возле маленьких печей, где зерно и предварительно, и после молотьбы сушилось над дымом.

Обмолачивали снопы двумя способами. Иногда их били цепами, и выполняли эту работу мужчины. Но существовал и более деликатный метод отделения зерна от колосьев; это уж была женская работа. На две опоры клали бревно. Ударяя связкой колосьев по бревну, женщины выбивали зерно из колоса, но сохраняли в целости длинную солому, которую оставляли для плетения. Ржаная солома отличалась особенной длиной и мягкостью, но достаточной прочностью, из нее можно было вить веревки.

Милей часто проходил мимо и останавливался поглядеть. Хотя поначалу женщин немного пугало присутствие высокого, похожего на турка барина с холодными глазами и белокурыми волосами, вскоре они к нему привыкли. Он словно бы и не смотрел ни на что в особенности.

Но Янка быстро почувствовала, что он приходит поглядеть на молотьбу неспроста. Она угадывала, что за этим скрывается.

Она всегда была опрятно одета, но, придя на второй день, господин заметил, что на девке нарядная рубаха, расшитая на груди узором из птиц, и что пояс завязан чуть-чуть туже, чем обычно, и потому, когда Янка наклонялась и поднимала руку, он легко мог различить очертания ее тела.

Воистину, уж на что Милей повидал свет и преисполнился в душе бесстыдства, но ему казалось, что было что-то колдовское в этой незамысловатой деревенской сценке, в глуши, за много верст от больших городов, любо было ему глядеть, как у него на глазах вместе с остальными деревенскими женщинами молотила эта хорошенькая, чистенькая девица.

Он давно не был дома. Сила его еще была при нем, но и старость уже подступала, а эта девица была не похожа на других.

Он чувствовал неизведанный прежде прилив сил, словно на исходе этого волшебного лета в этом затерянном среди лесов местечке ему было даровано на несколько дней обратить вспять неумолимое время и вернуть себе молодость.

Он ни разу не заговорил с нею, она ни разу не заговорила с ним. Но оба они понимали, что наблюдают друг за другом, думают друг о друге, и осознание этого было так же неизбежно, как то, что приходит вечер и мрак, а тайна, объединявшая их, сияла как полдень.

На четвертый день, когда он стоял в одиночестве, глядя на закат над полем на противоположном речном берегу, она подошла к нему, улыбнулась... и зашагала дальше.

За день до отъезда боярин Милей собирал кортому.

Ему приносили мешки с зерном и поросят. Половину свиней обычно забивали до прихода зимы. Ему приносили ягнят и козлят. Одна семья, решившая платить ему не оброком, а деньгами, принесла связку беличьих шкурок, ибо в это время в этих землях они принимались к расчету вместо мелкой монеты.

Ему приносили бобровые шкурки, которые он мог потом продать.

Ему нравилось смотреть на крестьян с их живностью. У молодых бычков еще не сняли с шеи деревянные ботала, которые повесили, выгоняя животных пастись в лес после уборки урожая. Печальный сухой перестук далеко разносился в осеннем воздухе, когда бычков притаскивали под барские очи.

Милей, хотя и довольный кортомой, ощутил какую-то грусть при мысли, что ему придется уехать из этого местечка. Когда уплата кортомы подходила к концу, почти в сумерках, он встал с места, махнул тиуну, что, мол, хочет побыть один, и вышел за околицу – последний раз прогуляться по речному берегу.

Повсюду пролегли длинные тени, деревья казались особенно высокими, ничто не нарушало тишины.

Он удивился, хотя и не разгневался, когда перед ним на тропинке появилась та самая девица. Под ними простиралась медлительная, поблескивающая, словно стекло, река. Он понял, что она хочет говорить с ним, и остановился.

На сей раз она поглядела прямо на него своими странными глазами, в которых таилась тщательно скрываемая грусть, и промолвила:

– Возьми меня с собой, господин.

Он изумленно уставился на нее:

– Куда?

– В Новгород. Разве ты не туда едешь?

Он кивнул.

– Тебе здесь плохо? – тихо спросил он.

– Мне надо отсюда уехать.

Он с любопытством посмотрел на нее. Что же ее тревожит?

– Отец дурно с тобой обращается?

– Может быть. А может быть, и нет. Какая тебе разница? – Она глубоко вздохнула. – Возьми меня с собой.

– Ты Новгород хочешь посмотреть, ведь так?

– Я хочу уехать с тобой.

В ее словах, жестах, выражении лица читалось отчаяние. Раньше ничего подобного он не замечал, и будь он помоложе, то, может быть, даже слегка оробел бы. Она была похожа на русалку, выплывшую из реки, чтобы потом являться ему неотступно, точно призрак. Но все же она владела собой.

Он вообразил ее тело.

– А что скажет твой отец?

Она пожала плечами.

Так вот в чем дело! Пожалуй, он догадался. Он посмотрел на нее спокойно и вместе с тем откровенно, не так, как раньше.

– А если я возьму тебя с собой, чем ты мне заплатишь?

Она в свою очередь пристально посмотрела на него, столь же спокойно:

– Чем прикажешь.

Это был ее единственный шанс. Он не знал, что она решила наложить на себя руки, если он ей откажет.

– Хорошо.

Он повернулся и зашагал назад. Река, текущая внизу, казалась бледной лентой, сотканной из света; леса уже подернулись тьмой.

Путешествие выдалось долгим, ведь им предстояло проехать почти шестьсот верст на северо-запад, в края на побережье Балтийского моря. Янка состояла в личной свите боярина – всего полдюжины человек, – и стоило ей покинуть деревню, как ее охватило радостное вол-

нение. Сперва, впрочем, было трудно, ведь боярин отправил лодки назад – вниз по течению – и сказал, что в Новгород они поедут на лошадях.

– Ты же умеешь ездить верхом, правда?

Конечно, ей приходилось ездить на крестьянских лошадках; но ни одному смерду не пришлось бы в голову отправиться в долгое путешествие иначе чем на лодке. К концу первого дня она уже страдала от седельных ссадин. К концу третьего ее мучения сделались невыносимы. Милей это позабавило.

– Ну, теперь точно скажут, что я тебя силой взял, да еще и отколотил притом, – шутливо заметил он.

Он был высок и могуч; а верхом на одном из своих крупных, величественных скакунов казался еще более внушительным, настоящим богатырем. Он был облачен в отороченный мехом кафтан и меховую шапку, украшенную алмазом. Большое широкоскулое лицо, холодные, широко расставленные глаза, пышная белокурая борода – весь его облик словно говорил: «Аз есмь власть, что мне за дело до простых смердов?»

Во время путешествия она смотрела на него не без гордости, шепча про себя: «Это мой боярин».

Не теряя времени, он овладел ею в первую же ночь после того, как они выехали из деревни.

И хотя на миг ей стало не по себе при мысли о том, что она разделит ложе с этим рослым, мощным и сильным человеком, который взял ее к себе в шатер, он был с нею на удивление нежен.

Он ласкал ее искусно и умело. Она надеялась, что угодила ему.

Кроме того, он был к ней добр. Всего пары вопросов хватило, чтоб выведать у нее всю историю последних месяцев ее жизни с отцом. Милей посочувствовал девушке.

– Само собой, ты хотела уехать, – мягко сказал он ей. – Но не вини, не кори уж слишком ни его, ни себя. В такой глухомани, вдали от всякого жилья, среди лесов, чего не случается.

К ее удивлению, отец не сильно возражал, узнав, что она хочет уехать. Строго говоря, поскольку они были свободными смердами, Милей не мог приказать ее отцу отпустить ее. Но, призвав к себе крестьянина и сообщив ему о своем решении, могущественный боярин устремил на него столь пронзительный взгляд, что тот залился краской.

Впрочем, он не вовсе лишился присутствия духа.

– Девица для меня – большое подспорье, господин, – осторожно сказал он. – Без нее я обеднею.

Милей все понял.

– Насколько обеднеешь?

– Землица-то у меня скудная. А ты сам видишь, барин, работник я недурной. Пожалуй мне надел чернозема.

Милей задумался. Он решил, что отец Янки хорошо будет обрабатывать полученную землю.

– Ну, быть по сему. Дам тебе пять четей. Назначу за них изрядную кортому. Поговори с управителем.

И, махнув рукой, велел ему удалиться.

При расставании с Янкой отец прослезился. Она видела, что он ее продал да еще и лицемерил притом, но все равно ей стало его жаль.

Они доскакали до Клязьмы.

Янке хотелось бы побывать в стольном граде Владимире и увидеть знаменитую икону Владимирской Божьей Матери. Она слышала, что написал ее сам евангелист Лука. Но Милей покачал головой, и маленький отряд повернул на запад. Они ехали вдоль Клязьмы десять дней,

пока не прискакали к северным окрестностям маленького городишки Москвы. Оттуда они повернули на северо-запад.

Дожди застали их врасплох, как раз когда они добрались до еще одного маленького городка, Твери, находившейся среди пологих Валдайских холмов, в верхнем течении Волги. Тверь была невелика и весьма походила на свою соседку Москву. Там они нашли постоянный двор, где десять дней пережидали дожди. Потом пошел снег.

Спустя неделю, теперь уже в больших, удобных санях, Янка начала заключительную, волшебную часть странствия.

Бывали дни, когда на путешественников обрушивались ледяные ветры и метели. Но в другие дни над сверкающей северной равниной светило солнце.

Как легко, плавно и стремительно скатились сани по речному склону неподалеку от Твери и понеслись по замерзшей Волге. На другом берегу они быстро заскользили по снегу, иногда выезжая на ледяной покров рек, иногда углубляясь в лесные чащи и выбирая бесконечные пути, виляющие между деревьями.

Она заметила, что к западу от Москвы леса снова стали встречаться по большей части лиственные, как на юге. Когда они продвинулись дальше на северо-запад, вместе с лиственными деревьями вновь появились высокие таежные ели и сосны.

Потом местность стала меняться. То и дело открывался вид на огромные пустые плоские равнины, поросшие смешанными лесами, разбитыми на отдельные рощи и маленькие участки. Порой она внезапно понимала, что едут они не по земле, а по льду, что под полозьями их саней – замерзшее болото. Милей был весьма в духе. Он даже запел песню о новгородском купце Садко и улыбался чему-то, пока они неслись по плоской, открытой равнине. И однажды вечером указал куда-то вдаль:

– Господин Великий Новгород!

Издалека город казался не столь внушительным, потому что кремль возвышался над рекой всего десятка на два локтей. Но чем ближе они подъезжали, тем яснее Янка понимала, что не зря город называли Великим.

– Какой огромный! – воскликнула она.

– Только подожди, вот приедем, сама увидишь! – рассмеялся он.

Могущественный город Новгород располагался на берегах Волхова, непосредственно к северу от озера Ильмень. Он состоял из двух половин, по одной на каждом берегу реки, окруженных мощным деревянным частоколом и соединенных огромным деревянным мостом. Посреди западной части, вздымаясь над нею, стоял неприступный кремль с толстыми стенами.

Они въехали в город с востока, пронесли по его восточным кварталам и по мосту.

Янка вскрикнула от удивления.

Мост был велик и длинен, Янка никогда прежде таких могучих мостов не видывала.

– Другого такого нет во всей земле Русской, – подтвердил Милей.

С моста они съехали прямо в гигантские городские ворота. Тотчас за воротами возвышался собор, имеющий весьма суровый облик. Они повернули направо и проехали по северным кварталам города, пока наконец не остановились возле большого деревянного здания – постоянного двора. И Янка уже изумленно ахала, ведь все мостовые в городе были деревянные.

Поначалу Янка наслаждалась всем в Новгороде.

Милей был занят, но, хотя она числилась в свите всего лишь как служанка, он часто брал ее с собой на прогулку и, пока она семенила за ним, время от времени показывал ей городские красоты.

Западная часть, в которой располагался кремль, именовалась Софийской стороной, по тому строгому собору Святой Софии, который она уже видела. Она состояла из трех кварталов, называемых «концами»: самым северным, на окраине которого они остановились, был

Неревский конец, к нему примыкал Загородский конец с богатыми боярскими домами, а там уже и Людин конец, именуемый также Гончарским.

Повсюду виднелись хорошие деревянные дома, церкви Божии красовались повсюду, немало среди них было и каменных. Все выглядело необычайно прочным и надежным. Улицы были вымощены большими бревнами, расколотыми в длину и уложенными плоской стороной вверх поперек деревянных брусьев. В одном месте, где как раз чинили бревенчатый настил, она заметила внизу множество слоев – трудно было сказать, сколько именно, – старых бревенчатых мостовых.

– Значит, новгородские улицы становятся все выше, – сказала она Милею.

– Верно, – ответил он. – Ты это заметишь, когда придется немного спуститься вниз, чтобы попасть в некоторые старинные каменные здания.

Каждую улицу с обеих сторон огораживали заборы – не скромные изгороди, знакомые ей по Русскому, а прочные, несокрушимые деревянные стены, похожие на маленькие частоколы, которые словно бы говорили: «Наткнешься на новгородский забор – ой как заплачешь».

Она вспомнила, что в детстве, живя на юге, слышала, как киевляне или переяславльцы не без презрения именуют северян-новгородцев «долбежниками», то есть плотниками, по названию «долбилки», плотничьего инструмента, короткого долота.

Однако теперь ей казалось, что в сооружениях, выстроенных новгородскими плотниками, нет ничего смешного, они ее немного пугали.

Величественный собор на главной площади кремля задумывался как вызов сопернику – киевскому собору Святой Софии.

Как и в киевской церкви, здесь было пять нефов. Но стены храма были возведены не из розового, словно бы мягко светящегося кирпича, уложенного аккуратными рядами, а из больших, неправильной формы камней. Весь облик храма был суров и неприветлив. В отличие от Софии Киевской с ее тринадцатью сияющими куполами, его венчали пять больших куполов, покрытых свинцовыми листами и матово, неярко поблескивающих. Внутри молящихся встречали не сверкающие мозаики, напоенные загадочным, потусторонним византийским светом, а гигантские фрески, надменно взирающие с плоских, уходящих ввысь стен. Весь храм был воплощением не надмирной тайны, а негибимой, жестокой, непреклонной власти Севера, ведь это место напоминало любому, кто его осматривал, что не случайно зовется «Господином» Великий Новгород.

– Храм по большей части расписывали не греки, а местные новгородские мастера, – объяснил ей Милей.

А когда она стала восхищаться огромными бронзовыми воротами в западном портале, богато украшенными резными библейскими сценами, он сказал ей:

– Мы эти ворота отняли у шведов, но сделаны они в Германии, в Магдебурге.

Когда они вышли из храма, она, указывая на стоящий поблизости огромный деревянный терем, спросила:

– Там живет князь?

– Нет, – ответил Милей, – народ новгородский не позволяет князю селиться в городе. Есть у него свой собственный двор, совсем рядом, к северу от города. А это двор архиепископа. Новгородом правят архиепископ и народное вече. Князь защищает город, и его жители не примут князя, который придется им не по нраву.

Она много раз слышала, что Новгород – вольный город, но не представляла себе, что символы власти вроде тех, что она сейчас видела своими глазами, могут принадлежать народу.

– Выходит, они по-настоящему вольные, – с восторгом заметила она.

– Выходит, они по-настоящему упрямые, – сухо откликнулся он и, глядя сверху вниз на ее изумленное лицо, добавил: – Сама увидишь.

Но если размеры Софийского собора поражали воображение, то представшее ей на второй день за рекой просто потрясало.

Из детинца, как еще называли кремль, они проехали через врата огромной Пречистенской (Богородицкой) башни с каменной надвратной церковью, а потом – по огромному деревянному мосту. Под ними простирался замерзший Волхов, по которому с севера на юг пролегал древний торговый путь в Днепр, до Киева, и который на севере впадал в Ладожское озеро, в свою очередь соединенное Невой с Финским заливом Балтийского моря.

А перед ними раскинулась Торговая сторона.

– На этой стороне два конца, – объявил Милей, когда сани заскользили по мосту, – Словенский и Плотницкий. А между ними Торг. Вот туда мы и едем.

Она никогда не видела ничего подобного. Рядом с величественной церковью виднелось гигантское открытое пространство, тянувшееся до самого речного берега и до причалов.

Оно было покрыто смерзшимся, утоптаным снегом, а на снегу были расставлены длинные ряды разноцветных прилавков – не сосчитать сколько.

– Да их, наверное, целая тысяча наберется, – сказала она.

– Может быть.

Милею надо было заниматься делами, он ушел, а она все утро бродила по городу одна. То, что она увидела на Торгу, ее чрезвычайно удивило.

Ибо перед ней открылась древняя торговая империя Севера. Каких только людей там не было, даже зимой: не только славяне, но и немцы, шведы, прибалтийские торговцы из литовских и латвийских земель. Один толстяк, торговавший соленой рыбой, даже уверял ее, будто в юности с сельдяным флотом доплыл до западного острова Англия.

Здесь можно было купить все, что угодно.

Какую только еду здесь не продавали, а еще – огромные горшки меда, бочонки соли и ворвани. Рыбы здесь было изобилие, даже зимой. На прилавках высились бочки угрей, сельди и трески. Она вскоре узнала, что особенно любят новгородцы леща и палтуса. Повсюду можно было увидеть целые вороха мехов: медвежьих, бобровых, лисьих и даже собольих. Привлекала глаз расписная глиняная посуда и бесконечные ряды красиво выделанных кожаных изделий.

– А в конце лета, – сказала ей одна торговка, – привозят хмель, целыми телегами. То-то и запах стоит! – улыбнулась она.

Продавались здесь и всевозможные украшения, с большим изяществом вырезанные из кости и рога северного оленя. Торговали и моржовым бивнем, который именовали «рыбьим зубом».

А еще она увидела здесь множество икон.

Внимательно рассмотрев их, она заметила разницу между ними и теми иконами, что привыкла видеть с самого детства.

Эти были ярче, контуры фигур на них очерчены четче и определеннее. Их красный фон воспринимался как взрыв яркого цвета в ледяном северном пейзаже, словно бодрящий северный холод породил новое, куда более неистовое божество, воцарившееся над морскими побережьями и лесами. То была новая, еще только развивающаяся Новгородская школа иконописи, которой вскоре суждено было прославиться. Но пока что Янка не поняла, понравились ли ей северные богомазы.

А вот товары, доставляемые с Востока, ее покорили. Их привозили караваны, приходившие по степи из необозримых земель, где теперь правили татары. В Новгород Великий они попадали через Суздаль и его владения.

Нельзя было не остановиться и не принюхаться к пряностям, которые везли отсюда и дальше, на Запад. Хотелось ей купить и самшитовые гребни, и всевозможные бусы. А как перебивались под зимним солнцем чудесные константинопольские шелка! Она с наслаждением погладила блестящую поверхность.

– Эх, а к телу-то так и льнут, ластятся! – сказал ей торговец.

Ее не надо было в этом убеждать.

И тут, наблюдая, как высокий, плотный торговец пересчитывает беличьи шкурки, которыми новгородцы тоже пользовались в качестве разменной монеты, она заметила странное. Купец что-то помечал стилем на маленькой вощенной табличке. Ей приходилось видеть, как пишет боярин Милей, но в Новгороде, похоже, владел грамотой даже простой торговец! Она стала обходить другие прилавки. Многие купцы и даже ремесленники имели при себе вощенные таблички или маленькие кусочки бересты, на которой они делали записи и рисунки.

– Ты разве грамоте умеешь? – спросила она у торговки рыбой.

– Да, голубка, здесь многие умеют, – ответила та.

Янку это поразило. В Русском не было грамотных. А умение читать и писать открывало для людей новые, прежде неведомые возможности.

«Они тут хоть и славяне, как мы, но на самом деле отличаются от нас», – подумала она.

Окидывая взглядом огромную площадь, где собиралось также вече, она стала осознавать, какой неукротимой силой и предприимчивостью наделен балтийский Север.

Этим вечером на постоялом дворе Милей призвал ее к себе, чтобы поужинать с ней вдвоем. Он пребывал в превосходном расположении духа. Какое бы дело он ни задумал, он завершил его с успехом.

Она никогда не вкушала столь роскошных яств. Стол ломился от разных видов рыбы, которой она никогда прежде не пробовала, от искусно приготовленной оленины, от сластей и изысканных лакомств, изящно уложенных в большие глубокие блюда. Во время пира слуга внес миску какого-то блестящего зернистого кушанья, какого раньше ей видеть не приходилось, и поставил ее прямо перед Янкой.

– Что это? – спросила она.

– Икра, – улыбнулся он, – отведай-ка!

Она слышала об икре, но никогда ее не пробовала. Икра была боярским кушаньем.

Он угощал ее хмельным медом и веселился, глядя, как раскраснелась она от пьянящего напитка.

Ближе к концу пира дверь отворилась, и в палату осторожно заглянул худой старик. Это был певец, сказитель. С ним были гусли, игрой на которых обычно сопровождали исполнение былин его собратья по ремеслу.

– Что же ты споешь нам, сказитель? – спросил боярин.

– Две песни, господин, – ответил тот, – одну южную, другую северную.

По его выговору Янка решила, что и сам он родом с юга.

– Первую, – пояснил он, – я сам и сложил. Спую во славу князя Игоря, Игоря Святославовича.

Янка улыбнулась. В детстве она слышала истории о князе Игоре, что возглавил поход против степных кочевников-половцев. Напав на них, Игорь проявил мужество и доблесть, но был побежден и взят в позорный плен. Все русские знали эту историю.

Песня старика врезалась в память сразу же. Тонким скорбным голосом он выводил мелодию, напоминающую восточные напевы, и тотчас же перед Янкой словно раскинулась бескрайняя степь с ее безлюдным, бесконечным, колышущимся травяным морем, которое она знала с раннего детства и благоухание которого словно ощутила сейчас.

Ах, сетовал сказитель, если бы только князья русские объединились, степные кочевники никогда не сумели бы их победить, – осознавать это было еще горше сейчас, когда на Русь пришли татары.

Она подняла глаза и заметила, что глаза Милея тоже увлажнились. Разве среди его собственных предков не было этих вечных противников, русских и половцев, испокон веков враждующих в степи?

Внезапно он потянулся, извлек из-за спины кожаную суму с каким-то небольшим свертком и поставил перед ней.

Это была штука тончайшего восточного шелка.

– Вот тебе подарок, – промолвил дородный боярин и, увидев на ее лице безграничное удивление, откинулся на спинку кресла и захохотал.

– Милей щедр к тем, кто ему угодил! – воскликнул он. – Пой другую, – велел он сказителю.

Это была былина о богатом новгородском госте Садко. Искусный гуслиар и певец, Садко сумел угодить самому морскому царю, да еще и обманул его, выбравшись на волю из подводного дворца, – и стал несметно богат. Что ж, и впрямь жил когда-то в Новгороде такой удачливый купец.

Напев у былины был бодрый, плясовой – и завлекательный.

Янка легла у ног Милея и медленно провела пальцами по мягкой, блестящей поверхности шелка; когда певец затянул о том, как Садко играл на гуслиях, а морской царь тем временем плясал, колыша океан и поднимая волны, она томно потянулась, прижав шелк к груди и подняв глаза на боярина. Он расстегнул верхние застёжки кафтана. Она пристально смотрела на светлые кудрявящиеся волосы у него на груди и на висящий на шее маленький металлический диск с изображением трезубца – тамги его древнего рода. Она глядела на него, улыбаясь, пока и он наконец не рассмеялся тихонько и не махнул сказителю, веля уходить.

Этой ночью она страстно отдавалась боярину Милею. Все было хорошо. А потом ей показалось, что в ней самой открылись какие-то непонятные, неведомые прежде глубины и что она тоже побывала на дне северного моря в подводных чертогах морского царя – вместе с Садко.

Впрочем, хотя Янка с каждым днем узнавала все больше об окружающем мире, только две недели спустя она сделала самое поразительное открытие, потрясшее ее до глубины души.

Ежели и было в Великом Новгороде диво дивное и чудо чудное – то, конечно, знаменитый новгородский князь Александр. Он был человеком необыкновенным. В те самые дни, когда Русь склонилась перед монголами на востоке, этот молодой князь, потомок Мономаха, одержал ошеломляющие победы над западными врагами Руси, сразив тевтонских рыцарей на льду Чудского озера и остановив натиск могучих шведов в битве на реке Неве, по которой и получил свое прозвище – Александр Невский. Даже в далеком Русском Янка слышала об этом герое; однако здесь, стоило ей упомянуть его имя, люди только пожимали плечами. Она не могла этого понять.

С тех пор как уехала с юга, она ни разу не слышала, чтобы кто-то обсуждал политические события, а когда пробовала раз или два заводить с Милеем разговоры о том, что творится в мире, тот только посмеивался.

Но все изменилось в тот вечер, когда боярин задал пир.

Пригласил он к себе людей, с которыми вел дела, а ей позволил остаться и прислуживать гостям. К Милею явились человек десять – по большей части люди высокие, дородные, бородастые, в богатых шелковых кафтанах. Некоторые из них носили перстни с огромными сверкающими камнями; один был столь тучен, что трудно было даже вообразить, как он вообще держится на ногах. Были среди них бояре, богатые купцы, а двое, включая человека помоложе, со смуглым, худощавым лицом, принадлежали к числу торговцев средней руки.

Только услышав их беседу, она осознала, сколь богат и велик Новгород.

Ибо они говорили, как взимать подати со своих северо-восточных имений, расположенных в сотнях верст от города, в лесах и болотах. Они говорили о железе, добываемом в болотах, об огромных солончаках, о гигантских стадах северных оленей, пасущихся на границе тайги и тундры. Она узнала, что летом целый месяц в тех северных краях не наступает ночь, а воцаряются бледные сумерки и что глухой зимой охотники на пушного зверя бродят по пустынным

просторам почти в полной темноте. Новгородский боярин может владеть обширными земельными угодьями, в которых он даже ни разу не бывал, и получать оброк мехами от охотников, которые проходят пешком сотни верст, чтобы встретиться со сборщиком дани, и никогда в жизни не видели городов, ни больших, ни маленьких.

Воистину, это была земля могучих и сильных, бескрайняя тайга.

Однако, услышав, как они говорят о политике, она была поражена.

– Но вот что я хочу спросить: как решите с татарами? – начал Милей. – Вы подчинитесь им или станете с ними сражаться?

Поднялся ропот.

– Положение наше шаткое, – заметил один пожилой боярин. – Нынешний великий князь долго не просидит на престоле.

Янка знала, что последний великий князь владимирский, отец знаменитого князя Александра Невского, умер на обратном пути из Монголии, куда ездил с унижительным визитом за ярлыком на княжение. Ходили слухи, будто его отравили татары. В том же году ему наследовал его брат, подтвердивший право своего племянника Александра на правление в Новгороде. Однако этого великого князя считали слабым.

– Настоящая борьба за власть, – сказал другой, – будет между Александром и его младшим братом Андреем.

Она слышала о брате Александра Невского, но ничего о нем не знала.

– Вот тут-то мы и посмотрим, кого поддержать, – кивнул старый боярин.

И вдруг как громом поразили ее слова одного из собравшихся:

– А для иных из нас, – произнес худощавый молодой купец, – они оба изменники.

Изменники? Князь Александр, доблестный победитель шведов и немцев, – изменник? К ее удивлению, никто не стал возражать.

– Верно, – со вздохом откликнулся тучный боярин, – Александра и вправду не любят. Люди думают, что уж очень ему по нраву татары.

– А правда ли, – спросил Милей, – что в битве против немцев он выставил татарских лучников?

– Поговаривали, что так, но я в это не верю, – отозвался толстяк, – но не забывай, людям не только претит его дружба с татарами. В этом городе, да и среди наших соседей-псковичей, найдется немало тех, кто с радостью признал бы здесь власть немцев.

Стоило ему произнести эти слова, как воцарилось неловкое молчание.

С тех пор как приехала в Новгород, Янка не раз краем уха слышала, что в то самое время, когда князь Александр побеждал шведов и немцев, псковские бояре действительно поддерживали немцев.

– Знаешь, вернувшись в Новгород, Александр повесил тех новгородцев, которые водились с немцами, – объяснил толстяк Милею, – а потому, если кто и стоит за немцев сейчас, вслух про то говорить не с руки.

На миг тишина за пиршественным столом сделалась уже воистину мертвой.

– А вот молвят люди, – тихо продолжал молодой купец, – что молодой князь Андрей втайне склоняется к католикам, немцам да шведам. Вот и мнится нам, мелким купчишкам, что не найти нигде честного русского князя.

Неужели это правда? Хотя Янка уж на что была проста, а понимала, что князь князю рознь, ей никогда не приходила в голову мысль, что среди них окажутся злодеи, способные пустить русские земли как разменную монету.

Какое-то время пирующие и дальше обсуждали судьбы Новгорода, и каждый рассказывал, каков, на его взгляд, будет наиболее благоприятный исход нынешних событий. Наконец толстяк обратился к Милею:

– Что ж, ты слышал, мы не в силах прийти к согласию. А что ты нам скажешь, боярин муромский?

Все с интересом смотрели на него, пока он важно молчал. Янка тоже застыла в ожидании. Что скажет ее могущественный покровитель?

– Во-первых, – наконец произнес он, – я понимаю сторонников католиков. Вы живете по соседству со Швецией, Польшей и немецкими ганзейскими городами. Они все исповедуют католичество и имеют немалую силу. Точно так же князь галицкий на юго-западе считает, что может избежать татарского нашествия с помощью папы. Но те, кто за папистов, не правы. Почему? – Он обвел собравшихся глазами. – Потому что татары куда сильнее, а папа и католические державы – ненадежные союзники. Каждый раз, когда князь галицкий пытается упрочить свою власть, татары его сокрушают.

Поднялся ропот одобрения. То, что сказал Милей о Галицко-Волынском княжестве, не приходилось оспаривать.

– Новгород могуществен, – продолжал он, – но по сравнению с татарами слаб и жалок. Если захотят, они разрушат ваши укрепления за считанные дни, как это уже бывало во Владимире, в Рязани, в самом Киеве. Вам посчастливилось, что они решили повернуть назад, не успев до вас добраться.

– Татары исчезнут, подобно аварам, гуннам, печенегам и половцам, – возразил кто-то.

– Нет, не исчезнут, – откликнулся Милей. – Хоть половина наших князей так и говорят. Им не по вкусу правда, вот они и закрывают на нее глаза. Эти татары не похожи на половцев. Они создали империю, равной которой не видел мир. А если вы... – он опять замолк, чтобы придать дополнительный вес своим словам, – если вы будете им противиться, они прихлопнут вас как муху.

– Так, значит, – печально спросил молодой купец, – ты думаешь, князь Александр прав и нам надо подчиниться этим язычникам?

Милей поглядел на тощего купца с холодным отвращением, взглядом, исполненным привычного, расчетливого коварства. Янка и прежде замечала это выражение его глаз, но никогда раньше не понимала в полной мере.

– Я думаю, – очень тихо произнес он, – татары – лучшие друзья, какие у нас есть.

– Вот именно, – вмешался толстяк, – я сразу понял, друг мой, что ты человек мудрый.

Янка пришла в ужас. Да о чем он это?

– Конечно, Александр прав, – продолжал Милей. – У нас нет выбора. Попомните мои слова, пройдет всего несколько лет, и они будут править всеми нами. Но не в этом дело. Кто снаряжает караваны с Востока, с которым вы торгуете? Татары. Кто чеканит монету и кто охраняет степь от половцев? Татары. Где наши сыновья найдут прибыльную службу и добычу? У татар, подобно тому как мои предки-аланы служили хазарам еще до того, как появилась Русь.

– А другая возможность у нас есть? Уповать на русских князей? На великого князя, который и пальцем не пошевелил, чтобы помочь Рязани или Мурому, когда их осадили татары?

– Татары имеют большую силу и любят получать прибыль от торговли. Значит, я буду с ними сотрудничать.

Янка побелела.

Снова встала перед ней прежняя картина: мать, падающая под ударом татарина. Потом она увидела татарина без одного уха. Потом своего брата, уводимого по вечерней степи и постепенно исчезающего из глаз.

Выходит, он за татар.

Она не знала. Да и как могла узнать об этом она, бедная славянская крестьянка из крохотной деревушки? Она не понимала, что больше тысячи лет для сарматов, хазаров, викингов и тюрков, приходивших из степи, по рекам и по морю, для этих хищных скитальцев, меняющих

мир, русская земля была лишь охотничьими угодьями, а русские люди – холопами, которые будут подчиняться им беспрекословно.

Некоторые пожилые гости с умным видом кивали.

К счастью для Янки, о ней просто забыли, и она тихо стояла в углу, слишком потрясенная, чтобы произнести хоть слово.

Однако в эту минуту она чувствовала, что блуд, сотворенный с боярином, запятнал ее куда страшнее, чем кровосмесительная связь с отцом, даже когда она низверглась в бездну отчаяния.

Ровно неделю спустя она стала подозревать, что забеременела.

Она ничего ему не сказала. Она ничего никому не сказала. В любом случае ей не с кем было поговорить. Но что ей оставалось делать? Поначалу она не знала, как поступить. Она каждый день бродила по Новгороду, пытаясь что-то придумать.

В поисках тихих мест, вдали от суеты и шума узеньких улиц, она побывала в монастырях на окраине города и княжеских охотничьих угодьях к северу от Новгорода. Она неплохо изучила город.

Однако чем лучше она узнавала Новгород Великий, тем меньше он ей нравился. Даже в близлежащем Юрьевом монастыре, где ждала увидеть тихую обитель, она обнаружила огромный, приземистый собор, столь надменный и суровый, что внушал едва ли не страх.

Точно так же, войдя в церковь, освященную во имя тишайших и смиреннейших святых, Бориса и Глеба, она оказалась в большом, богато украшенном храме, в дальнем конце которого были установлены пышные дубовые гробы знати. Какая-то старуха сказала ей:

– Церковь эту построил Садко, купец былинный. – А когда Янка окинула взглядом величественное убранство церкви, старуха добавила: – Да, богат был, благодетель наш.

С каждым днем Янка убеждалась в том, что единственное, что имеет в Новгороде вес и значимость, – это деньги.

Не только на рынке, где ей часто приходилось бывать, но и на постоялом дворе, на улицах, с кем бы она ни заговорила, всякий оценивал своих соседей только в зависимости от того, богаты они или нет. «Да я же не человек для них, – осенило ее. – Цена мне – две монетки». И наконец этот жестокий, непреклонный мир ей опротивел. «Здесь мне нет места, – решила она. – Я не хочу здесь оставаться».

По обязанности ублажать боярина ночью и соприкасаться с этим жестоким, торгашеским миром днем было нелегко. Она старалась, как прежде, воображать себя белой березкой, сопротивляющейся натиску ветра и снега, но это более не помогало. Когда она ночью закрывала глаза и пыталась представить себе такую березку, деревце казалось ей далеким и жалким. Днем Янке было тошно и тоскливо, а ночами она преисполнялась отвращения к самой себе. Нигде не было ей спасения.

Иногда она приходила в малые церковки, не столь величественные, как главные соборы. Таких в Новгороде было много – и деревянных, и каменных. Маленькие каменные церкви отличались особой красотой. Новгородские зодчие не только полюбили устанавливать кресты на куполах, как часто делали теперь на Руси, но и нередко изменяли форму старинного византийского купола. Вместо привычного широкого навершия, напоминающего перевернутое блюдо, они теперь заостряли купол, и храмы увенчивались неким подобием шлема. А иногда – и того пуще – делали «шлем» выпуклым, пузатым, и потому купола казались большими сверкающими луковичами.

Существовали и малые копии соборов, с главным храмовым пространством наверху и меньшим, подвальным, внизу, где служили в холодное время года. Однако многие из этих каменных церквей построили на свои средства бояре и купцы – вроде тех, что пришли на пир к Милею в тот вечер ужасных, невыносимых откровений. Вместо хоров, с которых над-

менно взирали сверху вниз на подданных князя, на верхних этажах этих новгородских храмов по углам выгораживали отдельные помещеньца, где могла молиться семья купца-основателя церкви. Бывало также, что изображение дарителя, пожертвовавшего деньги на строительство храма, темноликого, с бородой, сурово, но самодовольно смотрело на прихожан со стены.

Возможно, причиной тому было Янкино состояние, но вскоре и эти церкви стали казаться ей отталкивающими.

А она ведь еще и носила боярского ребенка. Что же ей делать?

Она не сомневалась, что отец позаботится о своем дитяти. Но что будет с ней? Где же ей жить? Сможет ли она вообще выйти замуж? Хотя замужние женщины в славянских деревнях могли иногда предаваться блуду после длившегося всю ночь хмельного пира, любой мужчина, обнаруживший, что взял за себя не девственницу, считал это позором. Узнав об этом, соседи могли в знак презрения вымазать смолой его ворота. У незамужней женщины с ребенком была незавидная судьба.

Так или иначе, она теперь ненавидела Милея, а ребенка ждала от него.

К своему собственному удивлению, она обнаружила, что думает о будущем ребенке совершенно равнодушно. Затеplившаяся в ней жизнь принадлежала Милею и этому большому городу. Она только носила это бремя против своей воли. Она хотела сбросить эту тягость и бежать прочь из Новгорода куда глаза глядят.

«Не надобно мне его, – часто шептала она. – Не надобно, а дитя привяжет меня к нему».

И все же, хотя гнев и кипел в ней, какая-то часть ее души жаждала родить, а еще Янка понимала, что чем больше времени проходит, тем ужаснее будет избавляться от ребенка.

Иногда она сама не знала, чего хочет. Она либо бродила в одиночестве, ко всему безучастная, либо сидела одна, уставившись в пространство.

Милей, почувствовав, что ей неприятно его общество, но не потрудившись узнать причину, просто посылал за ней все реже.

Она наконец приняла решение изгнать плод.

Но как? Она знала, что иные женки прерывали беременность, спрыгнув с высоты. Но почему-то ей не хотелось даже пробовать. Так что же делать? Два дня бродила она по городу, надеясь, по Господнему произволению, поскользнуться на льду, упасть и так вызвать выкидыш. Она ходила молиться перед самой почитаемой новгородской иконой – Знамение Божией Матери. Но хотя эта икона когда-то спасла город от суздальцев, Богородица не снизошла к Янкиным мольбам. Наконец в отчаянии она принялась бродить по рынку, думая найти кого-то, кто мог бы ей помочь.

И через две недели ей удалось найти старуху с бородавкой на руке и жестким, неулыбчивым лицом, продававшую сушеные травы на маленьком прилавке возле реки.

Когда Янка объяснила, что ей требуется, старуха не выказала ни удивления, ни негодования, а только окинула ее внимательным, холодным взглядом маленьких карих глазок:

– И на каком ты месяце?

Янка сказала ей.

– Хорошо, но тебе придется заплатить.

– Сколько?

Старуха минуту подумала.

– Две гривны.

Янка ахнула, ведь это было небольшое состояние.

Старуха по-прежнему глядела на нее бесстрастно, ничем не выдавая своих чувств:

– Ну, что скажешь?

– А это точно...

– Плод свой изгонишь.

– А я...

– С тобой ничего худого не случится.

В тот же день Янка достала свой драгоценный шелк, Милеев подарок, и продала его за две гривны.

– Приходи сегодня вечером, как стемнеет, – сказала ей старуха.

Когда солнце садилось над замерзшими болотами, она направилась следом за шаркающей старухой по тропинке, огибающей южные окраины города. Слева виднелись избы, справа – закованная льдом река. На западе далекий красный диск погружался в сугробы, исчезая, точно еле слышный вздох; вдоль реки частоколы, на которые упала ледяная тень, на фоне красного неба казались иссиня-черными, как вороново крыло.

Старуха подвела Янку к маленькой избе в конце узкой улочки. Возле избы был выстроен небольшой сарай. Она открыла дверь и поманила Янку. Внутри стояли какие-то мешки, стол, заставленный горшочками с травами, от которых исходил странный запах, и одна-единственная скамья. Было холодно.

– Посиди здесь и подожди, – велела Янке старуха и пропала.

Вернувшись, она принесла ушат и поставила его перед Янкой. Потом снова куда-то ушла.

Возвратилась она не скоро. На сей раз она притащила ведро кипятка, которое и вылила в ушат. Над ушатом поднялось облачко пара. Старуха принесла еще два ведерка, пока не наполнила ушат наполовину.

Потом она взяла со стола несколько глиняных горшочков и стала выливать их содержимое в воду, помешивая длинным деревянным половником. От непривычного острого и едкого запаха у Янки слезы брызнули из глаз.

– Что это?

– Не твоего ума дело. А сейчас снимай валенки, подними рубаху и становись ногами в ушат, – приказала старуха.

Янка сделала, как ей велели, и тут же вскрикнула от боли. Вода была обжигающе-горячая.

– Привыкнешь, – успокоила ее старуха, вновь заставив войти в ушат. – А теперь стань во весь рост.

Янка выпрямилась и чуть было не упала, согнувшись пополам. Ноги ее пронзила невыносимая боль.

Старуха подхватила ее, поддержала, потом задрала на ней рубаху, обнажив живот.

Внезапно Янка снова почувствовала себя беспомощной, как в детстве, когда отец заставлял ее лечь на скамью. Она едва не задыхалась от едких паров, поднимающихся из ушата. Опустив глаза, она увидела, что не только ее ступни, но даже колени и бедра побагровели.

– Ты меня заживо сваришь, – простонала она.

– Вроде того, – ответила старуха и подлила в ушат еще горячей воды.

Прошло несколько минут. Боль в ногах сначала сделалась глухой, ноющей, а потом они и вовсе онемели. Янка привыкла к запаху, хотя глаза у нее по-прежнему слезились. Когда ей казалось, что она вот-вот упадет или потеряет сознание, старуха позволяла ей опираться на посох. И время от времени все добавляла горячей воды и каких-то неизвестных трав с едким запахом.

Прошел целый час. А потом Янка лишилась чувств.

Придя в себя, она обнаружила, что старуха натирает ее ярко-красные ноги какой-то мазью.

– Какое-то время поболит, будто ты их ошпарила, но страшного ничего тут нет, – невозможно сказала она.

– А... дитя?..

– Приходи ко мне на рынок послезавтра, на закате.

На следующее утро Янка проснулась поздно.

А еще через день, как велела старуха, она пришла к ее маленькому прилавку. Старуха посмотрела на нее бесстрастно, непроницаемым взглядом:

– Ну что?

Янка кивнула:

– Помогло. Получилось.

– Я же тебе говорила, – промолвила старуха и отвернулась, утратив к Янке всякий интерес.

Больше в Новгороде делать ей было нечего. Она старалась избегать Милея из страха, что он снова наградит ее ребенком. Но как же ей быть дальше?

Вскоре, когда еще не успели сойти снега, она узнала, что боярин намеревается вернуться на восток. Но куда же ей податься? Она решила, что ни за что не останется в Новгороде.

Как ни странно, несмотря на все, что между ними произошло, она тосковала по отцу, желая увидеть его знакомое лицо. Она не хотела возвращаться к нему и снова поселиться с ним, но мечтала его увидеть. Без него она чувствовала себя совершенно одинокой.

Но на каких условиях она могла вернуться? Готов ли боярин содержать ее? Или он просто бросит ее в каком-нибудь маленьком городке или на придорожном постоялом дворе, а сам как ни в чем не бывало поедет дальше? Гадать о том она не могла, а напрямую не спрашивала, поскольку и сама не понимала, чего ей хочется.

Именно в эти дни она открыла для себя спасительный приют. Произошло это спустя три дня после того, как она изгнала плод.

Этим убежищем стала для нее церковь, но не пышная, не величественная, не каменная. Располагалась она в Гончарском конце Софийской стороны и возведена была исключительно из дерева. Осветили церковку во имя святого Власия.

Христианская церковь, снисходя к простым людям, с мудрой терпимостью относилась к обычаям и привычкам новообращенных язычников – славян и финнов. Святой Власий покровительствовал животным. В любом случае этого святого можно было отождествить с древнеславянским богом Велесом, защитником скота, богом богатства и благополучия.

Что-то в этом полутемном деревянном храме с его высокой покатой крышей показалось ей теплым и домашним, согрело и расположило ее к себе. Снаружи церковь походила на высокий сарай, однако внутри она своим низким потолком, темными маленькими иконами и мерцающими свечами больше напоминала нагретую родную избу. Действительно, сложена она была из гигантских бревен и прочна, как крепость. Но священники, старики, напускающие на себя деловой вид, толстухи, терпеливо метущие пол или полирующие лампы и подсвечники, которые стояли повсюду, выглядели дружелюбно. Молясь, иногда по часу или даже более, перед иконой святого Власия, она ощущала, что, может быть, даже в ее никчемном и жалком существовании есть какая-то надежда.

«Господи помилуй, Господи помилуй», – время от времени едва слышно шептала она.

Однажды, отходя от иконы, она заметила высокого священника с темной бородой, который ласково посмотрел на нее и промолвил:

– Отец наш любит всех чад своих, но более всего тех, кто согрешил и раскаялся.

И Янка, чувствуя, что он заглянул ей в душу, ощутила, как на глазах у нее выступают горячие слезы. Склонив голову, девушка быстро вышла из храма.

А всего несколько дней спустя она познакомилась с молодым мужчиной.

На первый взгляд, в нем не было ничего примечательного. Она предположила, что ему года двадцать два – двадцать три, он был немного выше среднего роста, с каштановой бородкой. Скулы у него были высокие, глаза – миндалевидные, карие. Она обратила внимание на его руки, сплошь в мозолях, однако с изящными, сильными, но чувствительными, сужающимися к

кончикам пальцами. Ногти у него, в отличие от большинства ремесленников, были аккуратно подстрижены. Вида парень был серьезного и казался несколько задумчивым.

Когда она впервые увидела его, тот тихо стоял у иконы, погруженный в благоговейное созерцание, но стоило ей подойти к двери, как он тотчас же прервал молитвы, и она мысленно улыбнулась.

Он немного отстал, пропустил ее вперед, давая ей выйти первой, а потом догнал и зашагал рядом с нею.

– Ты что же думаешь, нам в одну сторону? – не без лукавства улыбнулась она.

– Со мной безопаснее. А тебе куда?

– В Неревский конец.

– И мне туда же. Там мой хозяин живет.

С ним и вправду было безопасно.

Оказалось, что он раб. Родом он был мордвин, пленен во время набега, когда ему было двенадцать. Звали его Пургас. С пятнадцати лет он служил богатому новгородскому купцу, который отдал его в учение плотнику.

Они расстались у постоялого двора, но перед тем он узнал, что она каждый день приходит в маленькую деревянную церковь, где полюбила молиться.

Поэтому она почти ожидала увидеть его там на следующий день. Однако ее весьма удивило, когда он достал из-за пазухи маленькую игрушку, которую сам и смастерил. Это был крохотный, не больше его руки, вырезанный из березы челнок, с гребцами и с парусом.

Выполнен он был столь совершенно, что на мгновение у нее перехватило дыхание, ведь крошечная резная лодочка напомнила ей работы брата.

– Это тебе, – сказал он и стал настаивать, чтобы она оставила игрушку себе.

В тот день он снова проводил ее до постоялого двора.

После этого они стали часто встречаться. Он всегда был добр к ней, чаще слушал, чем говорил, и вскоре она обнаружила, что ему свойственна какая-то робость, сдержанность, которая пришлась ей по нраву.

Когда они бродили по улицам города, он иногда останавливался, указывая ей какую-нибудь особую деталь, на которую она иначе не обратила бы внимания: умелую резьбу, наличники вокруг окон или просто ту точность и опрятность, с которой были по углам соединены венцы тяжелых бревен.

Янка узнала, что существуют десятки способов рубить избы. Бревна можно было обтесать круглыми или квадратными, их можно было положить так и эдак, при помощи врезок и врубок. То, что для нее виделось бесконечным рядом прочных, довольно грубых деревянных домов, спутнику ее представлялось чередой сложных головоломок, которые он и сам мог решать и которыми можно было залюбоваться, проходя мимо.

– Есть столько способов построить обыкновенную избу, что и не перечесать, – сказал он ей. – И искусным новгородским плотникам все они ведомы.

Однако, хотя он высоко ценил этот город и знал в нем каждый дом, Янка вскоре обнаружила, что Пургас тоскует по родным лесам своего детства.

– Мы жили в лесах, почти на самом берегу Волги, – поведал он ей. И все вспоминал о деревьях и травах своих родных краев. О зданиях и сооружениях он говорил как истинный мастер, но стоило ему упомянуть о своих лесах, как на лице его появлялось выражение мечтательной отрешенности, и она преисполнялась к нему жалостью.

Но самое большое потрясение она испытала на четвертый день их знакомства. Она стала в церкви перед иконой, изображающей Христа, который держал в руках открытую книгу, где были написаны какие-то слова.

– «Судите не по наружности, но судите судом праведным», – вслух прочитал Пургас.

Она в изумлении воззрилась на него:

– Ты тоже умеешь читать?

– Да, научился здесь, в Новгороде.

Мордвин, лесной житель, а ведь умеет грамоте.

В этот миг Янка приняла решение.

Тем вечером она отправилась к боярину Милею и рассказала, чего хочет.

– Что ж, – промолвила она под конец, – ты получил от меня все, чего желал. Помоги мне, боярин?

К ее удивлению, он добродушно улыбнулся. И даже дал ей несколько полезных советов.

– Ну-ка, повтори имя того торговца и напomini, где он живет, – сказал он. И добавил: – Но ты же не знаешь наверняка, захочет ли этого он?

Она кивнула головой.

– Думаю, да, – ответила она.

На следующее же утро, не теряя времени, Милей все устроил.

– Разумеется, мне это влетит в копеечку, – криво усмехнувшись, заметил он. – Впрочем, попы одобряют. Не зря же говорится: «Не церковь построй, а сиротку пристрой».

Янка поняла, что он способен на добрые поступки, ведь знатные и могущественные любят явить себя щедрыми, великодушными.

Потому, встретившись этим вечером с Пургасом возле церкви, она спросила:

– Ты женишься на мне? Мой господин выкупит тебя, если хочешь.

Он был потрясен.

– Я б мечтал, – признался он, – но я же раб, я боялся...

– Но есть условия, – продолжала она. Их она обдумала очень и очень тщательно, и сам Милей довольно неохотно научил ее, как поступить. – Мы уедем из города и поселимся поблизости от моей деревни, но не боярскими холопами, – быстро добавила она. Янка твердо знала, что именно этого она не хочет. – Мы будем свободными. Поселимся на княжьей земле и станем платить кортому одному лишь князю.

Несмотря ни на что, она хотела быть поближе к отцу. Если что-то случится, по крайней мере, она будет рядом. Но ни селиться с ним в одной деревне, ни работать на барина Милея она не собиралась.

– Что ж, переходи на черные земли, – сказал ей Милей, – неподалеку от Русского есть княжьи угодья, и как раз на черноземе. Князь будет рад, что нашлись крестьяне, готовые пахать его землю. Он предложит хорошие условия, прокормите как-нибудь...

А теперь, услышав все это, Пургас, к ее удивлению, рассмеялся. Жениться на Янке он хотел больше всего на свете.

– Значит, решено, – заключил он.

Оставалось одно.

– Есть еще кое-что, – начала она, запинаясь, не поднимая глаз.

Он подождал.

– Когда-то, уже давно... – Она помедлила. – Я тогда была совсем девочкой... На деревню напали татары, и один из них...

Он уставился на нее, поначалу не понимая, к чему она клонит, а потом нежно привлек ее к себе и поцеловал в лоб.

Спустя два дня они уехали вместе с Милеем, который позволил присоединиться к его поезду, во вторых санях.

Когда наконец они добрались до места на Клязьме, откуда река поворачивала в сторону Русского, он расстался с ними.

На протяжении совместного путешествия он был с ними холоден и неприступен, как и подобает боярину со смердами, которые немногим лучше рабов. Но на прощание подозвал к себе Янку.

Он вложил ей в руку две гривны, и в его бесстыдных, хитрых глазах на мгновение мелькнула нежность.

– Жаль, что не оставила дитя, – прошептал он.

А потом уехал.

Спустя день после того, как они добрались до Грязного, началась оттепель.

1262

Боярин Милей ждал.

За рекой время от времени поднимались бледные столбы пыли, клубясь по только что сжатому полю. Сияющее небо отливало синевой. Вдалеке, высоко-высоко, виднелись несколько прозрачных, редящих облачков. Верхушки леса на горизонте окутывала розоватая дымка.

Было очень сухо, в воздухе чувствовался запах полыни; не ощущалось ни дуновения.

Весь год в земле русской царила напряженность. Милей боялся грозы, что могла разразиться каждый миг.

А в это самое утро в селце Русское и вправду чуть было не случилась беда. Не окажись он там, двоих мытарей-магометан непременно убили бы. Он нисколько в этом не сомневался. Только когда он пригрозил изгнать крестьян со своей земли, они отступили и поутихли.

«Но они мне этого точно не простят», – мрачно улыбнулся он.

Сейчас все они собрались в большом сарае, загружали мешки с зерном на телеги мытарей. Он по-прежнему вполуха прислушивался, не донесется ли оттуда какой подозрительный звук.

«Жаль, конечно, что эти мытари – нехристи», – вздохнул он.

А ведь сбылось все, что он предсказывал по поводу татар, все, до мельчайших подробностей. Все сложилось именно так, как он предрекал этим новгородским купцам десять лет тому назад.

Татары захватили северо-восток. Хотя они позволили князьям править и дальше, но ввели всеобщую перепись и призыв в войско; северные земли поделили на тьмы, тысячи, сотни и десятки, подобно тому как прежде это было сделано в землях Киевских. И с этим приходилось только мириться.

Даже Новгород вынужден был покориться и платить татарам дань: и Господин Великий Новгород оказался унижен.

Князь Александр прискакал вместе с татарскими сборщиками налогов и сам помогал им получать дань с населения. Если местные жители сопротивлялись, он подавлял беспорядки.

Милей улыбнулся. До чего же хитер этот Александр!

Он понял, как задобрить татар; использовал их для того, чтобы отодвинуть своего дядю и брата, и теперь сделался сильнейшим, могущественнейшим правителем на землях русских.

Он даже носил восточный шлем, дар татарского хана.

Может быть, русские его и не любили, но его политика отличалась не только хитростью, она была мудра.

Русские одни не могли победить татар.

– Вспомните, что случилось с его братом Андреем, – повторял он тем, кто называл Александра предателем. – Сражаться-то сражался он с татарами, да только разбили его войско и разграбили половину городов на Суздальщине.

Случилось это десять лет тому назад, и до сих пор не было забыто.

А если русским попросить помощи у чужеземцев?

– Тогда вспомните о безрассудном князе галицком, – настоятельно советовал он.

Этот князь с юго-запада, заигрывавший с папой, оказался еще более безумным, чем предсказывал Милей. Сначала он получил княжеский венец из рук папы. Потом стал искать сторонников. И кого же выбрал? Языческие литовские племена с севера, которые постоянно вторгались в западнорусские земли в надежде спастись от тевтонских рыцарей. Князь литовский на какое-то время принял католичество, и вместе они бросили вызов татарам.

И чем же все это кончилось?

Татары сокрушили галичан и заставили их напасть на литовцев. Потом они потребовали, чтобы князь галицкий снес все свои укрепления. Государи на Западе, как обычно, не вмешивались; литовский князь вернулся в язычество. А еще он слышал, что этим летом литовские язычники напали на совершенно беззащитные теперь Галицко-Волынские земли.

– Ему и его княжеству пришел конец. Если бы Александр попытался пойти войной на татар, – говорил он, – они отобрали бы одну половину его земель, а вторую заняли бы немцы.

Александр проявил мудрость.

А еще он был коварен!

Такова была политика татар: никогда не ущемлять Церковь. И Александр, служивший татарам, приблизил к себе митрополита Кирилла.

– И видит Бог, теперь все попы и все монахи за него горой. Люди ненавидят Александра, но каждый раз, как приходят в церковь, слышат от попов, что он герой и спаситель земли Русской. Попы его теперь даже Александром Невским величают, как будто эта маленькая стычка со шведами на реке Неве, случившаяся бог весть когда, еще во дни его юности, спасла всю Русь.

Что ж, попы правы, и их славословия хорошо согласовались с делами века сего – боярина это забавляло.

Да, по поводу татар он не ошибся. Они завладели здесь всем, и только дурак отказался бы с ними сотрудничать.

Он, Милей, сотрудничал с татарами и с Александром Невским больше десяти лет.

А еще он прибегал к интригам. Козни стоят дешевле битвы.

Когда брат Александра, по непостижимо счастливому стечению обстоятельств, ненадолго сел князем во Владимире, один безрассудный боярин прислал ему письмо, в котором намекал, что Андрей-де тайно злоумышляет против татар. Милей тотчас же переслал это письмо Александру. Спустя год Александр занял престол брата, а до Милея дошла весть, что ему покровительствуют и новый правитель, и татары.

С тех пор он многократно удостоивался небольших милостей.

Однако вынужден был признать, что в последнее время дела его шли не столь блестяще.

Пока в Сарае правил хан Батый, Милей без труда сотрудничал с татарами. Однако с недавних пор в Сарае правил новый хан, магометанин.

Нельзя сказать, чтобы сей новый хан притеснял Русскую церковь, такого не было. Однако он позволил магометанским купцам взимать дань с суздальских земель, и те решили содрать с данников семь шкур. Тех несчастных, кто не мог заплатить налог, обратили в рабство, а по всей округе, от Владимира до Муром, приходили вести о бунтах.

Раз в кои-то веки Милей посочувствовал народу. Не так надо было проворачивать подобные дела. Но что ж, о выгоде забывать нельзя.

– Смотрите, чтобы все имения под Муромом заплатили, что требуют, полностью, – наставлял он сыновей. – А я поеду прослежу, как платят дань в Русском.

Именно этим он и занимался сегодня утром.

Однако у него были и другие причины приехать в Русское в этот июльский день.

Ведь, если ему посчастливится, он заключит самую удачную сделку в своей жизни.

А она навсегда изменит судьбу Русского.

Осуществив свой замысел, он передаст дела сыновьям, ведь с возрастом управлять имениями было все труднее.

С тревогой ожидал Милей появления татарина.

Тихий человек лет сорока – сорока пяти, он приехал ближе к вечеру. Судя по его платью и по великолепному коню, на котором он прискакал, тотчас можно было понять, что он богат и занимает высокое положение. Впрочем, он прибыл один, без сопровождающих, вооруженный только монгольским луком и арканом, прикрученным к луке седла.

Он был облачен в темно-красный шелковый кафтан и носил широкополую китайскую шляпу.

Только одна деталь его облика вызывала удивление. На шее его, на серебряной цепочке, висел маленький серебряный крест.

Ибо Петр-татарин принял христианство.

На самом деле, ничего необычного в этом не было. Государство монголов не знало официальной религии. Преодолев гигантское расстояние на своем пути из Монголии по Евразийской равнине, они встречали множество влиятельных религий, от буддизма на Востоке до ислама и христианства на Западе.

Среди них было и древнее несторианское христианство, которое, отрезанное богословскими расхождениями от Запада, распространилось из Персии шестьсот лет тому назад. Несториане основывали свои общины даже в далеком Китае.

Именно эта полузабытая несторианская церковь породила великую средневековую европейскую легенду о расположенной на Востоке сказочной стране, где властвует могущественный христианский правитель, внушающий благоговейный трепет исполнин.

Это была легенда о пресвитере Иоанне.

В детстве Милей верил в нее. Но на самом деле легендарное царство пресвитера Иоанна представляло собой всего-навсего основанную в древности общину, каковых немало знали народы Востока.

Сам сын Великого хана Батыя принял христианство из рук еретиков-несториан.

На Руси некоторые татары также перешли в православие, подобно тому как в землях далее к востоку многие приняли закон Магомета. В Сарае находилась резиденция русского епископа. Все знали, что целое семейство важного татарского чиновника в северном городе Ростове крестилось в православие.

Но даже при этом Милей, познакомившись с новым татарским чиновником и узнав, что баскак несколько лет тому назад тоже принял православие, был весьма удивлен.

Боярину случалось вести дела с баскаком, и он считал Петра-татарина проницательным и хитроумным, но немногословным и сдержанным человеком.

«Какой бы нам, – заметил Милей в беседе со своими сыновьями, – прок получить от моего приятельства с этим татарин-христианином?»

В течение нескольких месяцев он старательно обхаживал и улещивал Петра. Он немало разузнал о татарине. Милею стало известно, что Петр крестился по предложению ростовского управителя. «Есть там такие ханские слуги, что веруют в Христа. Не сказать, что самоглавнейшие, но все же почет свой имеют, а татарские власти считают, что это полезное дело, ежели кое-кто из начальства исповедует веру той страны, которой татары правят. Поэтому я думаю, Петр-татарин может быть нам полезен», – объявил он своей семье.

Первый замысел пришел ему в голову, когда он узнал, что у татарина есть незамужняя дочь.

Старший сын Милея уже был женат, и пока у него родились две дочери. Младший же его сын, красивый юноша по имени Давыд, был холост.

– Как ты на это посмотришь? – спросил он сына. – Я видел девицу, она недурна собой. У этого баскака Петра, судя по всему, немалое состояние. А еще говорят, и полезные связи у него есть.

Некоторые русские князья к тому времени уже успели жениться на татарских княжнах.

– Наши предки на ком только не женились, от саксонок до половчанок, – с усмешкой добавил Милей. – Что б и тебе не жениться на татарке?

Существовали и другие соображения.

До Милея дошли слухи, что татары собираются идти войной на юго-восточные земли, на Кавказ.

– Они хотят напасть на Азербайджан, – сказал он юноше. – Я знаю, ты же не прочь поучаствовать в таком набеге, да и добычу можно там захватить богатую. Если породнишься с татаринцом, сможешь рассчитывать на высокие посты и покровительство.

Сын не возражал, и, к удивлению Милея, Петр-татарин тоже с легкостью согласился на этот брак.

Сыграли свадьбу. Татарин дал за дочерью немалое приданое. Перед ними открывались радужные перспективы.

Но Милей никак не мог ожидать удачи, которая вскоре ему выпала.

Два месяца тому назад, в начале лета, к нему обратился Петр и объявил:

– Я намерен пожертвовать деньги на небольшой монастырь с несколькими монахами и маленькую церковь. Можешь посоветовать мне подходящее место?

Монастырь! Даже Милей не осознавал, сколь богат татарин и сколь глубоко проникся он христианскими истинами.

– Через две недели, – заверил его Милей, – я, пожалуй, сыщу потребную тебе землю.

Разумеется, это был просто дар небес. Он быстро подсчитал свою выгоду и лихорадочно принялся за дело.

Именно этого не хватало ему в Русском.

На протяжении многих лет он делал все, что мог, чтобы обустроить это селцо, но мало преуспел. Теперь в Русском стояла маленькая деревянная церковь; население удвоилось. Однако крестьяне в последние десять лет упорно не желали платить дань татарам, и потому Милею стало все труднее находить надежных поселенцев, особый успех ему не сопутствовал.

Если в деревне появится монастырь, туда потянутся люди, а за ними рано или поздно придет торговля.

Он приобрел в этой местности огромные земли, нераспаханные лесные угодья, и получал небольшой доход от продажи лесных богатств: мехов и дикого меда. Поначалу он думал продать Петру часть своих лесов.

– Но его это не устроит, – сказал Милей Давыду. – Он говорил, что ему нужна хорошая, плодородная земля, а такая в Русском есть только на восточном берегу, где залегает чернозем.

И тут боярина Милея осенило. Он спешно послал гонца с письмом к самому Александру Невскому. В письме Милей пояснил, что требуется монастырь, а что – ему лично, а также почтительно напомнил, какие услуги он оказал Александру в прошлом и как помог ему прийти к власти.

Вскоре гонец доставил ему ответ. Просьба его была уважена, но с одним условием.

«У великого князя много других дел. Не докучай ему более», – значилось в ответном письме.

Этого было довольно.

– Смотри, – сказал Милей Давыду, – за весьма умеренную цену он продаст мне надел чернозема прямо к северу от Грязного, и этот участок земли в два раза больше того, что есть у нас в Русском. – Он потер руки. – Если смогу продать татарину землю под монастырь по

высокой цене, то получу достаточно, чтобы купить участок, что предлагает мне великий князь, а своих денег нисколько не потрачу!

Думая об изяществе этого хода, он улыбался, испытывая почти наслаждение.

Потому-то он с радостью приветствовал татарина-христианина и проводил его к себе в дом.

– Я тебе все это место покажу утром, – пообещал Милей. – Думаю, оно придется тебе по вкусу.

Он поведал Петру-татарину, что утром крестьяне чуть было не взбунтовались.

– Конечно, сельчанам-то невдомек, что ты сюда приехал заключать со мной сделку, – пошутил он. – Небось видят тебя – и душа в пятки уходит.

Петр медлительно кивнул, но не улыбнулся.

– В Суздале и в других городах вспыхнули многолюдные бунты, – предупредил татарин. – В Муроме пока тихо, а я дал страже строгие указания, как себя вести. Но завтра, если начнутся беспорядки, мне придется вернуться. Хан будет в ярости.

– Александр Невский все уладит. Хан ему верит, – самонадеянно произнес Милей.

– Хан никому не верит, и никто не может считать себя в безопасности, – холодно произнес Петр.

Услышав эти слова, Милей поежился, словно от холода, и более чем когда-либо прежде порадовался, что породнился с этими жестокими правителями.

Им подали свежую речную рыбу, сласти и мед. Милей делал все, чтобы поднять гостю настроение.

На следующее утро они выехали пораньше осматривать землю. Милей с гордостью показал Петру плодородный чернозем на восточном берегу. Татарин прошелся по маленькой деревушке и понял, что Милей действительно предложил ему лучшую землю.

– Хорошее место для маленького монастыря, – согласился он. – Для начала пожертвую денег на маленький монастырь с десятком монахов и небольшую церковь. Но со временем он расширится.

Милей кивнул.

– Что ж, выходит, купишь? – с улыбкой спросил Милей.

– А сколько ты за нее просишь?

Милей назвал свою цену.

Она оказалась несколько выше, чем ожидал Петр, но не чрезмерно высокой. Милей был достаточно разумен, чтобы не показаться алчным.

– Хорошо, – согласился Петр.

И, к восторгу Милея, достал кожаный кошель, набитый золотыми монетами, и тотчас же, прямо на месте, заплатил ему.

– Теперь она моя, – заключил Петр.

– Твоя, – подтвердил Милей.

Петр стал садиться на коня.

– Ты у меня не погостишь?

Татарин покачал головой:

– Время-то какое беспокойное... Я хочу вернуться в Муром к завтрашнему дню.

Милей кивнул.

– Все равно, – произнес он, почти не задумываясь, – я составлю купчую крепость на имение.

Этот шаг представлялся ему столь очевидным, что вопрос Петра его поразил:

– Какую-такую «купчую крепость»?

Милей открыл было рот, хотел объяснить, но потом передумал.

Татарин поглядел на него с любопытством:

– Купчую крепость?

Неужели этот умник не знает, что в земле русской всю собственность надобно подтверждать купчими?

Внезапно на Милея снизошло озарение: а и правда, зачем это нужно?

Ведь монгольский аппарат управления, каким бы эффективным и беспощадным он ни был, оставался изолированным и замкнутым. Монголы проводили перепись, чего не делал прежде ни один русский правитель, и разделяли русские земли на тьмы, и собирали налоги. Но этим все и кончалось. Система их управления работала бесперебойно, однако никак не проникала вглубь русской жизни с ее обычаями и традициями. Этот неглупый татарин, христианин, дочь которого вышла за русского, до сих пор оставался чужеземцем в покоренной стране. Возможно, он и не стремился узнать ее. Он не имел никакого представления о купле-продаже земли у русских и о русских законах.

Он только что заплатил за землю, но без купчей крепости она ему не принадлежала.

«Я должен отдать ему землю, – быстро подумал Милей. – А если он когда-нибудь узнает, что я должен был составить купчую...» Однако он помедлил. А что, если из этой сделки можно выжать еще что-нибудь? Надо бы об этом хорошенько поразмыслить. Если сомневаешься, затягивай дело.

– Возвращайся в Муром, – с теплой улыбкой сказал он. – Мы обсудим купчую потом, при встрече.

Петр тронул поводья и поскакал прочь.

– Ты там этим мерзавцам спуску не давай! – крикнул Милей ему вслед, а затем повернул коня и поехал назад в деревню, унося свой кошель золота.

В Грязном в то утро тоже чуть было не пролилась кровь.

Только Янке удалось предотвратить убийство.

Двое купцов-мусульман в сопровождении десятка стражников прибыли в село на трех телегах. Появились они явно не в лучшем настроении.

Монгольская администрация позволяла им собирать столько, сколько им заблагорассудится, при условии, что они передают заранее оговоренную долю хану. Они ожидали получить прибыль, но пока только несли убытки.

Накануне сбор дани в Русском прошел неудачно. Боярин Милей подумал, что его присутствие не дало крестьянам напасть на мытарей. На самом деле, зная, что Милей состоит в родстве с татаринцом, купцы из осторожности выдвинули в Русском вполне разумные требования. Теперь они должны были как-то восполнить то, что потеряли из-за своей снисходительности.

Для начала они намеревались отыгаться на маленькой деревушке Грязное, населенной свободными смердами.

– Мы это селцо обдерем как липку, – решили они, подъезжая к цели своего путешествия.

И все утро именно этим и занимались.

К этому времени деревушка разрослась до пятнадцати дворов общины.

В последние годы община добилась некоего умеренного благополучия, и все благодаря человеку, которого сельчане выбрали деревенским старостой, – Пургасу, мужу Янки.

С тех пор как они поженились, скромный плотник, освобождение которого она сумела устроить, не переставал ее удивлять.

В первый раз она удивилась, когда они построили избу в Грязном и она повесила в углу маленькую иконку. В тот же день он тихо прошел в угол и повесил прямо над иконой венок из березовых веток.

– Зачем это? – изумленно спросила она. – Это же поганный обычай.

Он минуту смотрел на нее не без смущения, а потом признался:

– Я не христианин.

– Нас же поп перед образами венчал!

Обвенчались они еще в Новгороде, как раз перед отъездом.

Он мягко улыбнулся.

– Тогда мне казалось, что это не важно.

Ей и в голову не приходило спрашивать своего милого, какой тот держится веры. Разве они впервые встретились не в церкви?

– Это я за тобой туда пришел, – признался он.

– И ни словом не обмолвился! – раздраженно воскликнула она.

– Я боялся тебя потерять, вот и промолчал, – промямлил он.

Она вспомнила, что и сама его обманула. Выходит, они оба солгали из боязни потерять любовь другого. Это были прочные узы.

– Значит, тебе сейчас надо креститься, – сказала она.

Однако, к ее удивлению, он отказался.

– Наши дети будут христиане, а меня уж оставь поклоняться, кому хочу, – объявил он. – В Новгороде я порядком на христиан насмотрелся, – не без горячности добавил он.

Она понимала, что его бегство в деревню вместе с ней было для него возвращением к корням. И действительно, глядя, как он обустраивается в маленькой общине на княжьей земле, Янка не могла не заметить, что он странным образом переменялся.

По временам он напоминал едва ли не лесное существо, духа или демона чащи. Он совершенно неподвижно замирал на берегу реки, словно бы небрежным жестом тыкал острой в воду, а когда вытаскивал, на острие билась рыба: все это время Янка, лежавшая на берегу и внимательно смотревшая в воду, не замечала решительно ничего. Срывал с березы сухую чагу, растирал в руках, высекал кресалом малую искру – и вскоре в берестяной трубочке точно сам собою занимался огонек. Он умел находить сухие сосновые корни, которые горели без искр, и всевозможные целебные растения.

Он довольно быстро напивался пьян, но во хмелю никогда не буйствовал, а всегда засыпал. Ссорились они только, когда он настаивал, чтобы она разрешила ему есть зайчатину, настрого запрещенную Церковью.

– Я поклоняюсь Нишке-пазу, – говаривал он жене. – Нишке-паз не столь велик, как твой Бог, но обитает в небесных чертогах, и все земные боги повинуются ему.

Пургас любил лес и реку так, как не способна была полюбить она, и Янка это сознавала. Он прикасался к дереву, словно к живому существу, наделенному чувствами и разумом. Она вспомнила, как когда-то сама хотела стать белой березкой и едва ли не сливалась с деревцем.

«А ведь для него весь мир – что мне была та березонька», – вздыхала порой Янка.

Такова была древняя религия – обожествление природных сил и северных лесов, и мудрая жена решила более не корить своего мужа-язычника за то, что он не верует в Христа.

Она водила детей в Русское, в тамошнюю деревянную церковку, а он не возражал, и у нее от этого делалось тепло на душе.

Ее отец нашел себе наконец жену, и Янка была этому рада. Вскоре после того, как они приехали в Грязное, он пришел их проведать, отвел ее в сторонку и вложил ей в ладонь кошель с серебряными монетами, который привез с юга.

«Думаю, Кий уже не вернется, – сказал он, – а значит, все это твое».

Она поняла, что так он пытается загладить свою вину перед нею, они помирились, и с тех пор между ними установились дружеские отношения.

Она показала монеты Пургасу, и тот внимательно их осмотрел. Он объявил, что некоторые отчеканены в Константинополе и очень древние. Часть были русские, времен Мономаха. Но несколько монет его удивили.

– Вот это вроде бы написано славянскими буквами, – сказал он, – но что вот это такое?

По краю монеты были выбиты странные, похожие на восточные письмена.

– Кажется, я видел такие на одной иконе, – припомнил он.

Эти монеты когда-то отчеканили в Польше, на них виднелись надписи на славянском и древнееврейском языках, ведь в Польше издавна существовала хазарская община.

Деньги они спрятали под пол. Кто знает, когда они понадобятся?

Пургас оказался не только хорошим охотником; он неумоимо трудился на земле, и вскоре они зажили в достатке. Жаловаться ей было не на что.

Лишь одно в муже раздражало Янку. Это была та же глубоко укоренившаяся привычка, о которой говорил ей староста, когда они только приехали в Русское; и ее муж-мордвин ни в чем не отличался от своих славянских односельчан. Он упорно не желал заботиться о будущем.

«Прямо одни вороны летают», – повторял он, когда она заставляла его принять какое-нибудь решение. Он считал, что каждое лето, каждую зиму, каждый день надо прожить осторожно и осмотрительно, так, будто они последние.

Однажды после одной подобной ссоры он ушел в лес и вернулся с тушей убитого оленя.

– Вот и оленюшка, поди, тоже думал, как зиму прозимует, – мягко сказал он ей, – а зря думал.

– Но мы же не звери лесные! – нетерпеливо возразила она.

На это он только улыбнулся и пожал плечами.

Она все равно его любила. Он подарил ей троих детей и настоящее счастье. Односельчане его уважали.

И по крайней мере раз в год управляющий боярина Милея предлагал им от имени своего господина на все более и более соблазнительных условиях перейти к нему и взять в кортому землю в Русском.

Они всегда отказывались.

– Мы люди черные, – говорила она без утайки. – Здесь мы сами себе хозяева.

С годами Янка расплнела. Щеки у нее округлились. И она была вполне довольна своей жизнью.

Но даже сейчас муж не переставал ее удивлять. Что же, например, на него нашло вчера вечером?

Ведь прошлой ночью, узнав о том, как поступили с мытарями в Русском, безрассудные мужчины в их деревушке решили подстеречь в засаде и убить их. И Пургас согласился с односельчанами.

Весть о беспорядках в северных городах пришла по реке за несколько дней до этого. Свободные смерды в деревушке заволновались.

– Да вы спятили, – объявила она им, – Русское же не взбунтовалось.

– Потому что боярин заодно с татарами, – сказал кто-то из мужчин.

– Но тогда они на нас нападут и всех перебьют.

Ей не поверили.

– Мы не боимся, – повторяли молодые крестьяне.

– В детстве, когда я жил за Волгой, – заметил Пургас, – жениться юнцам не позволялось, пока они не убьют человека. Такой обычай был у настоящей мордвы.

– Глупый ты поганин, – заголосила она, – ничего-то ты не понимаешь!

И она попыталась втолковать им, что империя, на окраине которой они живут, обладает невиданной, невероятной властью и силой.

– Они всех нас уничтожат, – сказала она им, – они не оставят нас в покое.

– Так, значит, – тихо произнес Пургас, – ты теперь на стороне боярина?

Она от изумления открыла рот. Потом закрыла. Да и что могла она сказать? Она вспомнила тот вечер на постоялом дворе и потрясение, которое испытала, услышав слова Милея. В каком-то смысле ее и сейчас еще корбило от давешних слов Милея, но теперь, когда она

стала старше, когда увидела, как татары захватывают не только юг, но и север, ей пришлось признать, что старый волк был прав.

– Прячьте все, что только можно, – умоляла она односельчан. – Платите дань, но постарайтесь убедить сборщиков податей, что они вас разорили. Иначе мы погибнем.

В конце концов она добилась своего. Даже Пургас пообещал сделать, как она сказала. Потом они начали готовиться.

В тот день все случилось по ее словам. Мытари прибыли вскоре после рассвета, думая застать крестьян врасплох. Они быстро опустошили житницы, выгнали из хлевов кое-какой обнаруженный скот, однако им и невдомек было, что еще до восхода солнца мужики угнали почти всю скотину на болота и спрятали там, куда сборщики податей соваться не решались. Утро еще еле брезжило, когда мытари собрались двинуться дальше.

Пока они грузили на телеги зерно, Янка отлучилась из деревни. Сама не понимая, куда идет, она побрела по тропинке в сторону Русского.

«Что ж, навешу отца», – решила наконец она.

Хотя было еще рано, солнце уже пригревало.

По тропинке она вышла на скрытую между деревьями небольшую поляну, где возвышались древние могильные курганы вятичей и откуда открывался прекрасный вид на Русское. Вокруг царила тишина.

И как раз дойдя до этого места, она остановилась как вкопанная.

Не иначе как она грезит.

Петр-татарин был доволен тем, как складывается день. Он хотел условиться о покупке земли под монастырь, и все получилось наилучшим образом.

Пора ему было примириться с Господом.

«У человека неверующего в душе нет мира», – настойчиво повторял ему ростовский управитель. С этим трудно было спорить.

В конце концов, хан в Сарае теперь поклонялся пророку. Да что говорить, даже сам недавно воцарившийся Великий хан отверг прежнее поклонение Небу, веру Чингиса.

Новый верховный правитель монголов, хан Хубилай, принял буддистскую религию китайцев, которыми повелевал.

Петр нисколько не сомневался, что все люди должны поклониться великому хану. Однако с течением времени, наблюдая постыдную борьбу за власть и позорные интриги среди Чингизидов, всеми способами пытавшихся получить высочайшие посты. Петр уже не мечтал столь страстно, как прежде, о том, чтоб подчинить монголам все земли мира. Даже память о самом Чингисхане, повелителе и отце, уже не предвещала великого царства в будущем, а превратилась в отголосок былых побед.

Есть только один Господь в небесах, один правитель на земле.

«Может быть, – размышлял он, – если бы удача была ко мне благосклоннее, если бы хан Батый не умер, если бы я стал темником, то, пожалуй, до сих пор алкал бы земных благ».

Впрочем, его карьера завершилась. Он сохранит свой пост, но выше не поднимется. Он смирился с этим положением вещей, к тому же благодаря сестре, родившей Батыю сына, скопил большое состояние.

Петр тосковал по степи. Часто, засыпая, он воображал огромные открытые пространства и колышущийся ковыль.

Два года тому назад он ездил по степи в Сарай.

Именно там он купил у каких-то аланов великолепного серого скакуна, на котором сейчас и ехал, – скакуна с черной гривой и с черной полосой вдоль спины. Конь этот вырос в табунах, пасшихся южнее Кавказских гор, и принадлежал к благородной породе, такую масть табуны называли «инеем».

«Более, пожалуй, я не увижу Сарая», – с грустью сказал он жене. Он чувствовал, что проведет остаток своих дней на Руси.

Он остановился на опушке леса, спешил и поднялся на самый высокий из маленьких холмов, желая получше рассмотреть свою новую, только что купленную землю.

Пока он созерцал ее, выражение его лица смягчилось.

Он рассеянно согнал мошку, решившую усесться на обрубок его уха. И вдруг нахмурился.

Что-то беспокоило его коня.

Потом она и сама не могла понять, какой бес лишил ее разума; но поистине ее охватило тогда безумие, безумием была самая мысль об этом.

И все же она словно подчинялась чьей-то чужой воле, не в силах поступить иначе.

День за днем она мысленно повторяла свою клятву. Хотя в последние годы ее занимало множество других забот, в глубине души слово, данное ею некогда самой себе, не забылось, а переросло в твердую уверенность.

«Когда-нибудь я встречу его, выпадет мне такой случай», – думала она.

И внезапно сейчас он предстал перед нею, в каких-нибудь пятнадцати шагах от нее, на могильном кургане. Она даже сзади узнала его, татарина, лишившегося одного уха!

Он был один. Она окинула взглядом тропинку. Рядом тоже никого не было.

Что привело его сюда? Наверняка приехал повидаться с мытарями, которые вот-вот должны были отбыть.

Но что бы ни привело его сюда, судьба выдала его ей с головой, одинокого, без охранников. Это было безумие, но она с совершенной ясностью осознавала, что второго шанса не выпадет.

Перед ней неожиданно предстало лицо матери.

Она подползла поближе. Его конь был привязан к дереву. К седлу его был приторочен лук и колчан со стрелами.

Она осторожно стала на цыпочки, взяла лук и одну-единственную стрелу, приложила стрелу и попробовала натянуть тетиву.

Как трудно это было!

Сердце у нее бешено билось, но она попыталась подползти еще ближе. Конь заволновался и раздраженно фыркнул.

И тут татарин обернулся.

Это был он. Она узнала его по шраму, сбегавшему к гладкому месту, где раньше было ухо. Она помнила его лицо, как будто видела его только вчера.

Потрясенный, он стал медленно поднимать руку.

Он не догадывался, кто она.

Она сделала глубокий вдох и натянула лук. В это движение она вложила все свои силы, сморщившись, точно от острой боли. Натянула тетиву и спустила стрелу.

– Ах!

Это она сама громко выдохнула, услышав себя словно со стороны.

Потом она услышала крик.

Он по-прежнему шел к ней, неистово размахивая рукой. Она стала отступать к его коню.

И тут он упал на колени.

Стрела вонзилась ему в живот и торчала чуть выше пояса.

Откуда этот шум?

Он шептал что-то, почти шипя, не сводя с нее глаз. Ее била неистовая дрожь.

Потом она увидела, как лицо его побелело и он упал на бок.

И тут она поняла, что произошло. Осознание обрушилось на нее, точно удар грома в дурном сне, дикий, непреодолимый страх: что же ей теперь делать?

Янка снова огляделась и с ужасом, с подступающей тошнотой поняла, что кто-то идет к ней по тропинке.

«Только бы убили меня одну, а мужа и детей пощадили», – мысленно взмолилась она и, дрожа, стала ждать своей судьбы.

Это был Пургас. Он в один миг окинул взглядом представшую перед ним картину и потрясенно воззрился на жену.

Она показала на татарина. Пургас шагнул к нему.

– Он еще жив, – тихо произнес Пургас.

Потом спокойно снял с себя пояс и задушил татарина.

Несколько мгновений в последний раз в жизни Менгу, теперь принявший имя Петра, видел перед собой колышущиеся степные травы и даже словно ощущал их запах.

– Ты же вроде запретила нам убивать татар, – слегка усмехнувшись, промолвил Пургас и поднял на нее глаза. – Ты его знала?

Она кивнула.

– Так это тот самый, кто...

Он знал, что ее мать убил татарин, но она почти забыла, что сказала ему, будто татарин также изнасиловал ее саму. Что бы Пургас ни имел в виду, она кивнула.

Он огляделся.

– Мы не можем его здесь оставить, – заметил он.

– Нас убьют, – прошептала она.

– Не думаю. Мытари уехали. Вот почему я шел в Русское. Никто ни о чем не узнает. – Он озабоченно поглядел на нее. – Для начала, – с грустью произнес он, – нам придется убить коня. А животинку, – он с отвращением посмотрел на мертвеца, – очень жаль.

Янка никогда не восхищалась ловкостью и умелостью мужа больше, чем в этот день.

Он точно знал, что делать, и выполнял задуманное удивительно быстро.

Сначала он взвалил тело татарина на седло. Потом, успокаивая, тихонько уговаривая прекрасного коня, увел его вглубь болот. Потом, в уединенном, сокрытом от глаз месте, вырыл яму, а затем, надежно привязав коня так, чтобы его голова располагалась над ямой, перерезал ему горло.

Застигнутый врасплох, конь неистово забился, попытался оборвать повод и тяжело упал на колени. Пургас собрал всю конскую кровь в приготовленную для этого яму.

Спустя час он ловко рассек трупы коня и его хозяина на части, которые удобно было переносить, и стал одну за другой сжигать на костре. А еще сжег всю одежду, вооружение и упряжь татарина, кроме плаща и аркана.

Наконец от убитых осталась только груда костей с обугленной плотью, голова татарина, которую Пургас почему-то не сжег, и куча пепла, который он сбросил на дно ямы и закопал. Когда он закончил работу и разбросал оставшийся мусор по земле, то, даже если бы кто-нибудь и нашел это место, никогда бы не догадался, что здесь происходило.

– А теперь, – сказал он ей, – нам нужно дерево. И я знаю такое, совсем рядом.

Он привел ее к могучему дубу и указал на дупло, темневшее высоко на стволе.

– Там когда-то была борть, – сказал он ей. – Я нашел ее в прошлом году. Сейчас она опустела. Но под ней глубокое дупло, оно уходит вниз по стволу. А теперь помоги мне поднять туда кости.

Увязывая кости в прочный плащ, они за несколько раз перенесли их к подножию дерева.

– А сейчас подай мне аркан, – попросил он. – Через несколько мгновений он взобрался на ветви около дупла. Спустив вниз веревку, он велел Янке привязать к ней плащ и, раз за разом погружая сверток внутрь полого ствола, спрятал улики. Наконец все кости исчезли.

Потом он сжег плащ и аркан и развеял пепел.

– Татары станут искать в реке и на земле, – объявил он, – а на дереве, в дупле, поискать не догадаются.

– А как быть с этим? – спросила Янка, указав на лежащую на земле и устремившую на нее взор без всякого выражения голову, на знакомое лицо со шрамом на месте отрубленного уха.

Он улыбнулся:

– Есть у меня одна придумка.

Прошло еще две недели, прежде чем боярин Милей вернулся из Русского в Муром.

Прибыв туда, он обнаружил, что город охвачен беспорядками. Крестьяне окрестных деревень наотрез отказывались платить дань; на мусульман – сборщиков податей совершили несколько нападений. Татарские власти пришли в ярость, местные жители ожидали возмездия.

Ходили слухи, будто великий князь Александр Невский готовится отбыть в Орду и умолять хана о снисхождении.

Настали черные времена.

А еще пропал Петр-баскак.

И вправду, в самый день его приезда к Милею явился десятский с вопросом, когда тот последний раз видел Петра.

– Он собирался безотлагательно поехать прямо в Муром, – заверил Милей татарского воина.

Было предпринято тщательное расследование. Татарские власти объехали все деревни между Русским и Муромом и допросили всех от мала до велика. Поскольку последний раз Петра видели в Русском, там провели обыск и прочесали дно реки.

Все было напрасно.

Поздней осенью подозрения в конце концов пали на маленькую деревушку на Оке, где крестьяне летом взбунтовались против мытарей, но не было никаких доказательств, что Петр хотя бы заезжал туда. Он словно бы исчез с лица земли.

На четвертый день после своего возвращения Милей решил на великий обман.

Он вынашивал эту ложь с тех пор, как вернулся в Муром. Более того, он подозревал, что рано или поздно ему могут предъявить обвинения в убийстве татарина. Однако, поскольку он мог доказать, что весь тот день провел в деревне, не делая ничего предосудительного, он осмелел и решил рискнуть.

Он просто не мог противиться искушению.

Поэтому, когда к нему приехал сын Петра и вежливо спросил, не покупал ли у него отец землю под монастырь, Милей покачал головой:

– Увы, нет. Место не пришлось ему по вкусу. Жаль, – добавил он, спокойно глядя на молодого человека. – Я был бы рад, если бы он согласился.

– Значит, деньги он тебе не передавал?

Милей покачал головой:

– Ни гроша.

Против него не было никаких доказательств. Если они когда-нибудь и найдут тело татарина, то едва ли будут рассчитывать, что при нем окажется кошель с деньгами. И как же ему посчастливилось, что он не составил купчую крепость на землю, никто ничего не докажет!

Сын Петра уехал. Ему ничего более не оставалось, разве что назвать боярина лжецом.

Спустя неделю на деньги, якобы полученные от продажи земель под Муромом, Милей купил у великого князя еще один участок чернозема в Русском.

Удача ему улыбнулась.

1263

Пути Господни неисповедимы.

Весной следующего года, еще до того, как растаял снег, боярин Милей отправился в свое имение Русское.

Стоя у себя на крыльце и обводя взглядом широко раскинувшуюся местность, он в первую очередь заметил плодородную землю за рекой. А теперь вся она, протянувшаяся на несколько верст к северу от Грязного, принадлежала ему.

Он рано приехал в деревню, поскольку были у него большие планы.

Предварительно он купил нескольких рабов у мусульман-мытарей. Безусловно, некоторых из них обратили в рабство незаконно, за то, что они не сумели заплатить всю требуемую дань. Но едва ли кто-то станет беспокоиться из-за этого здесь. К тому же они были добрые славяне, работающие смерды, именно такие ему всегда и требовались.

Новые рабы должны были прибыть в Русское в начале лета.

Нашлись и поселенцы. Он собирался отдать в кортому часть своих новоприобретенных земель и сумел залучить к себе три семьи, разоренные новыми налогами; люди были только рады получить хорошие наделы на сносных условиях.

«В целом татары были ко мне добры», – с усмешкой подумал он.

В первое воскресенье апреля началась оттепель.

Каждый день на голубом небе светило теплое солнце. Вскоре, по мере того как стала обнажаться из-под снега земля, рядом с тоненькими бурыми ручейками начали появляться огромные откосы серой слякоти. На реке, там, где истончился лед, кое-где показались бурые и зеленоватые грязные участки.

В среду на той неделе, оглядывая местность с крыльца, он заметил маленькие черные проталины – холмики плодородного чернозема, пробивающиеся из-под снега на восточном берегу реки.

И тут, когда он переступал порог, боярину Милею показалось, будто кто-то вонзил ему нож в сердце.

Он замер, прижав руку к груди. Но не могло же сердце у него отказать, он еще не настолько стар. Он сделал глубокий вдох, но не почувствовал боли, да и дышал вполне свободно. Он посмотрел на руки: не посинели ли кончики его пальцев, как бывает при сердечных недугах? Но все было как всегда.

Боярин осторожно вышел со двора, поплотнее запахнув меховую шубу, хотя на улице было тепло. Более ничего странного с ним не случилось. Он обошел деревню и отправился к старосте.

Староста собирался за реку, и Милей решил отправиться с ним. Они с грехом пополам перебрались на другой берег в маленькой лодке-долбленке. Тут-то и произошло что-то странное. Едва Милей ступил на восточный берег, как ноги словно бы охватило пламя. Он сделал еще шаг, другой – и вскрикнул от боли.

– Что с тобой, господин? – Старый управитель изумленно смотрел на него.

Милей в ужасе уставился на свои ступни:

– Точно огнем обжало... когда я из лодки вышел... У тебя ноги не болят?

– Нет, боярин.

Он попытался было сделать еще шаг, но его пронзила столь невыносимая боль, что дальше идти он не смог.

– Возвращаемся, – простонал он, и озадаченному управителю пришлось перевезти его на лодке обратно.

Чрезвычайно встревоженный вернулся боярин домой. Там он осмотрел свои ноги. Все было как всегда.

Вечером того же дня он снова вышел во двор и бросил взгляд на противоположный берег, и тут ощутил словно ужасный удар в грудь, так что от невыносимой боли колени его подогнулись и ему пришлось схватиться за дверной косяк, чтобы не упасть.

Такой же приступ случился у него и на следующий день. И еще через день. Он не мог переступить порог собственного дома, не мог ступить на землю за рекой.

И причина этой лютой хвори была ему известна.

– Это все татарин, чтоб его! – пробормотал Милей. – Он вернулся меня мучить.

На самом деле его догадка была куда вернее, чем он сам предполагал.

Он и вообразить не мог, что однажды прошлой осенью, темной, беззвездной ночью, Пургас-мордвин прокрался к его пустому дому, ловко и искусно вскрыл доски на пороге у входа и похоронил под ним, на глубине двух локтей, голову Петра-татарина так, что, входя и выходя, Милей непременно на нее наступал.

Даже Янка так и не узнала, что ее муж сокрыл голову Петра-татарина в земле на пороге Милея.

Однако, когда мордвин завершил задуманное, на его лице застыло выражение странного, почти дьявольского удовлетворения, которое поразило бы всякого, кто смог бы увидеть его во тьме.

«Если они узнают о голове, то это тебя, боярин, обвинят в убийстве, – прошептал он, – тебя, совратителя моей жены».

Он всегда догадывался о связи Янки с боярином. Теперь они с Милеем были квиты.

Но хотя Милей ничего не знал о захороненной под его порогом голове Петра, его мучения только усилились. Он почти не в силах был выйти из дому.

«Не переселиться ли мне на время к управителю? – подумал он. – Но как это объяснить? Скажу, что мой дом заполонили муравьи или мыши».

Он и сам понимал, что говорить сейчас о муравьях смешно. К тому же какая радость ему жить здесь, если он даже не мог ступить на свою лучшую землю?

«Придется мне из Русского уехать», – решил он.

На следующий день с утра он велел подать коня и, сядя в седло, объявил тиуну: «Вернусь летом».

Однако не успел он отъехать и полверсты от деревни, как его конь внезапно испугался, стал на дыбы и сбросил его, да так, что он упал на какие-то корни и сначала подумал, что сломал ногу.

Но все это померкло по сравнению с тем потрясением, которое он испытал, когда его конь покосился куда-то, пронзительно заржал от страха и метнулся в противоположную сторону.

Милей повернул голову, пытаясь понять, что же так напугало его коня, и тут из-за деревьев показался конь невероятных, сверхъестественных размеров.

Он был серой масти, с черной гривой и с черной полосой вдоль хребта. Он выбежал из леса и проскакал поперек тропы за конем Милея.

Проскакал, не стуча копытами, совершенно беззвучно.

Милей медленно поднялся на ноги.

Перекрестился.

И, хромая, побрел обратно в деревню.

Вернувшись, он тотчас же призвал к себе в дом удивленного управителя и священника из здешней церквушки.

– Я намерен, – объявил он им, – сделать большое пожертвование во славу Господа. Хочу основать монастырь на своей старой земле за рекой.

– Что ж такого приключилось? – спросил священник. Он и не предполагал, что Милей способен на столь бескорыстный поступок.

– Господь ниспослал мне видение, – ответил Милей хотя и сухо, но совершенно искренне.

– Слава Богу! – воскликнул старик. – Воистину, пути Господни неисповедимы.

Милей кивнул и, словно погруженный в благочестивые размышления, вышел на порог своего дома посмотреть на землю, которую только что отдал Господу.

Он вернулся минуту спустя, улыбаясь точно с облегчением, и немедленно повез священника за реку показывать место для строительства.

Так и случилось, что в 1263 году в Русском был основан монастырь.

Освящен он был во имя святых Петра и Павла.

В этом году произошло и еще одно важное событие.

Надеясь уломать хана проявить снисходительность к русским крестьянам, не желавшим платить чрезмерные налоги и бунтовавшим, великий князь Александр Невский отправился через всю степь в Орду.

– Он недужит, – поведал Милею приезжий боярин из Владимира. – Если татары с ним не расправятся, долгое путешествие его уж точно прикончит.

– Надеюсь, он выживет, – ответил Милей. – Может быть, чернь его и не жалует, но он мудрый князь.

– Таким он и останется, – уверил его тот. – Однако он был очень удручен тем, что приходится уезжать в такое время. Его младшему сыну всего три года, и Александр хотел опекать и поддерживать его, пока тот не вырастет.

– Ах да, Даниилом же его вроде зовут? – Кроме имени, Милей ничего не знал о ребенке. – Любопытно, что он получит в наследство?

– Говорят, – сообщил ему боярин из Владимира, – что Александр велел своей семье выделить Даниилу Москву, когда он войдет в возраст.

– Москву?! Этот жалкий городишко?

– Да, местечко невзрачное, – согласился его собеседник, – но расположено удачно.

Москва. Милей покачал головой. Какими бы талантами ни был наделен этот княжеского рода младенец, Милей не в силах был поверить, что Даниилу когда-нибудь удастся превратить ее во что-то стоящее.

Глава четвертая. Икона

1454

В монастыре Петра и Павла ударили к вечерне, и, хотя весенний вечер выдался холодным и промозглым, в воздухе ощущалось радостное волнение. Завтра предстоял важный день: в монастырь прибывали боярин и епископ из Владимира. И все улыбались, глядя, как послушник Севастьян посреди собравшихся ведет в церковь старого отца Стефана. Только одно печалило монахов: службу не посетит отец Иосиф.

Много лет в монастыре жили трое старых-престарых монахов; сейчас в живых остались двое. Отец Стефан был маленький, отец Иосиф – высокий. Стефана почитали как иконописца. Иосиф не обладал никакими умениями, и некоторые полагали его глуповатым. Но оба они были добры, с длинными белоснежными бородами, и они очень любили друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.